

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ал.А. ГРОМЫКО

О *насуцном*

ЕВРОПА

И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 327(4)(082)

ББК 63.3(4)64-6я43+66.4(4)я43

Г875

Громыко Ал. А.

Г875 О насущном: Европа и современный мир. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 232 с.

ISBN 978-5-98163-099-6 (ИЕ РАН)

ISBN 978-5-4469-1197-4 («Нестор-История»)

Книга повествует о современной истории Европы, о перипетиях политической, экономической, социальной жизни континента. Международные отношения помещены в контекст «большой дестабилизации», нового витка соперничества великих держав и нового популизма. Рассуждая о Старом Свете, автор использует представление о Большой Европе от Атлантики до Тихого океана. Большое внимание уделено вопросам глобального управления и регулирования, места Европы в координатах XXI столетия. Рассмотрены острые проблемы развития этой части планеты: вызовы безопасности и стратегического мышления, кризис в отношениях России и коллективного Запада, угрозы международного терроризма, социального неравенства и экономической стагнации, недостатки политического лидерства. Подробно рассказано о положении дел в Европейском союзе, включая брекзит, о трудностях европейской интеграции. Автор указывает на пагубность идеи «новой холодной войны» и призывает учитывать уроки противоречивого XX века.

УДК 327(4)(082)

ББК 63.3(4)64-6я43+66.4(4)я43

На обложке изображён бронзовый памятник в виде револьвера Colt Python с завязанным в узел стволом, расположенный возле здания ООН в Нью-Йорке. Автор — шведский скульптор Carl Fredrik Reuterswärd.

ISBN 978-5-4469-1197-4

9 785446 911974

© Ал. А. Громыко, 2017

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

**Посвящается светлой памяти моего отца
Анатолия Андреевича Громько**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения. Постоянство и изменчивость в истории 5

Часть I. Глобальные перемены

1. Концепции и практики глобального регулирования 12
2. Циклический подход к истории международных отношений
(европейский ракурс) 22
3. О стратегическом мышлении 37

Часть II. Европа от Атлантики до Тихого океана

4. Политика «двух треков» 43
5. Евросфера в зоне высоких рисков 51
6. День, который изменил Европу 57
7. Постсоветское пространство во власти геополитики 70
8. Обретённая свобода, потерянная свобода. 75
9. Уроки Первой мировой войны — исторические параллели. . . 83
10. Дестабилизация Европы и проблема доверия 94

Часть III. Контуры нового мирового (бес)порядка

11. Вперёд в прошлое? 103
 12. «Новая нормальность» или новое «большое соглашение»? . . 119
 13. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за
лидерство в мире полицентричности 131
 14. Структуры соперничества и опыт истории 150
 15. Новая реальность и европейская безопасность 178
 16. «Новый популизм» и становление постбиполярного
мирового порядка. 192
- Эпилог. Дилеммы универсальности и уникальности 201

Список литературы 223

Указатель имен. 230

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.

ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В ИСТОРИИ

Восприятию международных событий часто сталкиваются две интерпретации. Первая апеллирует к взрывному характеру мировых и региональных процессов, неожиданности происходящего и поражающей обывателя стремительности, с которой происходят изменения. Как правило, главным субъектом истории считается личность. Речь идёт о «событийной истории». Вторая интерпретация делает упор на инерционность, закономерности глобального развития, его неповоротливость, своего рода «обломовщину» в поведении системы международных отношений (МО), ощущение, что на фоне мультипликации событий всё остаётся по-старому. Здесь главным двигателем прогресса (или регресса) считаются такие крупные агрегированные категории, как государства, социальные классы, цивилизации, общественно-экономические модели, перед которыми субъективный фактор отступает на второй, если не на третий план. Речь идёт об истории структур, о «медленной истории».

Эти два подхода к истории непосредственно сказываются на изучении международных отношений. Для кого-то падение Берлинской стены в 1989 г. или распад Советского Союза двумя годами позже предстают историческими землетрясениями, которые ещё накануне мало кто предсказывал, неожиданным даром с небес

или их проклятием. Тех же, кому такие предсказания удаются, считают либо эксцентриками, волею случая угадавшими что-то тектоническое, либо чудесными пророками. Одним словом, события интерпретируются как стечение обстоятельств или как рукотворные, как проекция роли личности в истории.

В противоположную крайность впадают те, кто в гипертрофированном виде делает упор на «суперструктуры» истории, скажем, на культурные архетипы или цивилизационную подоплёку событий, которые якобы программируют всю сущность происходящего. В экономической науке к такому типу исследований тяготеет теория «кондратьевских волн», в политической науке — концепция «конца истории», в международных отношениях — идея «столкновения цивилизаций» и т. п. Методология непредсказуемости истории МО ведёт к релятивизму, когда всё относительно (потому что непредсказуемо), а методология инерционности — к фатализму, восприятию неизбежности тех или иных событий, их повторяемости по трафарету на каждом новом витке истории.

В обоих случаях — абсолютизация изменчивости истории, в частности истории МО, или абсолютизация их постоянства — существует опасность попасть в одну и ту же логическую ловушку. Действительно, если переломные моменты в истории столь стремительны, что непредсказуемы, или, напротив, если происходящее на наших глазах, как бы ни потрясало воображение, — лишь событийная рябь на глади «медленной истории», то прогностическая функция науки теряет смысл. Можно спорить о том, стоят ли за первым и вторым типом абсолютизации истории МО субъективный

или объективный факторы, но это уже становится важным. В любом случае, если невозможно прогнозировать, то международные исследования обоих типов представляют интерес лишь с точки зрения изучения истории ретроспективно, т. е. того, что уже произошло. Другими словами, надо было бы признать, что они целесообразны только для изучения прошлого, но бессильны в анализе будущего.

Вернёмся к первому случаю — абсолютизации изменчивости МО, когда многие события представляются «прорывными» и неожиданными, меняющими правила игры, ломающими всю привычную логику эволюции мирового политического пространства. Так, террористические атаки на США «9/11» для большинства американцев, да и для большинства жителей других стран, были как гром среди ясного неба. Они застали всех врасплох. Только затем стала модной их интерпретация как чего-то неизбежного, например в рамках теории «столкновения цивилизаций».

Другой пример — начальный этап мирового экономического кризиса на рубеже 2007–2008 гг., олицетворением которого стал крах банка «Леменз Бразерс», приведший в ужас мировые торговые площадки. Не сотвори себе кумира — казалось бы, прописная и извечная истина, но для международного финансового капитала Алан Гринспен¹ (точнее, связанный с его именем рыночный догматизм) стал именно кумиром, т. е. в данном контексте — ложным пророком. Тогда, после долгих лет растущей как снежный ком уверенности в незыблемости

¹ Председатель федеральной резервной системы США (1987–2006).

неолиберальной модели глобализации, «смерти инфляции», «выравнивании» экономических циклов, «вдруг» земля стала уходить из-под ног международных бирж, трейдеров, брокеров, джобберов.

Ещё пример «спонтанного» типа МО — «арабская весна», которая многим её участникам и адептам казалась очищающим ураганом, новой волной демократизации, которую невозможно контролировать, но которая обязательно будет носить созидательную природу. Или более локальный пример — «неожиданность» нападения грузинской армии по приказу М. Саакашвили на Цхинвал в 2008 г., или «Майданная революция» на Украине в 2014 г. Все эти перипетии роднит то, что к ним мало кто оказался готов. События «вышли из-под контроля», и судьбы миллионов людей оказались в плену у обстоятельств, случая.

Но какими будут оценки этих событий с точки зрения абсолютизации постоянства в истории МО? Место «непредсказуемости» занимает «запрограммированность». Так, можно сказать, что падение берлинской стены и развал Советского Союза были лишь вопросом времени, были predetermined с самого начала их возникновения. Но если согласиться с такой логикой, то само понятие прогноза теряет смысл, так как речь идёт не о научном обосновании вероятности, которая может реализоваться, а может и нет, а о пророчестве неизбежного. Или атаки на «башни-близнецы» в 2001 г. в Нью-Йорке, «арабскую весну», межгосударственные кризисы на постсоветском пространстве можно представить в виде закономерного столкновения тех или иных структур «медленной истории», например варварства и цивилизации, архаики и постмодерна, демократии

и тоталитаризма. Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 г., многие видят как очередной циклический кризис рыночного хозяйства, один в череде многих, начиная с XIX в., после которого, испытав косметический ремонт, докризисная модель глобализации и финансовой архитектуры переутвердится вновь.

Итак, с одной стороны, гипертрофированная зыбкость и изменчивость истории МО, с другой — гипертрофированное постоянство, «законы истории» против случая или случайности. Представляется, что преодоление двух противоположных типов абсолютизации возможно в рамках концепции циклического подхода к истории МО и «горизонтального» подхода к цивилизационным исследованиям.

Циклический подход предполагает, что на каждом новом этапе международных отношений их субъекты не движутся поступательно в одном направлении, разделённые на лидеров и догоняющих. Эти субъекты, переходя из одной системы МО в другую (вестфальскую, венскую, версальскую, ялтинско-потсдамскую, постбиполярную и т. д.), могут в целом сохранять свою природу, но должны для поддержания эффективности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней, в том числе международной среды. В результате нескольких циклов такой адаптации субъект МО может измениться, казалось бы, до неузнаваемости. В действительности его глубокая трансформация, если считать её успешной, возможна в случае, если обновление достигается с помощью адаптации фундаментальных характеристик, но не отказа от них. Хрестоматийными являются примеры послевоенной Японии, а позже Сингапура, модернизация которых не свелась к вестернизации.

Также такой циклический подход предполагает, что история МО движется «рывками», посредством череды более длительных периодов стабилизации и более коротких транзитов всплеска насилия. Фундаментом моделей международных отношений является экономика, но не только. Это и цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы. Их переплетение создаёт фундамент для «надстройки» — структур и механизмов, а также человеческого, субъективного фактора, с помощью которых выстраивается на каждом следующем этапе истории международных отношений новая иерархия государств и их альянсов.

В том же русле классификация цивилизаций «по горизонтали» означает, что в ходе столетий их существования приоритетность и иерархия принципов, на которые они опираются, меняются². Классификация же цивилизаций «по вертикали» рассматривает их в качестве «застывших» исторических феноменов.

Находясь между «молотом» постоянства в истории МО и «наковальной» изменчивости, важно определить-ся с постоянными и переменными в уравнении мировой геополитики. Например, климат, географию, религию, культуру, исторический опыт можно отнести к постоянным факторам. Международное право, экономические, политические ресурсы, качество государственного управления и т. п. — к переменным. Без учёта обеих категорий факторов исследователь рискует стать проводником той или иной методологии абсолютизации

² Такой подход предложен: Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н. П. Шмелёва, Т. Т. Тимофеева, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2011.

в изучении истории и современного состояния МО. Когда же этого удаётся избежать, открывается возможность эффективно применять прогностическую функцию науки, в данном случае в исследовании международных отношений, а значит, на основе этого заниматься и стратегическим планированием.

Задача усложняется тем, что политические и социальные системы не только формируются под воздействием постоянных и переменных факторов, но и сами имеют способность изменять «внешнюю среду». Например, с помощью определённого «нарратива», т. е. оценки состояния дел с точки зрения определённого понятийного трафарета, «заливочной формы», включая массовое мышление и сознание, стереотипы и клише, которые можно как создавать, так и манипулировать ими. Например, «угроза с востока», дихотомия Европа—Россия, исключительность нации, «коллективный Запад», «упадок Европы», духовность против потребительства, индивидуализм против коллективизма и др.

Следовательно, необходимо не только стремиться к научно обоснованным и взвешенным подходам к истории МО в рамках цеха экспертов-международников, но и культивировать такие подходы в массовом сознании, в том числе с помощью создания «нарративов», отвечающих национальным интересам конкретного государства. У России в этом определённый положительный опыт уже имеется, например в популяризации концепции Русского мира и собственного видения глобализации (полицентризма), идеи суверенной внешней политики, в позиционировании себя как стратегически мыслящей державы.

Часть I.

Глобальные переменны

1. Концепции и практики глобального регулирования

Представления об управлении мировыми процессами после окончания холодной войны чрезвычайно быстро менялись. Распад Советского Союза и социалистического лагеря положил начало длинной череде концепций и практик, претендующих на окончательное подведение черты под новым переформатированием международных отношений. Но каждый раз оказывалось, что переходный характер этого процесса не только не завершён, но что неожиданность и непредсказуемость событий вновь и вновь отодвигали временной горизонт утверждения контуров нового мирового порядка.

Мир в начале XXI в. во многом превратился изместилища надежд и ожиданий в среду, наполненную возросшими рисками и угрозами. Ощущение разочарования напрямую относится и к «европейскому миру», к которому в основном принадлежит Россия. Среди обездоленной части человечества по очередному кругу насилия идёт арабский мир. Эти и другие регионы оказались подвержены «большой дестабилизации», охватившей экономические, социальные, политические структуры государств, их объединений и общества в целом.

После распада биполярной системы и окончания холодной войны казалось, что разрушение действительно может быть созидательным. Вслед за привычными для

экономической теории и практики представлениями о череде банкротств и восстановления деловой конъюнктуры утвердились ожидания того, что социальные структуры, целые государства и даже их союзы, потерпев крах, могут затем успешно возродиться в обновлённом виде. Но выяснилось, что международные отношения не принимают упорядоченную форму «на автопилоте», что, перефразируя, в мировой политике не существует «невидимой руки», которая может всё расставить по своим местам, что «государство — ночной сторож» — такой же миф в экономической практике, как и в практике глобальной политики.

Научные подходы и всесторонний анализ состояния системы международных отношений в очередной раз оказались неизбежно востребованы для того, чтобы разобраться в хаосе событий. На этом поприще отечественные учёные достигли важных результатов мирового уровня; во многом им нет равных¹.

В поиске идеальной модели управления

История идей об управлении глобальными процессами, о более гуманном мироустройстве насчитывает многие столетия. Речь идёт о том, как научное мышление может влиять на управление миром, воплощаясь то в образе философа на троне, то мудрого советника государя, то принимая облик просвещённого правителя

¹ Напр., см.: Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. (Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»).

(например некоторые из «семи мудрецов» Древней Греции). Между наукой и государственным управлением отношения всегда были сложными, очевидно, такими они останутся и впредь. «Ты заслоняешь мне солнце», — говорил Диоген Александру Македонскому в IV в. до н. э., а воспитателем последнего был Аристотель. Прошло почти две с половиной тысячи лет, и появился манифест Б. Рассела и А. Эйнштейна, взывающий к разуму политиков. Затем учёные стремились сделать мир лучше в рядах Пагуошского движения, на Дартмутских встречах² и т. д. Мир прошёл через эпоху «просвещённых монархов», включая Екатерину Великую. Школа научного коммунизма в XIX—XX вв. претендовала на окончательное решение того, как сделать мир счастливым и свободным от насилия и войн. Позже идея «конца истории» повторила эту попытку с противоположных мировоззренческих позиций.

Прежние механизмы глобального регулирования уходят в прошлое, уступая место новым проектам и практикам. Эти процессы происходят на фоне снижения их управляемости, роста неопределённости и дестабилизации обширных регионов планеты. В условиях формирующегося полицентричного миропорядка усиливается конкуренция в деле создания современной системы глобального управления.

В этих условиях в центре научных дискуссий находятся феномены глобализации и глобального регулирования, их взаимосвязь. Если первый феномен мы рассматриваем как данность, которая находится в непрерывном

² Громыко Ал.А. Непрерывный диалог: опыт Дартмута // Современная Европа. 2003. № 3. С. 119–122.

развитии, то второй — как «большую идею», которой предстоит либо ещё воплотиться в жизнь, либо остаться недостижимой³. Если прибегнуть к сознательному упрощению, то глобальному управлению / регулированию (в отличие от неуправляемого и хаотичного мира) можно придать три конфигурации: с пирамидальной структурой, ярусной и сетевой.

В первом случае цель состоит в том, чтобы одному-единственному субъекту международных отношений играть роль бесспорного лидера, другими словами — гегемона. Во втором — чтобы создать коллективную систему управления миром, в котором последний делится на несколько категорий более влиятельных и менее влиятельных, но формально равных государств. Организация Объединённых Наций стала первой в истории человечества достаточно успешной попыткой направить развитие международных отношений по этому руслу. Создание ООН и современное международное право, тем не менее, не привели во второй половине прошлого столетия к активному развитию полицентризма, ростки которого длительное время были подмяты соперничеством двух сверхдержав. После окончания холодной войны утверждение полицентризма как жизнеспособной и эффективной системы стало зависеть

³ В отдельные исторические периоды удавалось с разной степенью успеха создавать в международных отношениях механизмы регулирования (но не управления), среди которых за последние два столетия можно выделить «концерт держав» и биполярный мир. В последние десятилетия идёт поиск механизмов регулирования международных отношений в условиях складывающейся полицентричности. Главный вопрос в том, по какому из нескольких возможных сценариев она будет развиваться.

от способности международного сообщества выстроить глобальное управление или по хорошо знакомому ярусному принципу, но на новых принципах, или по более амбициозному и новаторскому — сетевому.

Попытки воплотить в жизнь одну из трёх перечисленных конфигураций не предпринимались ранее XX столетия. До него мир был глобальным с точки зрения освоения европейцами водного и сухопутного пространства Земли. Но наиболее мощные образования — империи Нового времени — не претендовали на глобальное управление в современном смысле этого слова. Более того, опыт истории свидетельствует, что с эпохи Великих географических открытий, т. е. со времён, когда человек опытным путём обрёл полноту знания о мировом пространстве, и до XX столетия, лидеры прошлого предпочитали делить мир между собой, претендуя на собственное доминирование лишь над его частью. Так, в 1494 г. Испания и Португалия с помощью Ватикана поделили мир на две зоны влияния — западное и восточное полушария. Позже, по мере умножения колониальных империй, таких сфер прямого контроля или подчинения становилось всё больше.

XX век привнёс в эти процессы новизну, выразившуюся в том, что впервые в истории были предприняты сразу три попытки создать систему глобального управления в виде мировой гегемонии в различных её формах. Первая из них состояла в идее распространить социалистическую революцию в России на весь мир и превратить человечество, опираясь на принцип равенства, во всеобщее идеальное общество. Вторая попытка была предпринята Третьим Рейхом, который стремился завоевать весь земной шар на основе идеи сверхчеловека

и чистоты «арийской расы». После разгрома нацизма Советский Союз и Соединённые Штаты также претендовали на глобальную миссию, но в условиях холодной войны и ядерного сдерживания довольствовались bipolarностью. Наконец, в 1990-е гг. в США утвердилась идея единоличного мирового лидерства, основанная на идеологии либеральной демократии и идеях избранности и исключительности. Она принимала причудливые образы «одинокой сверхдержавы», «милосердной империи» и т. п., но мало продвинулась в своём практическом воплощении, столкнувшись с непреодолимыми трудностями.

После того как идея однополярности начиная с 2001 г. продемонстрировала свою нежизнеспособность в ходе войн в Афганистане, Ираке, мирового экономического кризиса, распространившегося по миру из США, полицентризм открыто или молчаливо был признан большей частью мирового экспертного сообщества магистральным путём развития архитектуры международных отношений в XXI столетии. Одновременно встал вопрос о том, какая конкретно форма полицентризма возьмёт верх: полицентризм, основанный на общих правилах и учитывающий коренные интересы ведущих центров силы и влияния; на многосторонности (мультилатерализме) с преобладанием интересов всё того же коллективного Запада, которые перераспределены в пользу Европейского союза за счёт США; на выделении категории двух первых среди равных — США и Китая (Чаймерика), или на чём-то ещё?

Шансы на обретение международным сообществом эффективной системы глобального регулирования снизятся, если будет поставлена под вопрос глобализация.

Если она будет и дальше задавать общие «правила игры», как это происходило со времен Колумба, оставаться определяющей средой мирового развития, тогда можно ожидать, что рано или поздно в мире (по крайней мере, между ключевыми акторами) установится новый модус вивенди, а следовательно, утвердятся и конкурирующие концепции и практики регионального и, возможно, глобального регулирования. Так было в истории до сих пор. Однако если закрепится нарастание деглобализации как долговременного движения вспять, а не просто как временного отката глобализации, то дальнейшего ослабления не избежать и существующей системе глобального регулирования.

Можно ли определить возраст глобального регулирования? Ялтинско-Потсдамский миропорядок представлял собой действенный вариант устройства мира после 1945 г. Можно ли утверждать, что он перестал существовать с исчезновением СССР или даже раньше? Ведь этот порядок не только утвердил биполярный мир, к настоящему времени уже давно ушедший в прошлое, но и всю систему ООН, конфигурацию её Совета Безопасности, современное международное право и многое другое, что до сих пор задаёт систему координат в мировой политике.

Тема, достойная дальнейшего развития, — возможный сценарий деглобализации, который не исключён в случае, если будут нарастать процессы противопоставления региональных интеграций, если новые и возникающие центры влияния не смогут добиться модернизации существующей мировой финансово-экономической архитектуры, если продолжит распространяться практика санкционного противоборства.

На фоне роста дестабилизации в ряде регионов мира, очевидно, потребуется ещё несколько лет для того, чтобы сделать обоснованные выводы о том, насколько интеграционные процессы на нашей планете будут в целом дополнять друг друга, или центробежные силы возьмут верх.

Полицентризм: нерешённые проблемы

Одна из ключевых составляющих дискурса о глобальном регулировании — вопрос о его субъектах, а значит и о роли национального государства. В последние годы много сказано о том, что слухи о его смерти оказались сильно преувеличенными. Большинство мировых центров влияния, как старых, так и новых, опираются на государственный суверенитет как на фундамент своей внутренней и внешней политики.

В этой связи двояко положение ряда крупных стран мира, которые решились на частичную десуверенизацию, например Франции, Германии, Италии. До брексита (от англ. «Британия» и «выход»), т. е. до выхода Британии из состава ЕС, который должен состояться весной 2019 г., к этой категории принадлежит и Великобритания. Опыт Евросоюза и его «пула суверенитетов» ставит вопрос: создание наднациональных структур ЕС — это исключение из правил или опыт, который ждёт своего распространения в других регионах? События последних лет свидетельствуют, что в экономическом плане, за вычетом риска деглобализации, взаимозависимость мира будет нарастать и дальше. Однако что касается суверенитета в области

внешней политики и безопасности, «увядания» государства не предвидится, по крайней мере за пределами Евросоюза.

Отдельного внимания заслуживают исследования трансформации традиционных центр-периферийных связей. Статистика свидетельствует о продолжении перераспределения силы и влияния в мире, росте потенциала незападных субъектов международных отношений. Действительно, в структуре мирового ВВП доля США в 1980–2013 гг. сократилась с 21,5 до 18,4%, Евросоюза (27 стран без Хорватии) — с 28,1 до 18,9%, в то время как доля Китая выросла с 1,9 до 15,5%, Индии — с 2,3 до 6,1%. Другой наглядный пример: доля 16 развитых стран в мировом ВВП в 1970 г. составляла 76%, а в 2013 г. — лишь 55%⁴.

Подтверждают устойчивость этих тенденций и многие прогнозы. Так, согласно докладу американского Центра стратегических и международных исследований «Оборона 2045», ожидается, что к 2030 г. по реальному ВВП США уступят первенство Китаю, Индия (по сравнению с 2011 г.) поднимется с десятого места на третье, а Бразилия к 2050 г. с шестой позиции переместится на четвёртую. При этом за тот же период Япония опустится с 3-го на 5-е место, Германия — с 4-го на 9-е, Франция — с 5-го на 10-е, а Италия и Британия вовсе покинут первую десятку крупнейших экономик мира⁵. Россия в этих расчётах укрепит свои позиции, поднявшись с девятой позиции на шестую.

⁴ Глобальное управление: возможности и риски. С. 184, 284.

⁵ *Miller D. T. Defence 2045. A Report for the CSIS International Security Program. Rowman & Littlefield. 2015. November. P. 11.*

Нарастание проблем в рамках неолиберальной модели глобализации сопровождается накоплением противоречий и диспаритетов; соответственно усиливается необходимость её капитального ремонта, в первую очередь системы международных финансовых институтов. Однако те, кто стремится удержать в них доминирующие позиции, блокируют серьёзные изменения. И всё же очевидно, что бесконечно такой саботаж продолжаться не может ввиду нагромождающихся дефектов системы.

Другая фундаментальная проблема современности — новое социальное расслоение. Рост доходов среднего класса в большинстве государств с постиндустриальной экономикой падает или стагнирует, он расщепляется на более богатые и бедные слои. В европейском регионе чрезвычайно высокая безработица, особенно по отдельным странам и группам населения. Отсюда проистекает массовое чувство разочарования, недовольство правящими элитами, усиливаются популистские движения на обоих флангах партийно-политических систем. Встают вопросы о «разрыве послевоенного социального контракта», о гибели «общества благосостояния», о возвращении классовой политики.

2. ЦИКЛИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЕВРОПЕЙСКИЙ РАКУРС)

Европа, цивилизационно раскинувшаяся от Атлантики до Тихого океана, глубоко втянулась в переходный период международных отношений (МО). Все новые испытания проверяют на прочность расположенные на её пространствах страны и организации. События последних лет делают востребованным изучение современных МО с точки зрения их цикличности как череды своего рода транзитов, для которых характерна высокая степень нестабильности, приходящей на смену периодам благополучия и поступательного развития. К таким размышлениям подталкивали и юбилейные даты последних лет, например столетие Венского конгресса 1814–1815 гг., годовщины Крымской и Потсдамской конференций 1945 г., создания ООН¹, Хельсинкского заключительного акта 1975 г. и др.

В сравнении с когда-то эталонной теорией социально-экономических формаций предлагается циклический подход к истории МО с точки зрения смены одной структуры другой, каждая — со своим фундаментом и надстройкой. Классическая теория во многом была верна, но она израсходовала свой потенциал в XX в.,

¹ О 70-летию ООН как о крупнейшем международном событии 2015 г. см.: *Лавров С. В.* Сделать мир стабильным и безопасным // *Международная жизнь.* 2015. Октябрь.

который так и не привёл к отмиранию капитализма и рыночных отношений. Но и коллективистские принципы с распадом социалистической системы не ушли в прошлое. Вместо этого всю вторую половину прошлого столетия шёл процесс социализации рынка и индивидуализации коллективного сознания.

Формационной теорией «наоборот» могла стать концепция «конца истории», предположившая триумф индивидуального, рыночного начала. Но этого не произошло. Карл Маркс не победил, но не победил и Фридрих фон Хайек. Верх взяла интегральность — использование составляющих и рыночной теории, и теории государственного регулирования для поиска приемлемого баланса между индивидуальным и коллективным, государством и обществом, рынком и социальными ценностями, моралью, нравственностью. «Концом истории» в определённом смысле может стать именно такая интегральная социально-экономическая модель.

Однако даже если это когда-либо и произойдёт, такая финальность мало связана с циклами стабильности и нестабильности. Большие идеи прошлых веков к концу XX столетия, возможно, и пришли к некому симбиозу, но это не уберёгло новый век от потрясений, которые разворачиваются на наших глазах.

Сменяемость моделей: постоянство и своеобразие

Классическая формационная теория на стыках формаций ставила на пьедестал социальные революции. Структурные изменения МО также сопровождались и продолжают сопровождаться продолжительными

всплесками насилия². Рамочное обустройство новых механизмов отношений между государствами — упомянутые выше международные встречи и договоры, а до них и Вестфальский мир 1648 г., ставили точку (точнее, многоточие) после долгих отрезков войн и противоборства. Государствам ещё ни разу за историю их взаимодействия не удавалось пройти через переформатирование МО без применения в отношении друг друга, прямо или косвенно, грубой силы. Последняя применялась регулярно и в ходе «благополучных фаз», но с меньшей степенью интенсивности. Даже эйфория после окончания холодной войны не смогла переломить этот печальный закон истории. Грубая сила, вопреки завышенным ожиданиям о грядущем верховенстве силы «мягкой», быстро вернулась в международную повестку дня.

Фундаментом циклов МО является экономика, но не только она их определяет. Это и цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы. Их переплетение создаёт фундамент для надстройки — структур и механизмов, а также человеческого, субъективного фактора, с помощью которых на каждом последующем этапе истории МО выстраивается новая иерархия государств и их альянсов, а теперь и негосударственных игроков. После Вестфальского мира МО опирались на принцип государственного суверенитета, который после Венского конгресса был дополнен принципом концерта держав. Ялта и Потсдам привнесли в МО, благодаря ООН, принцип международного права

² О соотношении формирования полицентричности и нестабильности см.: Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2014 г. Обзор МИД России. М., 2015. С. 3.

и легитимности, а позже к нему, в ядерный век, добавился принцип гарантированного взаимного уничтожения. Обращает на себя внимание, что череда смены циклов МО имеет накопительный характер, когда прежняя модель всецело не отмирает, а частично «переливается» в новую.

Надстройка МО — не политическая в прежнем идеологическом понимании, так как политика уже давно не является ни сугубо капиталистической, ни социалистической, ни исключительно какой-либо другой. Так, «коммунистический» Китай (с его масштабным использованием рыночных отношений) — уже давно фигура речи, как и «капиталистические» Соединённые Штаты, не говоря уже о западноевропейских государствах с их массивным использованием государственного регулирования³.

История МО сопровождается не только циклическостью насилия, но и циклическостью шаблонов региональных и мировых конфигураций силы. Например, отчётливо прослеживается циклическость многополярности⁴ и как её составляющей — европоцентризма, который, казалось, ушёл в прошлое с установлением биполярного мира в 1945 г., затем, в 1990-х гг., возродился как ожидание и даже как предвкушение, и вновь стал уходить в тень на рубеже двух первых десятилетий XXI в. Особенно ярко это проявилось с новой кризисной волной

³ О сочетании идеологии и политики см., напр.: *Кременюк В. А.* Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 300–301.

⁴ О циклическости глобальной многополярности см., напр.: *Blagden D.* Global multipolarity, European security and implications for UK grand strategy: back to the future, once again // *International Affairs*. 2015. March. P. 333–350.

(своего рода «девятым валом») — на этот раз миграционной, захлестнувшей ЕС в 2015 г. вслед за кризисами экономической и социально-политической природы. Иной ритм «взлётов и падений», например, у Китая, развитие которого уже длительное время представляет собой возрастающую кривую.

Россия на этом фоне находится в зоне неопределённости. Насколько окажется устойчив ещё недавно уверенный тренд укрепления её позиций — зависит он целого ряда условий, прежде всего человеческого фактора, качества государственного управления, международной конъюнктуры и, в конце концов, благоприятного стечения обстоятельств.

Можно говорить и о цикличности процессов по уплотнению и ослаблению «ткани» международных отношений. Глобализация, понимаемая в широком смысле, шествовала по планете последние несколько столетий. На этом пути откаты в построении «большой деревни» (пиковые — в годы двух мировых войн) сопровождались компенсационным, а затем и поступательным движением вперёд. К началу нового столетия мир впервые в истории стал истинно глобальным, особенно в рыночном понимании. Однако новый переходный период МО вновь возродил процессы разукрупнения, на сей раз — в виде элементов деглобализации⁵.

Выражением этого стали, например, экономические санкции против России и контрсанкции, лоббирование проектов сверхбольших зон свободной

⁵ О рисках несущих механизмов глобализации см.: *Портанский А. П.* Многосторонняя торговая система и перспективы её реформирования / Библиотека ИМЭМО. М., 2015.

торговли с одновременным оттеснением от них нежелательных геополитических конкурентов (например ТТИП и ТТП). Одновременно с этим процессы региональной интеграции, которые до недавнего времени рассматривались как комплементарные в отношении самой глобализации, теперь всё чаще предстают в терминах противопоставления, что наглядно показал украинский кризис.

Другой характеристикой нового времени становится каскадное развитие МО — своего рода переливание проблем из области внутренней политики во внешнюю, и наоборот, из одной области международных отношений в другие. Так, возрастающие трудности во внутреннем развитии ряда постиндустриальных стран мира, включая западноевропейские, сыграли свою роль в углублении нескольких региональных кризисов, включая иракский, ливийский, йеменский, сирийский. В свою очередь ливийский кризис привёл к ухудшению ситуации в ряде прилегающих к Ливии африканских государств, сирийский кризис — к ухудшению на определённом этапе отношений между Россией и Турцией, а в целом появление «арки нестабильности» от Ливии до Афганистана вылилось в миграционный кризис для всей Европы. Развитие череды кризисов по периферии Европы было и функцией борьбы государств за региональное влияние, что особенно проявилось в противостоянии Ирана и Саудовской Аравии.

В то же время элементы внешнеполитического сотрудничества между государствами могут способствовать положительным сдвигам в их собственных взаимоотношениях, что показало успешное завершение переговоров по иранской ядерной программе или

элементы сотрудничества России с рядом стран в борьбе с так называемым «Исламским государством».

Каскадный эффект ведёт к кумулятивному эффекту, когда целые регионы накрывает «идеальный шторм», как это случилось в последние годы в Северной Африке после «арабской весны», на Ближнем и Среднем Востоке. Внешнеполитические ошибки или бездействие приводят также к «эффекту бумеранга». Так, внешнеполитические акции Британии и Франции в Ливии в 2011 г., а затем неспособность ЕС стабилизировать ситуацию в своём «мягком подбрюшье» — Средиземноморском бассейне, резко усугубили проблемы незаконной иммиграции и внутренней безопасности.

В значительной степени геополитика вновь вступает в свои права⁶. Географическое положение и границы возвращают себе одну из ключевых ролей в определении веса того или иного центра силы и влияния. Отсюда, например, во многом разное прочтение украинского кризиса в Европе и за океаном, равно как и миграционного кризиса. Отсюда разные критерии эффективности внешней политики, когда, например, для США дестабилизация Средиземноморского региона терпима и несущественна с точки зрения национальной безопасности. А для Европы допущенные там внешнеполитические ошибки, провалы или бездействие принимают всё более экзистенциальный характер, выливаются в гибель тысяч людей как в морских водах, так и на улицах городов, в прямую угрозу традиционному европейскому об-

⁶ О значении фактора геополитики см.: *Miller D. T. Defense 2045. Assessing the Future Security Environment and Implications for Defense Policymakers. A report of the CSIS International Security Program. 2015. November. P. 41–50.*

разу жизни, в коррозию европейской модели социального рынка, в усиление ксенофобии и экстремизма.

Новый период МО отличается ростом терпимости к рискам. Европейские большие войны уже давно стали частью истории, страницами из учебников, а локальные конфликты на периферии Старого Света, например в Югославии, расценивались как временные трудности, расчищающие дорогу для более успешного развития региона в целом. Европа многие десятилетия в основном жила в условиях достаточного изобилия и благополучия. Но несмотря на недавнюю популярность в Евросоюзе концепции «мягкой силы», которую в первой половине 2000-х гг. стали считать одной из его главных ценностей, неприятие принуждения со временем стало притупляться. Уже с конца 1990-х гг. ряд государств-членов ЕС, вслед за США, стали всё чаще допускать применение «жёсткой силы». Под это подводились различные концептуальные базы, например «ответственность по защите», «гуманитарная интервенция», необходимость предотвратить распространение оружия массового уничтожения, сменить режим, произвести «цветные революции» как способ реформатирования постсоветского пространства и др.

Современные МО характеризуются и «мстью истории» (она, как писал В. О. Ключевский, мстит за невыученные уроки). История словно возвращается к нам вновь и вновь, чтобы напомнить об ошибках прошлого или о том, что некогда принятые решения рано или поздно устаревают, и отсутствие свежих идей приводит к новым кризисам. Например, пакт Сайкса–Пико 1916 г. для своего времени был определённым способом решить проблемы Ближнего Востока, но проведённые тогда границы стали своего рода часовым механизмом

со взрывоопасной начинкой. Другой пример — распад Советского Союза, который подвёл черту под биполярным периодом мировой истории, но стал лишь началом до сих пор не закончившегося процесса по реформатированию постсоветского пространства. Или авантюрное, точнее, преступное, вторжение в Ирак в 2003 г. и позже — вмешательство во внутригражданский конфликт в Ливии, запустившие маховик хаоса и насилия.

История напоминает о себе и посредством «феномена Франкенштейна», когда попытки социальной и политической инженерии, национального и государственного строительства с помощью внешнего управления, ориентированного на некое «созидательное разрушение» приводят к трагическим последствиям. Наиболее разительные примеры этого — украинский кризис или использование во внешнеполитических целях ряда государств таких организаций, как Талибан, аль-Каида, так называемое «Исламское государство».

Если продолжить тему образов, то уместно рассуждать о «феномене Титаника», другими словами, о том, что определённые организации или структуры (государственные, деловые и т. д.) «слишком важны, чтобы потерпеть неудачу». Этот принцип вышел на первый план с началом мирового экономического кризиса в 2008 г., когда государства спасали «системные финансовые институты», некоторые из которых фактически обанкротились. Заблуждение о непотопляемости, незыблемости той или иной структуры проявляло себя в истории многократно. Например, все без исключения европейские империи когда-то казались их правителям вечными. Похожая участь постигла и Советский Союз, распад которого мало кто предрекал ещё за год до декабря 1991 г.

Затем, в 1990-х гг., грозные центробежные вызовы встали уже перед самой Россией, а в последние годы — перед Европейским союзом⁷.

То, что называют объективными законами истории (социально-экономические факторы, производительные силы и производственные отношения), безусловно, важны для циклической истории МО. Однако в ней сильно и влияние ментальных и когнитивных конструкций, которые зачастую отличаются косностью. Это отставание в мышлении хорошо известно, например, с точки зрения разрыва между уровнем знаний и технологий, с одной стороны, и инертностью в поведении и действиях людей — с другой. Ядерный век высветил эту проблему со всей наглядностью. Другой пример — мучительный процесс модернизации Европейского союза для выхода из постигшего его комплексного кризиса, как и попытки модернизации России.

В отличие от классической теории формаций история МО не отличается линейностью и, более того, имеет многоскоростной характер движения. В марксистской социологии и философии истории доминирующим фактором была идея прогресса к идеальным и совершенным коллективным формам организации общества. Зигзагообразность развития, движение вспять допускались, но лишь как временные явления, бессильные перед «объективными законами истории». Циклический подход к МО не предполагает, что на каждом новом этапе истории международных отношений их субъекты

⁷ О масштабности рисков в развитии ЕС см.: *Борко Ю. А.* Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // Современная Европа. 2015. № 3. С. 7–16.

поступательно движутся в одном направлении, пусть и разделённые на лидеров и догоняющих. Эти субъекты, переходя из одной системы МО в другую, могут сохранять свою природу, адаптируясь к изменяющимся условиям международной среды.

Определённым выражением такого состояния дел служат концепция цивилизаций С. Хантингтона и концепция Р. Купера о дододернистских, модернистских и постмодернистских государствах⁸. В обоих случаях считалось, что в мире сосуществуют чрезвычайно давние по времени структуры, подчинённые «медленной истории». С позиций циклической истории МО и в отличие от теории социально-экономических формаций это означает, что переход от одной модели МО к другой далеко не всегда и не во всех случаях сопровождается качественным изменением природы её субъектов (или объектов). Такой эффект с точки зрения «прогрессивной» современности подчас принимают за варваризацию МО, исторический рецидив, попятное движение истории.

Например, такую варваризацию прослеживают в деструктивных процессах на Ближнем и Среднем Востоке, в исходящем с этой территории на европейский континент насилии. В действительности речь идёт, скорее, о том, что определённые субъекты «медленной истории» (например, глубоко религиозные исламские режимы, с одной стороны, и народы христианской цивилизации — с другой, а среди последних — и категория по-своему фундаменталистских светских режимов)

⁸ Cooper R. The Post-Modern State and the World Order. Demos, 2000.

в процессе формирования новой модели МО, т. е. в ходе очередного транзита, сталкиваются на новом витке перераспределения силы и влияния в мире, и, к сожалению, в очередной раз с помощью методов насилия. Причём речь идёт не только о столкновении с «другим», но и в рамках одной веры, что особенно наглядно проявляется в отношениях между суннитами и шиитами, так же как и внутри этих ответвлений ислама.

Если циклическая концепция истории МО в своих основных допущениях верна, то для неё большую важность приобретает категория географического расположения («смирительная рубашка географии»), а значит, и геополитики. Скорость глобализации, особенно возросшая после окончания холодной войны, позволила утвердиться расхожему представлению о том, что географическое расположение участников МО, в первую очередь государств, их границы, размер, количество и состав населения, другие имманентно присущие особенности, размываются и теряют своё значение. Считалось, что вместо этого на первое место выходят факторы политического устройства, «универсальных ценностей», взаимоотношения между государственной надстройкой, индивидуумом и гражданским обществом.

«Медленная история»

Представляется, что ожидания относительно того, что МО качественно изменятся благодаря влиянию глобализации посредством нивелирования и унификации их субъектов, оказались чрезвычайно завышенными. В целом речь идёт о категориях «медленной истории»,

«истории структур», которые подспудно обуславливают поведение субъектов МО. Среди наиболее давних из таких категорий — география, границы, культура, идентичность, религия, язык⁹; из более поздних — национальное государство, суверенитет, нормы взаимоотношений на международной арене. Отсюда большая сопротивляемость одних структур попыткам их видоизменить со стороны других, например противостояние вестернизации в странах традиционной культуры, или наоборот — противостояние со стороны постмодернистской культуры попыткам европейских доморощенных анклавов традиционной исламской культуры распространить своё мировоззрение на окружающее их светское, во многом атеистическое окружение.

Происходящий транзит МО застал Европейский союз в ситуации, когда это региональное объединение переживало не лучшие времена не только с точки зрения социальной и экономической. ЕС после мегарасширения 2004 г. и в условиях обсуждения проекта европейской конституции считал гарантированным свой статус ведущего центра влияния XXI в. Провал ратификации конституции и мировой экономической кризис перечеркнули эти надежды. Будущее ЕС перестало видеться как неизбежный прогресс, восходящее линейное развитие, на пути которого случаются лишь временные откаты. Появились реальные угрозы, масштаб которых поставил организацию перед фактом как минимум длительного периода стагнации. В результате представление

⁹ О значении лингвистического фактора в мировых делах см.: Язык как экономический и политический фактор международных отношений. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2015.

о высокой миссии ЕС, которое неизменно стояло за всей историей евроинтеграции, стало размываться. ЕС часто образно описывают как «велосипед», который должен постоянно двигаться, чтобы не упасть. В настоящее время скорость движения этого «велосипеда» мала, а значит, и вся конструкция неустойчива.

Серьёзным вызовом будущему ЕС, как и других интеграционных проектов в Старом Свете, является переход регионализации из категории процессов, элементарных глобализации, в категорию явлений, ведущих к её фрагментации. До недавнего времени считалось, что регионализация мира не противоречит, а напротив, подкрепляет генеральную линию глобализации на всестороннее «стягивание» экономических, социальных, политических и иных пространств. Глубокие противоречия в методологии сочленения региональных интеграций, имеющиеся, например, у России и ЕС, США и Китая, ставят вопрос о пределах глобализации.

В своей истории международные отношения примеряли на себя многочисленные модели развития. Среди них наиболее хрестоматийные: по Гоббсу — «война всех против всех», по Локку и Миллю — модель «естественного состояния человека» и социального договора; модель европоцентричного концерта держав; модели биполярности и моноцентричности, наконец, модель многополярности (или иерархической полицентричности).

Что может стать залогом успеха в условиях полицентричности, пусть даже и иерархической? Какие конкурентные преимущества позволят государствам и их объединениям пройти очередной транзит в циклической истории международных отношений, желательно не только без сдачи своих позиций, но и с увеличением

веса на мировой арене? Представляется, что это стратегическое, гибкое мышление, внешняя политика стратегической глубины и предсказуемости, адаптивность, коммунитарность в принятии решений, выстраивание «пояса добрососедства» (коалиций и союзов с твоим участием, в крайнем случае — пояса нейтральных стран), «умная сила», эффективность и привлекательность собственной модели развития, учёт законов «медленной истории», включая цивилизационный фактор¹⁰.

Этот набор необходимых конкурентных преимуществ ставит перед Россией и Евросоюзом важные вопросы об их готовности и способности успешно преодолеть эпоху «большой дестабилизации».

¹⁰ Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Э, 2015.

3. О СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

О стратегическом мышлении говорят и пишут много. В мире «большой дестабилизации» спрос на эту тематику будет только возрастать.

Каждый крупный игрок на мировой арене претендует по крайней мере на три вещи:

— во-первых, на способность к осознанию главных трендов современности, на понимание регионального и глобального контекста своих действий, другими словами, на понимание внешней среды, которой этот игрок окружён;

— во-вторых, на основе такого анализа крупный игрок претендует на способность к вычленению главных вызовов и угроз, выстраиванию их в порядке приоритетности;

— и, в-третьих, на основе первых двух способностей он расставляет для себя приоритеты и вырабатывает механизмы по реагированию на наиболее сильные внешние раздражители.

Эти три вещи можно представить в виде вопросов: «Что происходит вокруг?», «Какие в этом для меня риски?», «Что я должен делать?»

Современная история Европы неразрывно связана с внешнеполитическими и экономическими интересами Соединённых Штатов Америки. Более того, даже после избрания Д. Трампа многие европейские страны по сути

приравнивают свои национальные интересы к интересам США. В этой связи, прежде чем рассматривать элементы стратегии Евросоюза, полезно оценить ключевые параметры стратегического мышления США на примере документов, которые его призваны выражать; это — Национальная стратегия безопасности (февраль 2015 г.) и Национальная военная стратегия (июнь 2015 г.).

При ответе на вопрос «Что происходит вокруг?» американская стратегическая мысль исходит из следующих параметров:

1. Современная ситуация в мире отличается «крайней непредсказуемостью».

2. В последние годы масштабы «мирового беспорядка» значительно увеличились.

3. Сравнительная военная конкурентоспособность США снижается.

Здесь придраться особенно не к чему. Вряд ли с этими тезисами стали бы спорить большинство экспертов в Евросоюзе, тем более в России.

Но при ответе на вопрос «Какие в этом для меня риски?» картина значительно усложняется. На современном этапе главные угрозы для безопасности Америки, согласно военной стратегии, исходят из двух источников: первый — это ревизионистские государства; второй — экстремистские организации, прибегающие к насилию¹. В стратегии безопасности источники угроз более многочисленны и расставлены в ином порядке: экстремизм и терроризм, киберугрозы, Россия, изменение климата и заболевания.

Обращает на себя внимание, что для США, согласно военной стратегии, главными субъектами

¹ Violent extremist organizations.

международных отношений остаются государства, хотя Вашингтон и признаёт растущую роль негосударственного фактора, как над-, так и субгосударственных субъектов. Пр процитируем: «Государства остаются доминирующими акторами международной системы».

Надо сказать, что для России такой тезис полностью приемлем, так как её внешняя политика также опирается на принцип «суверенности». А вот в стратегических документах Евросоюза, включая Глобальную стратегию (июнь 2016 г.), его вряд ли стоит искать, так как эта организация претендует на выработку внешней политики на основе «пула суверенитетов», стремясь интегрировать внешнюю политику своих ведущих членов в нечто общее.

Кто же эти государства-ревизионисты, представляющие главный вызов для безопасности США? Их перечисление следует в порядке по мере снижения степени непосредственной угрозы: Россия, Иран, Северная Корея и Китай. Выражение «страны-изгои» уже не употребляется. Оно уступило место новой расширенной категории, в которую входят как некоторые из тех самых «изгоев» — Иран и Северная Корея, так и более серьезные конкуренты — Россия и Китай.

Что касается экстремистских организаций, то среди них, вполне естественно, выделены «Аль-Каида» и ИГИЛ.

Нельзя не отметить, что в военной стратегии среди этих двух источников угроз на первое место ставятся именно ревизионистские государства. Причём считается, что эта перспектива сохранится на обозримое будущее: «...сегодня и в обозримом будущем мы должны уделять больше внимания вызовам со стороны государственных игроков». Это предсказание можно

интерпретировать двояко: или как близорукость, когда в США долго не понимали или не хотели признавать, что главной угрозой становится ИГИЛ, или, напротив, как сознательное утверждение, означающее, что для США ИГИЛ — это угроза локальная и краткосрочная, а «ревизионистские государства» — угроза трансрегиональная и долговременная. Если верна вторая интерпретация, то это вызывает особое беспокойство.

Ещё один примечательный пункт военной стратегии: вероятность вовлечения США в межгосударственную войну с участием другого крупного государства оценивается как низкая, но уточняется, что эта вероятность возрастает.

Новацией являются рассуждения о «гибридной» разновидности конфликтов, которая предоставляет возможность смычки двух главных источников угроз для США. И здесь тема России вновь выходит на первый план. Эта разновидность делится на три подвида:

1. Государство использует свои вооружённые силы под личиной негосударственного игрока (пример — действия России в Крыму);

2. Использование военной силы негосударственным игроком приближается по своему эффекту к действиям государства (пример — ИГИЛ);

3. Использование военной силы государства совместно с негосударственным игроком (пример — действия России и сепаратистов на востоке Украины).

И, наконец, третий вопрос: «Что я должен делать?». Здесь США оперируют понятием «базовых национальных интересов»². В этом можно было бы усмотреть определённое внутреннее противоречие: США назы-

² Enduring national interests.

вают себя глобальной державой, но в своих действиях отталкиваются от национальных, т. е. от достаточно локализованных интересов. Чтобы разрешить это противоречие, США традиционно используют концепт «американской исключительности» или «незаменимого лидерства», фактически ставя знак равенства между своими национальными интересами и интересами мира в целом. Это наглядно прослеживается по следующим формулировкам — «международный порядок, поддерживаемый лидерством США»³ или: «международный порядок зиждется на присутствии ВС США в ключевых точках по всему миру».

С военной точки зрения все стратегические документы США опираются на тезисы четырёхлетнего прогноза министерства обороны (2014 Quadrennial Defense Review). В нём сказано, что ВС США должны быть готовы и способны одновременно обеспечить: защиту национальной территории; проводить антитеррористические операции; сдерживать агрессию со стороны государственных субъектов как минимум в двух регионах и при необходимости нанести им военное поражение. Весь контекст текущих стратегических документов США подталкивает к выводу о том, что роль двух главных потенциальных государственных агрессоров приписывают России и Китаю.

И ещё несколько наблюдений.

Первое. США разводят понятие «прямой атаки» на свою территорию и понятие «атаки на свои интересы». Так как их интересы определены как глобальные, то, следовательно, США готовы применить силу в любой точке земного шара.

³ A rules-based international order advanced by US leadership.

Второе. США по своему усмотрению готовы использовать силу единолично, другими словами — без союзников и без ограничителей международного права.

Третье. В отличие от страновых приоритетов по исходящим для США угрозам (Россия, Иран, Северная Корея и Китай) США по-другому расставляют региональные приоритеты с точки зрения размещения наиболее передовых вооружённых сил и укрепления военного сотрудничества. В порядке убывания значимости это: АТР, Европа, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка.

Четвёртое. США не отказываются от идеи «смены режимов», хотя напрямую она не записана ни в один из рассматриваемых документов. Но вот лишь одна фраза из стратегии безопасности: «Мы продолжим продвигать реформы в авторитарных странах, в которых не происходит полноценный демократический транзит». Несложно догадаться, что, с точки зрения Вашингтона, одной из таких стран является Россия.

Стратегические документы США демонстрируют определённую адаптивность их разработчиков к изменяющейся реальности. Однако это вряд ли может компенсировать тот конформизм, на основе которого эти документы написаны. Более того, в отношении России во многом в них произошло возвращение к формулировкам холодной войны. Время, прошедшее после избрания Д. Трампа на пост президента США, пока не внесло видимых изменений в стратегические выкладки, сделанные в 2015 г. и основанные на традиционных тезисах об американском доминировании и исключительности. Вслед за американцами регресс в отношениях с Россией продемонстрировал и Евросоюз, очевидное чему подтверждение — раздел Глобальной стратегии ЕС (июнь 2016 г.), посвящённый России.

Часть II. Европа от Атлантики до Тихого океана

4. Политика «двух треков»

Задачу по развитию стратегического мышления ставит перед собой и Европейский союз. До недавнего времени попытки Евросоюза разработать и проводить собственную внешнюю политику были в основном безуспешными. Однако многое указывает на то, что со временем ЕС может обрести собственную внешнеполитическую субъектность, вплоть до формирования единой внешней политики и политики безопасности.

Рассуждая на эту тему, необходимо учитывать двоякую суть европейского интеграционного проекта, опирающегося как на межгосударственные, так и на наднациональные отношения. Справедливо утверждение, что коммунитарная сторона деятельности ЕС во второй половине XX в. возростала. На этом пути были свои приливы и отливы, но в целом государства-члены по мере «перелива» интеграции из одной сферы в другую делегировали в политическую надстройку ЕС всё больше своих полномочий. В результате «пул суверенитетов» становился всё шире и глубже.

В то же время такое развитие событий не означает, что 27 членов объединения (за вычетом Британии) постепенно и согласно плану сливаются в сверхгосударство, своего рода Соединённые штаты Европы. Дело в том, что в связи с уникальной природой, отличающей Евросоюз как от типичного государства-нации, так и от традиционного межгосударственного объединения, неверно ожидать

появления у ЕС атрибутов власти, аналогичных тем, что находятся в распоряжении национальных столиц.

Более того, этот интеграционный проект не гарантирован не только от новых серьёзных неудач, но и от попятного движения. Уместно поставить вопрос о том, не оказался ли ЕС в ситуации стратегического перенапряжения, реакцией на которое становится упрочение межгосударственных основ организации? Одним из последствий брекзита для ЕС может стать упрочение именно этой тенденции.

В этой ситуации внешняя политика «двух треков» государств, не входящих в Европейский союз, т. е. маневрирование между руководящими органами ЕС и странами-членами, остаётся высоко востребованной. Такой подход к отношениям с ЕС в Брюсселе обычно критикуют как политику по принципу «разделяй и властвуй». Особенно достаётся Москве, но такое неприятие необоснованно, по крайней мере по трём причинам.

Во-первых, политика «двух треков» в отношении с ЕС — не изобретение России, а общемировая практика. Достаточно вспомнить американские тезисы о «старой и новой Европе» или о «коалиции добровольцев». Никто в Европе не собирается ликвидировать национальные министерства иностранных дел, как и посольства, включая диппредставительства стран-членов на территории других государств ЕС. Каждое из них имеет собственные концепции внешней политики и безопасности, хотя по своему качеству и самостоятельности они сильно разнятся. Делегации ЕС играют не более чем координирующую роль в деятельности посольств стран-членов и представляют не столько их, сколько вице-президента Еврокомиссии по вопросам внешней политики и безопасности.

Во-вторых, область внешней политики ЕС превратилась в коллективный инструмент лишь частично, а вопросы обороны и безопасности в основном остаются в суверенном ведении стран-членов. Принцип солидарности в данном случае имеет консультативное, а не обязательное применение. Благо это или беда ЕС — вопрос отдельный. Но факт остается фактом: концепция безопасности этой организации впервые появилась только в 2003 г. Лишь в июне 2016 г. на её место пришла Глобальная стратегия. В целом общая политика безопасности и обороны с принятием Лиссабонского договора продвинулась вперед, но пока не принципиально. Требуется время для того, чтобы оценить жизнеспособность лоббируемой Парижем и Берлином идеи оборонного пакта и продвигаемого Еврокомиссией проекта оборонного фонда ЕС.

В-третьих, политика «двух треков» часто эффективна и приносит результаты. Таким образом, с точки зрения международных норм и практик её не только допустимо, но и необходимо продолжать. Однако вероятно, что «зазор» между этими треками постепенно будет, судя по всему, сужаться за счет снижения самостоятельности внешней политики на национальном уровне. Следовательно, принцип солидарности внешним для Евросоюза игрокам будет обходить всё сложнее.

Европейская безопасность в паутине украинского кризиса

Ряд малых стран — членов ЕС во многом уже де-факто утратили свою независимую внешнюю политику, будучи вмонтированы в структуры ЕС и НАТО. Но это

нельзя сказать о крупных игроках, в первую очередь о новой «большой тройке» ЕС — Германии, Франции и Италии, тем более о покидающей интеграционный проект Британии. Более того, и среди стран ЕС «второго эшелона», не имеющих такого экономического и геополитического веса, растёт стремление к более самостоятельным действиям, что уже не раз продемонстрировали, например, члены Вишеградской четвёрки.

Европейские тяжеловесы тем более не собираются отказываться от представления о собственных национальных интересах во внешней политике. Это наглядно в 2003 г. показал кризис евроатлантизма в 2003 г. в связи с интервенцией в Ирак, разногласия вокруг признания независимости Косово, трения между Испанией и Британией из-за Гибралтара, вышедшие на новый уровень после референдума о брекзите, односторонние решения Парижа и Лондона начать военную операцию в Ливии в 2011 г. и т. д. Кроме того, лидеры крупнейших государств ЕС могут предпринимать самостоятельные шаги, движимые не обязательно узконациональными интересами, но и своим представлением об интересах Европы в целом. Так поступил Н. Саркози в августе 2008 г., когда активно подключился к урегулированию грузинского кризиса, не имея на то мандата ЕС; так сделали А. Меркель и Ф. Олланд, отправившись в феврале 2015 г. вначале в Москву, а затем в Минск для урегулирования кризиса на востоке Украины.

Украинский кризис ярко высветил двоякость внешней политики ЕС и входящих в него государств (а также стран-кандидатов). Несмотря на разношёрстность состава организации, тем более в вопросах отношений с Москвой под давлением обстоятельств был достигнут

консенсус о введении антироссийских санкций. Однако добиться этого удалось в условиях беспрецедентных: государственный переворот на Украине; крах соглашения 21 февраля 2014 г., первоначально поддержанного Польшей, Францией и Германией; воссоединение Крыма с Россией; очевидное давление, оказанное на своих союзников Вашингтоном.

Но именно в этих обстоятельствах межгосударственный трек отношений в Европе и мире в очередной раз стал для России ведущим. Именно на нём выстраивалась основная часть работы по разъяснению позиции Москвы, по противодействию углублению антироссийской политики, по поиску выходов из опасного положения. Напротив, коллективная внешняя политика ЕС проявила полную неспособность к переводу ситуации из фазы противостояния в фазу урегулирования. Межгосударственный трек позволил в 2014–2015 гг. осуществить государственные визиты президента РФ в Турцию, Австрию, Венгрию, Сербию, приехать в Сочи президенту Финляндии, выйти на подписание соглашения Минск-2. В последующие годы именно этот трек остался ключевым в отношениях России с большинством стран — членом ЕС.

Украинский кризис прорвался наружу болезнью, от которой европейская система безопасности страдала уже не одно десятилетие. Конечно, свою лепту в эскалацию ситуации внесли и конкретные обстоятельства, и человеческий фактор. Но главное было в другом — в неспособности добиться учёта взаимных интересов в сфере региональных интеграционных проектов и общеевропейской безопасности. Что касается собственно украинского измерения кризиса, то не менее верно

и то, что его корни — в провалах украинской политической элиты, в несостоятельности политического класса Украины, в игнорировании социально-экономических проблем восточных областей страны и Крыма.

По состоянию на середину 2017 г. высока вероятность перехода украинского конфликта в стадию «замороженного». Насколько этот вариант можно характеризовать как промежуточный, судить сложно, так как эта промежуточность может растянуться на неопределённое количество лет. Об этом говорит опыт других замороженных конфликтов на постсоветском пространстве. Но чтобы ситуация развивалась хотя бы по этому пути, не говоря уже о полноценном урегулировании, требуются не только успехи в рамках «нормандского формата», но и прогресс по линии российско-американских консультаций. Однако с учётом антироссийской истерии в Вашингтоне, ожидать этого в скором времени вряд ли приходится.

Интересно отметить, что в западном политологическом дискурсе, особенно в США, Британии, Канаде, американскому фактору в генезисе и развитии украинского кризиса уделяется гораздо меньше внимания, чем среди российских, да и в целом европейских специалистов. Его роль принижают и основную ответственность за эскалацию ситуации возлагают на Россию. Популярно мнение, что события «евромайдана» стали неожиданностью для Вашингтона и что дальнейшие действия американских политиков и дипломатов носили реактивный характер. Очевидно, что такая точка зрения не только искажает канву событий, но и затрудняет процесс умиротворения, который требует оказания влияния не только со стороны Москвы на ополченцев, но и со стороны США на официальный Киев.

Насколько украинский кризис сделает Россию и ЕС заложниками противостояния по всему спектру их взаимодействия? Может ли украинский трафарет событий в своём худшем воплощении повториться в другом месте, например в Молдове? Представляется, что на сегодня ситуация в Кишинёве во многом развивается по похожему опасному сценарию. Хочется надеяться на то, что Брюссель и национальные столицы стран — членов ЕС извлекут горькие уроки из украинских событий (чего не произошло после грузинского конфликта в августе 2008 г.). Для Евросоюза было бы честно признать политику «европейского соседства», включая «восточное партнёрство», как несостоятельную, более того, усугубившую ряд конфликтов. Решение Ф. Могерини и Й. Ханна, еврокомиссара по вопросам расширения, начать в марте 2015 г. пересмотр политики соседства задало движение в правильном направлении.

С точки зрения особенностей отношений России с различными европейскими странами, в её адрес постоянно звучит критика за связи с антисистемными партиями. Думается, это ошибочная оценка. Во-первых, в любой стране необходимо и дальновидно развивать связи не только с явными фаворитами, но и с оппозиционными силами. Примеры Греции, Италии, Испании показали, что недавние маргиналы могут быстро выйти на большую политическую сцену. Во-вторых, любая политическая сила, действующая легально и в соответствии с национальным законодательством, является законным представителем той или иной части населения. Установление с ней контактов и диалога, особенно когда это способствует целям внешней политики России,

не только допустимо, но необходимо. И в большинстве случаев идеологическая ориентация таких политических сил имеет второстепенное значение.

* * *

Категория «Запад» не была монолитной в годы холодной войны. Она стала ещё более размытой и неоднозначной за последнюю четверть века. При всей своей остроте украинский кризис демонстрирует это достаточно наглядно. Несмотря на явные неудачи в реализации совместной внешней политики, тем более общей политики безопасности и обороны, Евросоюз, в первую очередь в лице ряда ведущих государств-членов, не отказывается от претензий на особую роль в полицентричном мире нового столетия. Подходы ЕС к дальнейшим взаимоотношениям с Россией будет одним из главных тестов, показывающих, насколько Брюссель способен перейти от слов к делу. Пока этого не произойдёт, политика «двух треков» должна оставаться неизменной в подходах Москвы к диалогу с Европейским союзом и его государствами-членами.

5. ЕВРОСФЕРА В ЗОНЕ ВЫСОКИХ РИСКОВ

Евросоюз длительное время считался своего рода лабораторией — эталоном, в которой современные алхимики с помощью недавно обретённого философского камня — социальной инженерии и материального благополучия — научились преобразовывать мир вокруг себя и под стать себе. Евросфера, строительство которой началось с шестёрки государств — основателей Европейского экономического сообщества в 1957 г., достигла впечатляющих размеров. Сегодня она охватывает огромное пространство от Португалии до Финляндии, от Эстонии до Кипра. Предполагалось, что евросфера будет вновь и вновь создавать вокруг себя доброжелательное соседство, «пояс безопасности», из которого сможет черпать новых членов, и на границах которых в свою очередь будет возникать новый пояс друзей — кандидатов на вступление в ЕС. Преображающая сила «гравитации» евро-сферы не ставилась под сомнение, напротив, ожидалось, что чем крупнее становилась организация, тем большую притягательность она должна обретать. Иллюзии или высокомерие сыграли злую шутку с евростроителями — они не заметили накопления критической массы внутренних и внешних проблем, под тяжестью которых интеграционный проект оказался под угрозой.

Первым суровым предупреждением о необходимости переосмысления постулатов Евросоюза стал

конституционный кризис 2005 г., который спровоцировали страны, представлявшие «ядро» ЕС¹. Вторым — кризис, начавшийся в 2008 г. как экономический и переросший позже в социальный и политический. Модель «государства благосостояния», созданная и отлаженная в Европе после Второй мировой войны, концепция социального рынка стали давать системные сбои в условиях ужесточения мировой экономической конкуренции и демографических трансформаций. Третьим — кризис миграционный, продемонстрировавший уязвимость другого столпа ЕС — принципа солидарности. Кроме того, он обнажил неспособность Евросоюза стратегически и превентивно решать проблемы в сопредельных регионах, в первую очередь в Средиземноморском бассейне. Четвёртым — кризис мировоззренческий в обличе брекзита. Под вопрос поставлена природа, философия, само кредо «объединённой Европы»: её образцовость, устремлённость в будущее, отрицание возможности регресса. Пятым предупреждением стал терроризм, который сделал уязвимым сам образ жизни европейца. В цитаделях материального благополучия, будь то Париж, Брюссель, Ницца или города Баварии, обыватель больше не чувствует себя в безопасности.

«Ты не настоящий европеец, если не член ЕС», — такой постулат в начале XXI в. утвердился в мышлении европейских политиков и брюссельских чиновников. Понятийный аппарат евроинтеграции накрепко связал

¹ Имеются в виду референдумы в Нидерландах и Франции в 2005 г., на которых большинство жителей этих стран сказали проекту европейской конституции «нет».

Европу и Евросоюз. Нежелание членов Европейской ассоциации свободной торговли (Швейцарии, Норвегии, Исландии и Лихтенштейна) присоединиться к ЕС не рассматривается в Брюсселе как проблема. Отзыву крохотной Исландии заявки на вступление в ЕС в 2015 г. не придали особого значения с учётом размера страны и её своеобразия. Вина за фактическое прекращение переговоров с Турцией о присоединении к союзу полностью возлагается на Анкару и авторитарные наклонности Р. Т. Эрдогана. Но не было случая, чтобы страна, вступив в ЕС, затем покинула его ряды. Пример Гренландии, вышедшей из его состава в 1985 г., оставаясь частью содружества Королевства Дании (вместе с Фарерскими островами, которые решили не вступать в ЕЭС ещё в 1973 г.), был слишком экзотичен, чтобы испытывать по этому поводу серьёзные опасения.

Вероятность выхода Греции из еврозоны, достигшая максимума в 2015 г., вызвала панические настроения в Брюсселе. Случись это, и сердцевине «объединённой Европы», странам — участницам экономического и валютного союза, был бы нанесён непоправимый ущерб из-за реакции финансовых рынков и эффекта домино. Однако сценарий, по которому еврозона лишалась одного из своих членов, не был равнозначен его выходу из Европейского союза, хотя этим греков и пугали. Но спустя год случилось наихудшее — Евросоюз решило покинуть Соединённое Королевство, хотя оно не является ни членом еврозоны, ни шенгенского пространства. Это решение, конечно, ещё надо претворить в жизнь. Существует немало вариантов, как его можно выхолостить или вовсе отменить, например проведением повторного референдума. Но сам факт того, что

впервые в истории ЕС задействована процедура выхода из состава организации, наносит её репутации непоправимый ущерб.

Несколько десятилетий магистральным направлением европейских исследований и в России, и за рубежом было в целом позитивное, а подчас и апологетическое восприятие евроинтеграционных процессов. Считалось, что история ЕС — это история созидательных кризисов и неизбежного успеха. Критика копившихся социально-экономических и политических диспаритетов внутри «объединённой Европы», предупреждения о падении качества управления всё более многочисленной и пёстрой организацией, опасения по поводу усугубления проблемы «демократического дефицита» и многое другое до недавнего времени воспринимались политическим классом ЕС и обслуживающими его экспертными центрами как второстепенные и не заслуживающие серьёзного внимания. Видимо, триумфализм и нарциссизм — вечные попутчики успеха.

Евросоюз, при всей своей уникальности, пошёл по хорошо известному пути крупных политических, бюрократических и управленческих структур: собственным достижениям уделялось намного больше внимания, чем проблемам, а последние не столько решались, сколько временно купировались или замалчивались. Когда же трудности возрастали до такой степени, что игнорировать их становилось невозможно, вина перекладывалась на плечи самих «раздражителей». Например, в проблемах Евросоюза, в зависимости от их природы, обвиняют евроскептиков всех мастей, новые политические силы (итальянское движение «Пять звёзд», греческую «Сиризу», испанский «Подemos» и т. д.), «авторитарных» или

просто «неправильных» политиков (например премьер-министра Венгрии В. Орбана, Словакии — Р. Фицо, президента Чехии М. Земана и др). Конечно, виноваты и внешние недоброжелатели. Так, одной из причин миграционного кризиса в ЕС иностранная пресса и обслуживающие Брюссель эксперты долго называли внешней политикой России.

Критика оппонентов часто сводится к примитивным тезисам и лозунгам. Так, после последних выборов в Европарламент (май 2014 г.), результаты которого бывший президент Франции Ф. Олланд назвал политическим землетрясением, большинство кандидатов на пост председателя Еврокомиссии, вместо того чтобы разобраться в причинах происходящего с европейскими партийно-политическими системами, обрушились на евроскептиков с обвинениями в расизме, ксенофобии, антисемитизме и т. п. Неспособность брать на себя ответственность и признавать вину за неудачи и провалы стала характерной чертой евробюрократии и европейских политиков. Особенно разительным проявлением этого стало их стремление уйти от ответственности в феврале 2014 г. после государственного переворота на Украине.

Представляется, что в размышлениях о проблемах Евросоюза и мира в целом, об их будущем одной из базовых тем останется поиск баланса между государством и наднациональными структурами, о моделях интеграции и об их совместимости. Россия последнюю четверть века выстраивала отношения с частью Европы, расположенной к западу от границ постсоветского пространства, постоянно находясь в русле дискурса о том, что вместе с глобализацией происходит постепенное

«размывание» прерогатив национальных государств. Евросоюз долгое время представлял собой яркий пример того, как национальные государства одно за другим добровольно отказываются от части своего суверенитета, передавая его «наверх». В последние годы в осмыслении этих и других процессов произошли значительные сдвиги, поставившие под сомнение универсальность ряда истин, в том числе представления о том, что ЕС — эталон развития для всей Большой Европы, не говоря уже о мире в целом.

6. День, который изменил Европу

«Шок и трепет» — так когда-то называлось военное вторжение США и Великобритании в Ирак, сотрясшее до основания международный порядок в 2003 г. Такое же название британские евроскептики могли дать операции по выводу своей страны из Европейского союза (получившей название «брекзит»). Большинство британских подданных в шоке. Трепет овладел Брюсселем перед лицом небывалого политического кризиса. Недавно выход Греции из еврозоны (грекзит), но не из Евросоюза, считался недопустимым и опасным для всех 28 государств — членов ЕС. Теперь непосредственно сам Европейский союз решила покинуть вторая по величине экономика организации, член Совета Безопасности ООН, ядерная держава и близкий союзник США.

Судьба наносит по ЕС один удар за другим, словно проверяя его на прочность. Конституционный кризис 2005 г., «великая рецессия», усмирение Греции, украинская драма, миграционное цунами. Казалось, хуже быть не может. Но Британия, все последние 45 лет носившая титул «неудобного партнёра» своих континентальных соседей, преподнесла очередной сюрприз исторических пропорций, выступив на этот раз в роли ассасина «европейской мечты». Отцы-основатели «объединённой Европы», прежде всего Жан Моннэ и Робер Шуман,

наверняка пребывают в недоумении по ту сторону бытия. Что касается духа генерала де Голля, то, наверное, его лик исказила горькая усмешка.

Именно он так не хотел в 1960-х гг. пускать британского льва в «европейский загон», предчувствуя, что это принесёт серьёзные проблемы. Где-то рядом с ними разочарованно парят тени Эдварда Хита, Жоржа Помпиду и Вилли Брандта, при которых Британия с третьей попытки вступила в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1973 г. (вместе с Ирландией и Данией).

Д. Кэмерон — нищета стратегического мышления

Есть и другие параллели с вторжением в Ирак: тогда, в марте 2003 г. многие страны и специалисты предупреждали, что последствия будут удручающими. Но так же, как Дж. Буш-младший попался на удочку «созидательного разрушения» государств, так и в 2016 г. Дэвид Кэмерон заглотил наживку евроскептицизма. Как и в 2003 г., звучали многократные предупреждения, что здравый смысл диктует смену курса, что риски слишком высоки. Но Кэмерон ещё раз решил сыграть в «русскую рулетку», и на этот раз ставкой стала не Ливия, а фишка намного более крупного номинала — Британия. В 2011 г. Лондон и Париж без должного согласования с партнёрами по ЕС и НАТО направили своих военных в Ливию помогать «демократической революции», как ширмой воспользовавшись санкцией СБ ООН о воздушном пространстве, запрещённом для полётов. После того как государство рухнуло и страна погрузилась в хаос, помощники «революционеров» умыли

руки и оставили Евросоюзу и ООН решать все проблемы. Авантюрой стал и референдум в Великобритании. Опять же Кэмерон фактически ушёл от ответственности, заявив о сложении с себя полномочий. Да, он оплатился своими постами премьера и лидера тори. Да, его супруга Саманта была в слезах, когда перед входом в Даунинг-стрит, 10, стояла рядом с мужем, объявлявшем о своей отставке. Но право задействовать ст. 50 Лиссабонского договора о выходе страны-члена из организации, право на ведение последующих сложнейших переговоров с Брюсселем о «разводе» и параллельно управление кризисом в связи с намерением Шотландии выйти со второй попытки из состава Соединённого Королевства Кэмерон предоставил своему преемнику.

На этом сходство двух драм не заканчивается. Стратегический просчёт премьер-министра усугубляло и то, что он вёл двойную игру, опять же как и Буш-младший в своё время. Последний для нападения на Ирак использовал предлог угрозы со стороны Саддама Хусейна, якобы обладавшего оружием массового уничтожения. Кэмерон, под благовидным предлогом модернизации Евросоюза, в действительности решал прежде всего свои внутривнутриполитические проблемы — нейтрализовать влияние правых популистов в стане тори и прекратить переток консервативного электората к Партии независимости Соединённого Королевства.

На промежуточном этапе риск оказался оправданным — Кэмерон удержал власть на парламентских выборах в мае 2015 г. и даже приумножил её. Но если стратегия ошибочна, рано или поздно наступает «судный день». Стоит посмотреть на Ирак сегодня — фактически несостоятельное государство. Значительную часть его

территории Багдад не контролирует. Стоит посмотреть на Ливию — поле битвы радикальных и менее радикальных исламистов, но смысл от этого не меняется — опять-таки несостоятельное государство. В Британии Лондон потерял контроль и над ситуацией, и в перспективе над территорией, в первую очередь шотландской. Такой результат стал следствием цепи событий, каждое из которых в отдельности было не критичным, но в сумме они привели к радикальным последствиям.

Во-первых, Кэмерон перехитрил самого себя тем, что вначале играл на поле последовательных евроскептиков, потворствуя им в своей и других партиях, а позже стал уговаривать англичан остаться в ЕС. Многие жители страны почувствовали фальшь, что только укрепило их недоверие к политическому истеблишменту. Причём лидер консерваторов вряд ли рассчитывал так «споткнуться». Ведь только год назад он получил от избирателей ясный мандат сформировать однопартийное правительство, убедив большинство из них в том, что его кабинет вывел экономику страны из кризиса и повёл по пути восстановления.

Британские избиратели не в первый раз «подводят» своих лидеров. Уинстон Черчилль по праву почивал на лаврах одного из победителей фашистской Германии во Второй мировой войне, но на парламентских выборах летом 1945 г. неожиданно проиграл лейбористам. Говорят, он был сильно расстроен «неблагодарностью» британских подданных. Но, несмотря на своё поражение, Черчилль остался в истории великой фигурой британской истории XX в. У Энтони Блэра, а теперь и у Кэмерона это вряд ли получится, хотя каждый из них успешных, и значительных, добивался. У первого реальные

достижения, в первую очередь умиротворение Северной Ирландии, были перечёркнуты в сознании британцев бесславной войной в Ираке. Второй войдёт в историю как лидер, который, запутавшись в собственных аргументах и мотивах, допустил выход страны из ЕС и, возможно, положил тем самым начало её собственному распаду.

Во-вторых, Кэмерон затеял слишком сложную комбинацию, которая не только не замаскировала его непоследовательность, но и в конце концов только оттенила её. Задумка выглядела на первый взгляд изящно и в случае успеха могла позволить премьер-министру, как говорят англичане, “получить лучшее от обоих миров” (в данном случае — найти средний путь между критиками и почитателями европейской идеи). Но история распорядилась в соответствии с другой английской поговоркой — «нельзя есть пирог и одновременно сохранить его целым».

Задумка заключалась в том, чтобы Кэмерон оставался на позициях евроскептицизма, но не твердолобого и местечкового, а созидательного. Для этого было необходимо провести переговоры с ЕС о новых принципиальных уступках Британии со стороны Брюсселя, но опять же не только ради улучшения национального самочувствия, но во благо всего интеграционного объединения. Свою прогрессивную версию евроскептицизма Кэмерон обосновывал необходимостью сделать экономику ЕС более конкурентоспособной, избавить её от излишнего бюрократизма. Добившись своего в Брюсселе, Камерон должен был вернуться в Лондон триумфатором и без труда убедить британских подданных остаться в Евросоюзе.

ЕС, в первую очередь под давлением Берлина, действительно пошёл на ряд уступок строптивым островам по ту сторону Английского канала. Так, британское государство получило право сократить детские пособия тем гражданам стран — членов ЕС, которые находятся на его территории, но их несовершеннолетние отпрыски живут в других странах союза. Потенциально больше прав получал британский парламент при оценке новых законов ЕС. Страна ограждала себя от возможной финансовой дискриминации со стороны участников еврозоны. Эти и другие уступки — реальные или символические — были значительными, но не тянули на статус принципиальных.

Можно провести ещё одну параллель с событиями 2003 г. Тогда Тони Блэр развил невероятную активность в поездках по всему миру, чтобы убедить иностранных партнёров в правоте Лондона и Вашингтона в их иракской стратегии. Блэру было необходимо склонить большинство членов Совета Безопасности ООН к поддержке англосаксонской позиции. Это ему не удалось. Кэмерон в 2015–2016 гг. провёл множество встреч и переговоров с европейскими партнёрами и, казалось бы, заручился их поддержкой. Но склонить на свою сторону большинство британцев у него не получилось. В конце концов, как и Блэру, стратегический просчёт стоил Кэмерону карьеры.

Уже сам факт проведения референдума является для Британии чрезвычайным. До сих пор правительство допускало прямое волеизъявление народа только дважды — в 2011 г., по вопросу об изменении системы голосования на парламентских выборах, и в 1975 г., о членстве в ЕЭС. В последнем случае за продолжение участия страны

в региональной интеграции высказалось 67 % проголосовавших; на этот раз — лишь 48 %. Эти цифры на примере британского электората показывают, насколько снизилась привлекательность ЕС для европейцев.

Сомнения Соединённого Королевства по поводу своих взаимоотношений с Евросоюзом в очередной раз в истории страны разделили её на противостоящие лагеря. Разделительные линии пролегли между партиями и внутри них — между регионами и между поколениями. Особенно явный раскол произошёл в Консервативной партии и даже в правительстве, несколько членов которого в пике премьеру поддержали кампанию евроскептиков. Шотландия в своём еврооптимизме стала прямой противоположностью Англии. Северная Ирландия, хотя и не с таким отрывом, также противопоставила себя последней. Резкий контраст проявился и в том, что настроенный космополитично Лондон оказался погружён в «английское море» евроскепсиса. Молодёжь подавляющим большинством проголосовала за сохранение членства в ЕС, а основной категорией голосовавших «за выход» стали пожилые белые британцы.

Наибольшую потенциальную опасность для страны результаты референдума представляют с точки зрения её территориальной целостности. Решение о выходе из ЕС «запускает программу» по проведению повторного референдума о независимости Шотландии. Не исключён в будущем и референдум в Ольстере о воссоединении с Ирландской Республикой. В первом случае государство больше не сможет называться Великобританией, каковой оно стало после унии Англии и Шотландии в 1707 г. Во втором случае в прошлое уйдёт название «Соединённое Королевство», приобретённое в 1800 г.

после унии Великобритании и Ирландии. Тогда сохранится лишь единственный вариант — Британия (Англия и Уэльс). Относительная неудача Шотландской национальной партии на всеобщих выборах в июне 2017 г. вряд ли надолго отложит попытки вывести регион из состава королевства.

К отрицательному исходу референдума привёл целый комплекс причин. Вина Д. Кэмерона, как и эффективность кампании евроскептиков, бесспорна, но случившееся нельзя назвать недоразумением и случайностью. Уходящий премьер своим просчётом невольно обнажил жёсткую реальность — европейский интеграционный проект накопил такую сумму структурных дефектов, которые грозят отбросить его на десятилетия назад, по крайней мере в период до единого рынка (последний был создан в соответствии с Общеввропейским актом 1986 г.).

Возможный распад страны с отколом Шотландии к этому прямого отношения не имеет. Эта опасность в основном вызвана внутренними причинами, как политическими, так и социально-экономическими. Но главной мотивацией тех, кто проголосовал за брекзит, всё же были недовольство и разочарование положением дел в ЕС. Причём во многом это недовольство сторонних наблюдателей, а не напрямую «пострадавших». Британия не входит в еврозону, а следовательно, напрямую не была затронута кризисом в этой сфере европейского интеграционного проекта. Не является она и частью Шенгенской зоны, а значит, самостоятельно регулирует внешние миграционные потоки.

Главным источником подпитки евроскептицизма в стране стал принцип свободного передвижения

на пространствах Евросоюза, и здесь Лондон обязан подчиняться общим правилам. То есть в отличие от греков, итальянцев, немцев, австрийцев, шведов и других наций, напуганных неконтролируемым наплывом беженцев и экономических мигрантов из третьих стран, британцы недовольны правом свободного въезда на острова граждан стран — членов ЕС. И это говорит о многом. То, что британские подданные не делают большого различия между этими двумя категориями приезжих, свидетельствует о своеобразном мировоззрении жителей Туманного Альбиона. В своём худшем воплощении оно ведёт к достаточно распространённой в стране ксенофобии.

Островной менталитет, скепсис в отношении иностранцев, до сих пор не всеми пережитая травма потери империи внесли свою лепту в результаты референдума. В мировоззрении многих британцев (в основном англичан) парадоксальным образом уживаются и давно ставший иллюзорным образ великой державы (комплекс величия и высокомерия), и прямо противоположный ему образ «маленькой Англии» (комплекс неполноценности и «осаждённой крепости»). Но оба эти образа ведут к одному результату — нарастанию изоляционизма страны, сознательному или невольному.

Брекзит — тёмные и светлые стороны

Для политического истеблишмента ЕС брекзит является истинным кошмаром. Не исключено, что референдум стал окончательным вердиктом, свидетельствующим, что проект европейской интеграции достиг

на сегодня пределов своего количественного и качественного расширения на обозримую перспективу. Но не всё так однозначно.

Есть и «светлая сторона» — ЕС вздохнёт свободнее без упрямства Лондона по поводу углубления федеративных начал в развитии объединения. Именно Британия несколько десятилетий была главным критиком расширения Евросоюза вглубь, одновременно лоббируя его количественный рост. Открываются перспективы ускорения движения ЕС в многоскоростном режиме, когда ряд стран смогут заметно дальше продвинуться в политической интеграции, например в сфере общей внешней политики и политики безопасности, в сфере бюджетного союза. Создание Соединённых Штатов Европы — такая же вредная для этого проекта установка, как и возвращение к региональному объединению сугубо межгосударственного характера. Чтобы поддержать устойчивый баланс между этими двумя «опорами», ЕС необходимо в новой реальности эффективно распределить ответственность и бремя лидерства на своих просторах.

И здесь встаёт вопрос не только о макроэкономических диспаритетах внутри ЕС, но и о политических. Начальным «мотором» европейской интеграции служил тандем Франции и Германии при поддержке Италии. Позже к ним присоединилась в качестве члена «большой тройки» Британия, но не столько как единомышленник, сколько как третья «вершина треугольника», которая по ходу событий сближалась то с Парижем, то с Берлином. В последние годы, в основном по экономическим соображениям, в лидеры ЕС выдвинулась Германия. В обиход вошла фраза (скорее лестная, чем

критическая), что Германия стала слишком велика для Европы, но всё ещё мала для глобальной роли. С уходом в прошлое «деголлевской» Франции и с нарастанием евроскептических настроений в Британии на Берлин стали возлагать всё больше надежд как на политического лидера интеграционного объединения.

Но во многом ФРГ оказалась во власти той же формулы, что и Евросоюз в целом — экономический гигант, но политический легковес. С одной стороны, Германия сумела обратить к своей выгоде идею «пула суверенитетов» и единой валюты. С другой — в отличие от Лондона и Парижа она не сумела (или не захотела) «отвоевать» для себя автономию в проведении внешней политики не только в рамках ЕС, но за его пределами. Суверенитет Германии так и остался под «двумя замками» — «пула суверенитетов» и элементов внешнего управления. В результате она сохранила статус «неуверенного в себе лидера», у которого тем более нет желания брать на себя ещё большую ответственность.

Следовательно, с выходом Британии из ЕС высвобождается потенциал для наращивания роли в ЕС других крупных стран, в первую очередь Франции, Италии и Польши. Но вряд ли какая-либо из них в данный момент на это способна. Во Франции отрицательные рейтинги президента бьют рекорды. Итальянская экономика находится в плохом состоянии, а политическое будущее страны не прояснится до следующих парламентских выборов в 2018 г. Неизвестен ответ на вопрос, сможет ли вновь взойти политическая звезда М. Ренци, закатившаяся после проигрыша референдума по реформе верхней палаты парламента. Польша во главе с правым правительством и президентом испортила свои

отношения с ЕС из-за действий, которые в Брюсселе расценивают как авторитарные и недемократические.

Существует ли после брекзита непосредственная опасность «эффекта домино»? Представляется, что вряд ли. В остальных 27 странах — членах Евросоюза пока ни одна правящая политическая сила не ставит перед собой задачу провести подобный референдум, а тем более не стоит на платформе выхода из организации (своего рода внешнего сепаратизма). Не просматривается и ситуация прихода к власти в ближайшее время политических партий с такой программой где бы то ни было. В ЕС их много, но в отличие от тори они находятся во втором или третьем эшелоне борьбы за власть. Исход парламентских выборов в Нидерландах и президентских во Франции подтвердил такую оценку. Но, бесспорно, успех британских евроскептиков придал новый импульс евроскептическим силам.

Влияние брекзита на ситуацию с «внутренним сепаратизмом» в ЕС также неоднозначна. Каталонцы, баски, фламандцы, шотландцы и другие сообщества с сильной тягой к независимости принадлежат к лагерю убеждённых еврооптимистов. Их цели работают на умножение в будущем членов ЕС, но не на раскол и выход из него. В целом, после всплеска центробежных процессов, пик которых принял форму брекзита, происходит определённая консолидация внутри ЕС, влекомого чувством самосохранения и осознанием острой необходимости предотвратить дальнейшее ослабление организации.

Важное значение брекзита и в том, что он стал одним из отражений «глубинных течений», определяющих ход событий не только на нашем континенте. Феномен Д. Трампа в США, внешний и внутренний сепаратизм

в Европе, подъём правого и левого популизма, структурные изменения партийно-политических систем во многих западных странах — это в той или иной степени симптомы новой социальной поляризации.

Социальные диспаритеты в большинстве развитых стран росли последние десятилетия. Мировой экономический кризис ускорил этот процесс. Прогрессирует размывание среднего класса, его дифференциация на более богатые и бедные слои. Всё чаще социальные протесты, голосование за критиков политического истеблишмента представляют собой «восстание среднего класса». В определённом смысле возрождается классовый характер политической борьбы.

Европу и Евросоюз впереди ждёт немало интересных и неординарных событий, которые продолжат коренным образом менять традиционные и устоявшиеся представления о жизни в Старом Свете.

7. ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВО ВЛАСТИ ГЕОПОЛИТИКИ

Вуже далёком 2008 г. Россия в Закавказье оказалась перед сложным выбором: защищать гражданское население части Грузии от насилия со стороны центральной власти этой страны или воздержаться с учётом трудно просчитываемых рисков. Осознание своей ответственности за поддержание международного мира и стабильности, тем более на своих границах, возобладало. Затем Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что отвечало чаяниям подавляющего большинства их жителей.

Те события в западных СМИ сопровождались антироссийской истерией. С тех пор все, кто хотели узнать правду о случившемся, это сделали, и проблема Грузии в отношениях между Россией и Западом давно превратилась во второстепенную. Бесславно закончилась и политическая карьера человека, эту проблему породившего. Не только сама Грузия объявила в международный розыск М. Саакашвили, но в 2017 г. его лишили и украинского гражданства. К сожалению, наши иностранные партнёры плохо выучили уроки истории на постсоветском пространстве, главный из которых — необходимость учёта интересов России при любой попытке геополитического и геоэкономического передела в регионах ближнего зарубежья. В 2013—2014 гг. настала очередь Украины.

Всё, что случилось с Грузией и происходит на Украине, — проблемы не XXI в. Своими корнями они уходят глубже — в эпоху распада Советского Союза, а затем Югославии и Сербии. Косово открыло ящик Пандоры — хрупкого баланса между принципами территориальной целостности государств и права наций на самоопределение. В своё время на Западе многие с непониманием относились к метафоре о распаде Советского Союза как о геополитическом землетрясении XX в. Однако в случае Украины России на деле пришлось подбирать обломки рушащегося славянского государства и почти в одиночку бороться с возрождением правого экстремизма, включая неонацизм, причём не где-нибудь, а на территории бывшей Киевской Руси, т. е. в самом центре Европы, о ценностях которой так ратуют в Брюсселе. Не надо забывать, что неонацизмом поражены и другие страны, включая прибалтийские. 16 марта 2014 г., в день проведения референдума о независимости в Крыму, в Риге состоялось ежегодное шествие в память латышских легионеров СС.

На наших глазах меняется исторический контекст современного развития Европы. Многие годы он вращался вокруг идеи о гравитационном поле Евросоюза, о его неудержимой притягательной силе для соседних государств и не только. Крым же, к изумлению западного обывателя, продемонстрировал яркий пример притягательности России. Россию на Западе многие демонизировали, но тут оказалось, что миллионы людей восторженно её приветствуют. У многих за рубежом это вызвало лишь удвоенное неприятие. России придётся держать удар, и, что уже давно очевидно, намного дольше, чем после событий в Закавказье.

ЕС и США на постсоветском пространстве продолжают играть в геополитические игры, что неоспоримо продемонстрировало их беспрецедентное давление на В. Ф. Януковича вплоть до подписания соглашения 21 февраля 2014 г. В их устах заявления о суверенитете Украины и её территориальной целостности выглядят как театр абсурда. Ведь именно их действия спровоцировали территориальный развал Югославии, Сербии, Грузии, затем де-факто территориальный распад Ирака, Ливии и Сирии. Именно они при содействии монархий Персидского залива шесть лет поддерживали не только оппозиционные силы в Сирии, но и откровенных исламистских фундаменталистов и экстремистов. Именно их действия в начале 2014 г. толкнули движение гражданского протеста в Киеве в сторону вооружённого мятежа, совершенного в основном силами агрессивных националистов и правых экстремистов.

С точки зрения многих западных политиков любые средства хороши, любая пропаганда и искажение действительности допустимы для выдавливания России из ближнего зарубежья. Но в действительности здравых голосов на Западе достаточно, их надо различать, и не скатываться к чёрно-белому восприятию западного общественного мнения. Грегор Гизи, лидер фракции левых в парламенте Германии, заявил 13 марта 2014 г. в бундестаге прямо в глаза Ангеле Меркель, что надо прекратить применять к Украине и России двойные стандарты и не замечать в угоду собственным политическим интересам возрождение фашизма. Были слышен голос и такого супертяжеловеса, как Генри Киссинджер. Патриарх американской внешней политики в газете «Вашингтон

пост» 6 марта 2014 г. призвал Украину к внеблоковому статусу. Что, как не обещания членства в НАТО, толкнуло М. Саакашвили на расстрел российских миротворцев, а затем гражданского населения в Цхинвале? Если бы не воссоединение Крыма с Россией, очевидно, что к настоящему времени на полуострове — в Севастополе и не только — располагались бы де-юре или де-факто военные базы США и НАТО.

Уже с весны 2013 г. в западном экспертном сообществе изучались возможные сценарии госпереворота на Украине и распада страны. В том числе обыгрывался вариант откола от Украины её западных регионов. Хорошо помню, как иностранные коллеги из разных стран выступали за то, чтобы в этом случае вовлечь сепаратистов в переговорный процесс. Все до-майдановские годы российские эксперты и политики на встречах с западными коллегами повторяли: не раскачивайте Украину, не потворствуйте центробежным процессам в ней, не делайте ставку на антироссийские настроения на западе Украины. Эти призывы не были услышаны. В результате на Украине развернулась трагедия национального масштаба, трагедия государства, так и не ставшего в его границах до 2014 г. нацией. Украина разорвана не только внутренними противоречиями, но и двумя гравитационными полями — с запада и востока.

Потеряла ли Россия Украину, вновь обретя Крым? Процесс трансформации Украины далёк от завершения. Впереди её ожидает много сложных и драматических событий. Чтобы Украине не превратиться в несостоявшееся государство, у неё нет иного пути, как стать федерацией с внеблоковым статусом с признанием

русского языка как одного из государственных. Как мы знаем, у тех, кто не жалеет о Советском Союзе, нет сердца; у тех, кто стремится к его возрождению, нет головы. Перефразируя, у тех, кто не желает дружеских отношений между Россией и Украиной, нет сердца; у тех, кто против единства Крыма и России, нет ни сердца, ни головы.

8. ОБРЕТЁННАЯ СВОБОДА, ПОТЕРЯННАЯ СВОБОДА

Постсоветская история государств Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) насчитывает уже больше четверти века. За это время Вишеградская группа стран превратилась в достаточно влиятельный субрегион этой части Старого Света. Следующим рубежом его окончательного утверждения стало вступление Польши, Венгрии, Чехии и Словакии сначала в НАТО, а затем в Европейский союз. При всей их индивидуальности и различиях, вишеградцы сумели найти способ выступить по ряду вопросов с согласованных позиций. Данная констатация не противоречит тому факту, что Варшава, Будапешт, Прага и Братислава могут иметь собственные интересы, порой несовпадающие, а то и вступающие в противоречие друг с другом, как и с интересами соседей.

Сотрудничество этих четырёх членов ЕС на региональном уровне можно охарактеризовать термином «мягкое», имея в виду отсутствие жёстких правил и институциональных обязательств. Во многом такой формат взаимодействия можно сравнить с БРИКС, который пока является скорее международным клубом, чем межправительственной организацией. Как и БРИКС, Вишеградская группа с течением времени обретала всё более ясные очертания. Однако, в отличие от БРИКС и похожих межгосударственных формирований, у её субъектности есть жёсткие пределы — это, в первую

очередь, обязательства в качестве стран — членов НАТО и ЕС. Что касается последнего, построенного на основе межгосударственности и наднациональности при постепенном усилении последней, то его идеология не предполагала формирования внутри этого объединения группировок, которые могли бы встать на пути центристских тенденций. Лозунг «единство в многообразии» не означал, что углубление интеграции в принципе должно иметь пределы.

Но комплементарность Вишеградской группы по отношению к Евросоюзу соседствовала с другим явлением — с усилением в нём разношёрстности и разновекторности. С высоты сегодняшнего дня мегарасширение ЕС в 2004 г. часто оценивают уже не как демонстрацию силы этого регионального объединения, а как один из элементов его подспудно нараставшей рыхлости и неравномерности развития.

Конечно, по большинству вопросов новоявленные члены ЕС были лояльны Брюсселю; они достаточно глубоко погружены в интеграционную среду ЕС. Но в полной мере их лояльность европейской интеграции проявлялась до середины прошлого десятилетия. Впоследствии желание «четвёрки», как и многих других новоиспечённых членов ЕС, с той же целеустремлённостью следовать по пути углубления интеграции, заметно поубавилось. Одно из наглядных проявлений этого — вопрос о членстве в еврозоне. Пока лишь только одно из государств Вишеграда — Словакия — отказалось от своей национальной валюты. И хотя все остальные взяли на себя обязательство рано или поздно вступить в еврозону, время, которое для этого требуется, похоже, с их точки зрения, не сокращается, а увеличивается.

И всё же, несмотря на беспрецедентные проблемы Евросоюза последних лет, решение четырёх восточноевропейских государств присоединиться к западноевропейскому интеграционному проекту имело для постсоветской истории и России огромное и не только символическое значение. В самом деле, при расширении ЕС (как и НАТО) в восточном направлении происходило не столько объединение Западной Европы с частями Центральной и Восточной, сколько добровольное поглощение последних на принципах и правилах, разработанных в Брюсселе. В результате произошла перекройка геополитической карты Европы, невиданная с 1945 г. О значении выхода из зоны советского, а затем российского влияния прибалтийских стран можно сказать, казалось бы, то же самое. Но по сравнению с вишеградской «четвёркой» эта «тройка» уступала им по своему весу и в количественном, и в качественном отношении даже с учётом того, что среди «новобранцев» прибалты были в 2004 г. единственными постсоветскими республиками. К тому же членство в ЕС стало уже вторыми, социально-экономическими «воротами» на Запад (первыми были военно-политические — натовские).

Волна расширения 2004 г., как и вступление в ЕС Болгарии и Румынии в 2007 г., привела к небывалому за полвека изменению в расстановке сил в Восточной Европе как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Теоретически для России происходившие изменения, с точки зрения «потери» или «приращения» интересов, необязательно должны были иметь негативные последствия. Но это при условии, что Москва имела бы возможность следовать в том же направлении, что и вишеградская четвёрка, встраиваясь

в ряды коллективного Запада. Однако ни её география и размеры, ни история, ни мировоззрение, ни отношение к ней самого Запада такой возможности не предоставили. В результате последнюю четверть века Москва и четыре бывшие социалистические столицы должны были устанавливать новый баланс интересов, взаимодействуя в изменившихся условиях.

Интересно отметить одну примечательную особенность поведения восточноевропейцев. Одним из главных, если не определяющим, побудительным мотивом их движения «на запад» было желание избавиться от роли «младшего брата» и восстановить свою независимость от Кремля и свободу действий. Однако этот мотив соседствовал, казалось бы, с противоположным устремлением — стать членом организаций, в которых, пусть и по разным причинам, но национальный суверенитет — понятие относительное: в НАТО — из-за асимметрии в отношениях между США и другими участниками блока, в ЕС — из-за «пула суверенитетов». Другими словами, членство опять же за счёт возвращённого себе на рубеже 1980–1990-х гг. суверенитета ради гипотетических или реальных приобретений.

В то же время, будучи встроенными в западноевропейскую интеграцию, вишеградские государства (как и ЦВЕ в целом) не были исключительно объектом этого процесса. Со временем они сами стали изнутри определённым образом влиять на него. В том числе и благодаря возрождению притягательности в условиях многостороннего кризиса Евросоюза идеи государственного суверенитета (по крайней мере — автономности в принятии тех или иных решений, большей свободы рук). В столицах «четвёрки» изменились представления

о «добавленной стоимости» интеграционного проекта; её члены стали более выборочно подходить к тому, что в действиях брeссельской бюрократии отвечает их национальным интересам, а что нет.

У внимательного наблюдателя ещё до расширения 2004 г. могли возникнуть сомнения в отношении его последствий для дела сплочённости ЕС. Разногласия по поводу вторжения в Ирак в 2003 г. показали, что умножение членов организации, очевидно, усилит многоголосие в ней. Появились понятия «старой» и «новой» Европы. С 2008 г. мировой экономический кризис, переросший в Европе в кризис суверенной задолженности, масштабная безработица и другие напасти, а с 2014—2015 гг. и кризис миграционный, разделил Европу не только на «северную» и «южную», но на «западную» и «восточную». Да, преувеличивать противоречия между членами ЕС не стоит; Вишеград как часть ЦВЕ прочно вплетён в ткань интеграции. Но не видеть того, что пестрота взглядов и интересов внутри ЕС превысила все ожидаемые пределы, не меньшая ошибка.

Как и Евросоюз-28, Вишеград можно представить как полицентричную структуру со значительной асимметрией. Если в ЕС наибольшей «гравитационной силой» обладает Германия, то в «четвёрке» — Польша. Именно Варшава стремилась все последние годы утвердить себя в качестве восточноевропейского тяжеловеса, своего рода пятого или шестого лидера ЕС после Германии, Британии, Франции, Италии и Испании. Причём в Восточной Европе Польша претендовала на ведущие позиции, а в установлении погоды в отношениях с Россией — на монополию. Для Вишеграда, да и для всей ЦВЕ это имело двойкие последствия в зависимости

от того, совпадали ли позиции Польши с мнением соседей или расходились.

Если в своё время в категорию «новая Европа» попали все четыре страны, как позже опять же все они избежали участи таких полубанкротов, как Греция или Кипр, проект Восточного партнёрства внёс в их ряды разногласия, дифференцировал их в глазах внешнего мира. По вопросу о модальностях взаимоотношений с Москвой антироссийский настрой Польши всё сильнее расходился с позицией других членов «четвёрки». Разделительные линии появлялись не только внутри Вишеграда, но между его участниками и другими странами — членами ЕС. Так, уже длительное время с его стороны звучит критика Венгрии в связи с политическим развитием этого государства. С 2015 г. похожему нажиму по вопросам о правовых и демократических стандартах подвергается Польша. В июле 2017 г. Еврокомиссия запустила официальный процесс проверки действий Варшавы на предмет их соответствия верховенству права.

Будучи достаточно своевольным игроком в ЕС, Вишеград проявил себя как один из источников евроскептицизма. Это стало очевидным ещё в ходе переговоров о заключении Лиссабонского договора, а затем его ратификации. Особенно активно вела себя Прага в связи с проблемой «декретов Бенеша».

В очередной раз открытое сопротивление намерениям Брюсселя вишеградцы оказали в отношении плана Еврокомиссии по «квотированию беженцев», распределение которых должно было стать обязательным. В сентябре 2015 г. премьер-министры «четвёрки» в совместном заявлении указали, что насаждение солидарности недопустимо, а позже Словакия подала в суд ЕС

в Люксембурге иск против Совета министров Евросоюза, оспаривая решение, которое всё же было принято.

За последнюю четверть века страны ЦВЕ и Вишеграда много получили от присоединения к проекту западноевропейской интеграции. После распада социалистического лагеря и смены общественного строя новоиспечённые политические элиты привели свои государства вначале в НАТО, а затем в ЕС. Но за это пришлось заплатить и определённую цену в виде встраивания в новые для них стратегические проекты — социальный, экономический, военно-политический. Одни свободы они обрели, другие потеряли. В политических, военных, экономических взаимоотношениях с Россией вишеградцы поставили себя в зависимость от общей конъюнктуры на Западе, где тон по-прежнему задают США и крупнейшие государства ЕС. В истории Европы политическое влияние Вашингтона ещё никогда не простиралось так далеко на восток. В разной степени эта конъюнктура поддерживает в Европе остаточное мышление времён холодной войны, замшелые страхи и фобии. Так, Прага, Будапешт и Братислава (чего не скажешь о Варшаве) в новых для себя реалиях оказались лишь сторонними наблюдателями того, как разжигался украинский кризис, а затем вводились санкции против России. Во многом вишеградцы оказались заложниками геополитических планов и решений, принимаемых не в их столицах (ситуация, возникшая в истории этих государств не в первый раз). Таким образом, делегирование части суверенитета, на этот раз Западу, а не Востоку, принесло как свои плоды, так и проблемы.

Идея «конца истории» уже давно превратилась в недоразумение. Ясно, что и современное положение дел,

расклад сил на международной арене продолжают меняться. Так же как постсоветский мир не похож на биполярный, мир середины XXI столетия будет сильно отличаться от нынешнего. Хотелось бы, чтобы в обозримом будущем Россия и страны ЦВЕ, включая Вишеград, наладили между собой партнёрские и взаимовыгодные отношения.

9. Уроки Первой мировой войны — ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Столетие начала Первой мировой войны — одно из самых драматичных и судьбоносных событий в истории XX в. — повсеместно вспоминали в Европе и по всему миру. В 2017 г. мы отмечаем столетие двух Русских революций, которые могли бы и не случиться, если бы не 1914 г. В исторических исследованиях за ним закрепилось название «короткого», отводя ему роль не календарного, а фактического начала столетия. Конечно, с этим можно спорить, указывая на то, что та великая война разразилась не в результате трагичного стечения обстоятельств или цепи случайностей, а долго вызревала в недрах мировой политики, была продиктована объективными причинами конкуренции великих держав. Но бесспорно то, что 1914 г. стал символической точкой отчета нового периода европейской истории, рождения мира, принципиально непохожего на предыдущий.

Масштаб события был настолько грандиозным, причины, его вызвавшие, настолько многослойными, что историки до сих пор спорят о его природе, генезисе, значении и последствиях. Как часто бывает со знакомыми датами, воспоминания о них, их переоценка ставят вопрос об уроках истории, их злободневности. Чему может научить Первая мировая война Европу сто лет спустя? Вопрос далеко не праздный. Круглые даты всегда подталкивают к тому, чтобы проводить параллели

между прошлым и настоящим. Однако в случае событий начала XX в. действительно напрашивается немало аналогий при размышлениях о нынешнем состоянии Старого Света.

Мыслям об этом способствуют и новые крупные исследования, которые были приурочены к скорбной дате. В английской литературе среди них хотелось бы выделить монографию профессора Кембриджского университета Кристофера Кларка «Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году»¹ и книгу профессора Оксфордского университета Маргарет Макмиллан «Война, прервавшая мир: дорога к 1914 году»². Содержащийся в них анализ положения дел в Европе в начале XX столетия демонстрирует, что, во-первых, Европа пала жертвой противостояния нескольких центров силы и отсутствия общеевропейской системы безопасности, и, во-вторых, что личностный, субъективный фактор в истории играет огромную роль.

Не напоминает ли современная Европа всё больше Европу года 1914? Чем, например, Украина — не Балканы сегодняшнего дня как потенциальный фитиль большой войны? Эскалация события на Украине произошла по историческим меркам мгновенно, приведя к новой гражданской войне в центре Европы — перспектива, которая после войн в Югославии казалась больше невозможной. Чем сами современные Балканы не её потенциальный детонатор, расположенный, например, в Боснии и Герцеговине? Чем «замороженные

¹ *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. New York: HarperCollins Publishes, 2013.

² *MacMillan M.* The war that ended peace: the road to 1914. New York: Random House, 2013.

конфликты» в Молдавии и Закавказье не воронка для возможного втягивания в противостояние целого ряда соседних стран и не только? Не избежала ли уже история, к счастью, срыва в широкомасштабное столкновение между великими державами, например, в результате броски российских десантников в аэропорт Приштины в июне 1999 г., или в августе 2008 г. в Грузии?

Если следовать логике «короткого века», XX столетие можно назвать вдвойне коротким, отмеряя его продолжительность лишь до 1991 г., как другой знаковой даты. Но так ли это? С рубежным значением 1914 г. трудно спорить, но и сложно согласиться с тем, что последствия распада Советского Союза и уход в прошлое биполярного мира укладываются в короткий временной промежуток рубежа 1980–1990-х гг. Скорее обратное — те события стали лишь началом трансформации на громадном евразийском пространстве — процесса, который принадлежит XX в. и который, на самом деле, может сделать действительно коротким уже новое столетие.

Представляется, что последнее (содержательно, а не календарно) начнётся по-настоящему только тогда, когда геополитические плиты, пришедшие в движение с исчезновением СССР, вновь обретут относительный покой. Пока же то, что происходит на постсоветском пространстве и в Юго-Восточной Европе, олицетворяет не новый период истории, а попытки Старого Света решить главную проблему второй половины прошлого столетия — объединения Европы на основе единой системы безопасности и союзнических отношений. И те политики и политические силы, которые до сих пор противятся этому и призывают призраков холодной

войны вновь обрести плоть, лишь отдаляют настоящее начало XXI в.

Конечно, никакие крупные процессы в истории не заканчиваются и не начинаются одномоментно, и новое всегда вызревает в глубинах старого. Вероятно, последние два с половиной десятилетия представляют собой одновременно «доживание» XX столетия и рождение новой эпохи. Пока эти два исторических ряда переплетены настолько тесно, что трудно отличить один от другого. До сих пор нерешённой проблемой, доставшейся от прошлого, является место России в Большой Европе³. Последняя сейчас фактически представляет собой «постверсальскую Европу» календарного начала XXI в. Только в отличие от первой трети его предшественника сейчас признание достойного места и роли на её пространствах требуется уже не Германии, а России.

С другой стороны, процессом новой природы является, безусловно, эволюционный, постепенный переход мира к полицентричной системе международных отношений. Напрашивается сравнение этой полицентричности с «концертами держав» XIX столетия. В этом можно увидеть как добрый знак, так и предостережение. Тогда баланс сил великих держав, особенно тот, что утвердился после Венского конгресса 1814–1815 гг., способствовал установлению в Европе длительного периода относительного спокойствия. Однако в начале XX столетия он себя изжил, открыв дорогу событиям 1914 г.

Можно ли назвать утверждающийся полицентризм начала XXI в. новым изданием давно ушедших в прошлое

³ См.: Доклад Института Европы 287. М.: Русский сувенир, 2013; Доклад Института Европы 292. М.: Русский сувенир, 2013.

концертов держав? И да, и нет. Многополярность и тогда, и сейчас роднит то, что не существует одного или двух гегемонов, которые могут диктовать свои условия всем остальным, сила и влияние в мире всё больше распыляются. Однако есть и принципиальные несовпадения. В отличие от XIX столетия международные отношения окончательно перестают быть европоцентричными, всё громче заявляют о себе внеевропейские центры силы и влияния. На второй план ушли и силовые методы решения тех или иных международных проблем. Большинство стран мира, включая европейские, ориентируются в достижении своих целей на использование «мягкой силы». Наконец, после 1945 г. была создана мощная и разветвлённая система международного права, опирающаяся на деятельность Организации Объединённых Наций, которая не повторила судьбу Лиги наций, а превратилась в стержень мировой политики, лучше и эффективнее которого с точки зрения мирового управления и регулирования человечество пока ничего не изобрело.

Период истории, начавшийся в 1914 г., можно во многом сравнивать со временем после 1991 г. Война, разразившаяся тогда, по мнению многих, включая Уинстона Черчилля, не была первой, и не закончилась в ноябре 1918 г. То был первый этап новой «тридцатилетней войны», конец которой положил лишь 1945 г. Центральной проблемой того исторического отрезка времени были судьбы Германии. Можно утверждать, что в истории Европы последних 25 лет стоял и продолжает стоять вопрос о судьбах России. Без его решения век XX не закончится, а XXI — не начнётся. Распад Советского Союза не привёл к таким катастрофическим

последствиям с точки зрения человеческих жертв, как начало Первой мировой войны. Хотя надо помнить, что на счету этого распада десятки тысяч погибших и миллионы пострадавших. Вопрос в том, будет ли Европа, в отличие от себя самой сто лет назад, решать проблему нового непризнанного Левиафана — теперь не Германии, а России — не путём скатывания к конфронтации и, возможно, к новой большой войне, а путём установления большого мира.

Начало двух столетий — опасное сходство

Пока же начало XX и XXI вв. больше напоминают друг друга, чем отличаются. В обоих случаях Старый Свет прошёл через эйфорию в отношении своего будущего. Сто лет назад Европа была в зените своего могущества, большая часть мира была поделена между европейскими империями, технологические новшества трансформировали жизнь человека, экономика повсеместно быстро развивалась, и XX в. должен был стать для Европы триумфальным и благополучным. Как ни парадоксально, пик воодушевления в Европе пришёлся на первые месяцы войны, которая была восторженно встречена публикой. Но разочарование наступило быстро. Симптоматичным стал выход в 1918 г. книги О. Шпенглера «Закат Европы» — реквием западной цивилизации. 1920-е гг., отмеченные хронической безработицей, сменились Великой депрессией. В 1930 г. публикуется «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета — реквием западной культуре.

Старт нового тысячелетия сопровождался эйфорией, связанной с надеждами на превращение Евросоюза

в лидера XXI столетия. Как триумф воспринималось мегарасширение 2004 г. за счёт стран Восточной Европы, Кипра и Мальты. ЕС находился в предвкушении принятия Евроконституции и новых волн расширения. Продолжался беспрецедентный по длительности период экономического роста. Казалось, что ЕС вот-вот обретёт настоящую политическую субъектность на фоне разногласий с внешней политикой США и складывания формата «большой тройки» — России, Франции и Германии. Для исследований о Евросоюзе были характерны названия «Европейская мечта: как европейское видение будущего затмевает американскую мечту»⁴ (Jeremy Rifkin, 2004), «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке»⁵ (Mark Leonard, 2006), «Европейская сверхдержава»⁶ (John McCormick, 2007). Однако, как и сто лет назад, дальнейшие события привели к тому, что эйфория сменилась пессимизмом, унынием, ощущением безысходности, исчерпанности, потерей ориентиров. В 2008 г. Европа оказалась ввергнута в тяжелейший экономический кризис за всю её послевоенную историю.

Начало столетий сближает и то, что Европа была тогда и остаётся сейчас разделённой, фрагментированной. Современный хрупкий баланс сил, как карточный домик, рушится то в Грузии, то в Боснии и Герцеговине, то на Украине. Тлеют конфликты в Приднестровье

⁴ *Rifkin J.* The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. Cambridge, UK: Polity, 2004.

⁵ *Leonard M.* Why Europe will run the 21st century. London; New York: Public Affairs, 2005.

⁶ *McCormick J.* The European Superpower. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

и Нагорном Карабахе⁷. Фасад относительной стабильности прикрывает рост социально-экономического неравенства, опросы общественного мнения регистрируют небывалый рост недовольства. По данным Евробарометра, уже в 2013 г. ЕС не доверяли большинство граждан его стран-членов (в среднем — 58 %, включая 59 % немцев, 62 % итальянцев, 63 % французов, 67 % британцев, 71 % испанцев)⁸. Как никогда на протяжении всей истории западноевропейской интеграции сильны евроскептические настроения, поднимает голову ксенофобия, национализм. Особенно распространены антироссийские настроения. Перед лицом не игрушечного, а реального сепаратизма стоят Испания, Бельгия, Британия.

Параллели напрашиваются и в том, что мировая политика вновь бросает вызов европоцентризму. Практически во всех регионах мира новые «поднимающиеся державы» держат курс на самостоятельную роль в международных отношениях. Тогда это были в первую очередь Япония и США, теперь — Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран и др. Первая мировая война, несмотря на триумф Франции и Британии, стала началом конца европейского экспансионизма. В ЕС же давно стал популярен термин «усталость от расширения».

Обеспокоенность вызывают и аналогии, связанные с готовностью ряда европейских стран к использованию силовых методов решения региональных проблем. В 1911 г. Италия начала военные действия против

⁷ Более подробно о «замороженных конфликтах» см.: *Кандель П. Е.* Региональные конфликты в Европе и их урегулирование. Гл. 9. Безопасность Европы / Под ред. В. В. Журкина. М.: Весь мир, 2011. С. 178–212.

⁸ Standard Eurobarometer 80. 2013. Autumn.

Османской империи в Ливии (тогда — Триполитания и Киренаика). За ними последовали две Балканские войны, которые стали уже непосредственной предтечей Первой мировой. Сто лет спустя, в 2011 г. Италия, Франция, Британия и ряд других стран предприняли военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии на стороне антиправительственных сил. С марта 2011 г. по похожему сценарию развивались события в Сирии.

Конечно, исторические эпохи, разделённые целым столетием, имеют неповторимые черты и разнятся по крайней мере не меньше, чем напоминают друг друга. В отличие от начала XX в. фундаментальная «новация» новейшего времени — фактор ядерного оружия, мощное сдерживающее средство в отношениях между великими державами. Судя по всему, и в новом столетии оно будет играть не меньшую роль. Уникальность нашего времени заключается и в интеграционных региональных проектах, в первую очередь в лице Европейского союза, природа которого исключила войну как средство решения разногласий между его участниками.

Но отличия двух эпох необязательно «работают» на стабильность. Так, в разрез с сегодняшним днём тогда на динамику внутриевропейских дел значительного влияния не оказывали внешние факторы. Теперь же геополитические и геоэкономические интересы США в Европе могут вести к усугублению конфликтов, а не к их разрешению, яркими примерами чего служат события в Закавказье в 2008 г. и на Украине в 2014 г.

Новая тенденция, вызывающая большое беспокойство, — увлечённость политических классов Запада поддержкой революционных процессов, а чаще — насильственной сменой политических режимов. Большую

часть XX в. Советский Союз был глашатаем революций как мотора исторического прогресса. Теперь же стороны словно поменялись местами, и ведущие западные столицы воодушевлённо приветствуют свержение того или иного правителя, причём вне зависимости от степени его легитимности. Так, 21 февраля 2014 г. официальные представители Парижа, Берлина и Варшавы участвуют в подписании соглашения между В. Ф. Януковичем и лидерами оппозиционных партий, тем самым признавая легитимность украинского президента, но уже через несколько дней приветствуют вооружённый переворот в Киеве. Такие подходы и методы ничему, кроме правового нигилизма, научить не могут.

При сравнении начальных периодов двух столетий расходится и положение дел в сфере демократизации европейского общества. Сто лет назад происходило «восстание масс», не имеющее аналогов по своему масштабу вхождение людей в политику, создавались массовые политические партии, профсоюзные движения, на авансцену общественной жизни впервые выходили миллионы избирателей. Теперь же в Европе один из основных рефренов политического дискурса — проблема политической апатии, демократического дефицита, потери доверия между политической надстройкой и низами, «схлопывание» массовых партий в кадровые. Широкие слои населения разочарованы политикой и уходят из неё. А многие из тех, кто остаётся, используют механизмы представительной демократии для выражения своего протеста, а не поддержки правительств, парламентов и президентов.

Поверхностны ли параллели между началом XX и XXI вв. или за ними стоят реальные и глубинные

процессы? В чём злободневность опыта Первой мировой и всей эпохи «тридцатилетней войны» для нашего времени? Совершенствовались ли мышление политиков за последние сто лет так же быстро, как технологии? События последних лет — кризисы и войны как в самой Европе, так и вокруг неё, не вызывают исторического оптимизма. Под угрозой разрушения одно из самых больших государств Старого Света — Украина. Отношения России и ЕС, России и НАТО переживают наихудшие времена после распада Советского Союза.

Однако думается, что слишком велики были жертвы, понесённые Европой в двух мировых войнах, слишком ценит она своё благосостояние, обретённое с таким трудом за последние 70 лет, слишком далеко зашли процессы европейской интеграции и слишком неприемлема для европейского обывателя и налогоплательщика война как статья расходов его средств, чтобы история в её наихудшем виде повторилась. Здравый смысл рано или поздно возьмёт верх, и в Старом Свете установится большой мир, каким бы далёким он сейчас ни казался.

10. Дестабилизация Европы и проблема доверия

Доверие — субстанция сложноуловимая, почти эфемерная. Доверие — часть духовной сферы, но в нём присутствует значительный элемент прагматизма, особенно в отношениях между государствами. Стремиться к доверию оправданно, даже когда отношения испорчены. Трезвый расчёт и здравый смысл толкают к его восстановлению. Доверие необязательно должно быть альтруизмом, оно обоюдовыгодно.

У России отношения с западными странами подорваны, но это касается именно западных партнёров. С подавляющей частью мира такой проблемы нет. Более того, из года в год отношения Москвы со многими столицами Азии, Африки, Латинской Америки, постсоветского пространства становятся всё более доверительными¹. Но и с государствами евроатлантического пространства и их союзниками ситуация не чёрно-белая. Запад в начале XXI в. разнородный, рыхлый. Европа сейчас далеко не та, что в годы холодной войны. Это уже не политический и военный протекторат США. Вспо-

¹ См., напр.: БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / Под. ред. В. М. Давыдова. М., 2014; *Титаренко М. Л., Трифонов В. И., Уянаев С. В.* Отношения РФ и КНР в контексте внешней политики нынешнего китайского руководства // Китайская Народная Республика. Политика. Экономика. Культура. К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С. 30–40.

мним 2003 г., когда Париж и Берлин выступили против интервенции в Ираке. Да, разочарование вызывает пакет санкций против России, введённых в марте—сентябре 2014 г., с тех пор постоянно продлевавшийся, но они не состоялись бы без массивного давления со стороны США и если бы ЕС не жил в условиях пересменки своего руководства, особенно Еврокомиссии в результате выборов в Европарламент.

Одна из причин, которая будет упрямо толкать стороны к нормализации отношений и затем, хочется надеяться, к постепенному восстановлению доверия — растущая нестабильность вокруг Европы и в ней самой. Нестабильность опоясывает западную часть Евразии с юга в Северной Африке, с юго-востока на Ближнем Востоке, а теперь и с востока на Украине. Везде в этих регионах ситуация с безопасностью в последние годы резко ухудшилась. Через 16 лет после начала «войны с террором» в 2001 г. террористическая активность на планете сильно выросла. Ливия разорвана между доморощенными исламистами и националистами. Б. Обама был четвёртым подряд американским президентом, который направил военные силы в Ирак, на сей раз для борьбы с новым Франкенштейном — «Исламским государством», воюющим американским же оружием. В августе 2014 г. по сектору Газа прокатилась очередная палестино-израильская война, самая кровавая из всех предыдущих. Серьёзная политическая дестабилизация наблюдается в Пакистане. Афганистан с трудом удержался от нового витка гражданской войны благодаря подписанию хрупких договорённостей о разделе полномочий между претендентами на власть — А. Гани и А. Абдуллой.

Парадоксальная ситуация сложилась вокруг Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС: столь театрально обставленная его ратификация (включая экономическую часть — соглашение об углублённой и всеобъемлющей зоне свободной торговли) сопровождалась заявлением Еврокомиссии, что в силу оно вступит лишь в начале 2016 г. Напрашивается вопрос, в чём тогда был неправ В. Ф. Янукович, не подписавший то же самое соглашение в ноябре 2013 г.?

Не менее грозные вызовы внутренней стабильности западной части Евразии. Так, в Италии безработица среди молодёжи (с 15 до 24 лет) в 2014 г. достигла рекордных 42,7% при общем показателе в 12,7%². В июне 2017 г. этот показатель улучшился лишь незначительно — 35,4%³. Экономика Италии в 2014 г. в третий раз с 2008 г. скатилась в рецессию. И это на фоне ожиданий, которые были связаны с приходом к власти М. Ренци, в котором с точки зрения внутренних реформ поначалу видели итальянско-го Тони Блэра. Италия, пожалуй, единственная страна из ЕС-15, в которой показатель реального дохода на душу населения стагнирует с 1999 г. Немного лучше положение дел в Великобритании, которая только к 2015 г. вышла по объёму ВВП на предкризисный уровень. Однако реальные доходы там по-прежнему отстают.

В том же 2014 г., который с точки зрения российско-украинских отношений можно назвать проклятым, не удалось избежать рецессии и таким членам еврозоны,

² http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment%20statistics#Youth_unemployment_trends (дата обращения 10.10.2017).

³ <https://tradingeconomics.com/italy/youth-unemployment-rate> (дата обращения 10.10.2017).

как Хорватия и Кипр. На грани падения находились ВВП Греции, Испании, Голландии, Финляндии. В красной зоне по безработице пребывали Франция, Латвия, Ирландия и Болгария, в которых работой не были обеспечены соответственно 10,3, 10,7, 11,2 и 12,5% трудоспособного населения. Ещё хуже положение дел было в Словакии, Словении и Португалии, где нетрудоустроенных оказалось 12,7, 12,8 и 13,9% чел. Но особенно драматичной, если не сказать катастрофической, оказалась ситуация на рынке труда на Кипре, в Хорватии, Испании и Греции (16,7, 19,2, 24,5, 27,2%).

Всё возрастающее беспокойство вызывали перспективы Франции, не только экономика которой, но и состояние дел в политике ухудшались. Рейтинги бывшего президента Ф. Олланда достигли исторических минимумов периода Пятой республики, рухнув до 13%. Всё громче раздавались голоса, особенно М. Ле Пен, о проведении досрочных выборов главы государства, не дожидаясь мая 2017 г. Правительство страны переживало один кризис за другим, например вызванный фрондой со стороны министра экономики и промышленности Арно Монтебура. Францию всё чаще называли «больным человеком Европы» по аналогии с Османской империей начала XX в. Надо сказать, что, несмотря на первоначальную эйфорию после победы на президентских выборах Э. Макрона, проблема рейтинга высшего должностного лица в государстве не исчезла. Так, в июле 2017 г. было зафиксировано его рекордное падение с 1995 г. (на 10% за первые три месяца нахождения у власти)⁴. Однако 54%

⁴ <https://russian.rt.com/world/article/411604-franciiia-makron-nizkii-reiting> (дата обращения 10.10.2017).

французов по-прежнему доверяли своему президенту, и ряд его решений и устремлений, включая приглашение в Версаль В. В. Путина и желание вернуть Францию в русло деголлевской внешнеполитической традиции, давали определённые надежды на восстановление роли этой страны в делах Старого Света.

Хотя официального признания ещё одного тревожного факта долгое время не следовало, но Евросоюз оказался заложником и другой пагубной проблемы — дефляции, угнетённого состояния цен. В сентябре 2014 г. показатель инфляции по еврозоне составил 0,3 % при том что целевой показатель ЕЦБ — 2 %. На практике это означает низкую покупательную активность потребителя, низкую инвестиционную активность предпринимателя, усугубление проблемы снижения задолженности разного уровня. Это другая, не менее опасная крайность по сравнению с той, когда рост цен выходит из-под контроля, и тем более если он сопровождается экономической стагнацией (стагфляция в Европе в 1970-х гг.). Наглядным примером вредности дефляции являлась Япония периода 1997—2007 гг., долго и мучительно искавшая выход из неё. С первого взгляда ничего страшного со страной не происходило, но на деле дефляция как ржавчина подтачивала конкурентные позиции страны в мире и реальные доходы населения. То же самое происходило и в Евросоюзе, особенно в Испании, Португалии, Греции, Болгарии и ряде других стран. Лишь в 2017 г., благодаря усилиям Европейского центрального банка, долговременные последствия которых далеко неоднозначны, угроза дефляции в ЕС стала ослабевать (в 2017 г. среднегодовая инфляция в ЕС ожидается на уровне 1,2 %).

Очевидно, что не решаются фундаментальные проблемы модели экономического развития западных стран, наиболее сильно затронутых мировым экономическим кризисом. Это модель «дешёвых денег» и «долговой экономики», свойственная и англосаксонской, и континентальной европейской и другим разновидностям западных экономик. Прекращены переговоры о зоне свободной торговли ЕС и Индии. В глубокой заморозке планы о заключении ЕС и США трансатлантического соглашения о торговле и инвестициях.

Отражая нарастающую тревогу в экспертных кругах Запада о том, что капитальный ремонт мировой рыночной архитектуры остановился, экономический обозреватель британской газеты «Гардиан» Ларри Эллиот саркастически предлагает такую эпитафию: «Покойся с миром, новый мировой порядок. Родился в Берлине в 1989 г. Почил с “Лемон Бразерс” в 2008 г. Предан земле на востоке Украины, август 2014 г.»⁵. Да и как здесь избежать пессимизма, если против России, входящей в десятку крупнейших экономик мира, в нарушение правил ВТО вводятся всё новые санкции. Очередным шагом в этом направлении в жанре сюрреализма стал законопроект, почти единогласно принятый в июле 2017 г. обеими палатами конгресса США и подписанный загнанным в угол Д. Трампом, о новых рестрикциях против России, Ирана и КНДР. Текст закона не оставляет сомнений в том, что США в отношении России открыто взяли курс на лоббирование своих экономических интересов с помощью геополитических преимуществ. В пер-

⁵ *Elliott L.* RIP the free market new world order // *The Guardian Weekly*. 2014. 05.09. P. 19.

вую очередь это касается записанной в законе цели противодействия строительству «Северного потока — 2».

Как никогда наглядно в повестку дня Европы вернулась проблема сепаратизма, пусть гражданского (в отличие от этнического) и не воинствующего. В сентябре 2014 г. в Лондоне испытали сильное облегчение после оглашения результатов референдума о независимости Шотландии — 55 против 45 % в пользу сохранения единства Соединённого Королевства. Но рано или поздно к этому вопросу страна вернётся, даже несмотря на потерю Шотландской национальной партией значительного количества депутатских мандатов в Холируде (региональном парламенте в Эдинбурге) на внеочередных всеобщих выборах в июне 2017 г. Поражение шотландских националистов на референдуме было далеко не разгромным, так как, согласно данным Лондоном ранее обещаниям, они получали ещё больше полномочий в качестве правящей в Шотландии партии. Этот статус они сохранили и после региональных выборов в 2015 г., и после всеобщих — в 2017 г.

Малопредсказуемо развитие ситуации в Испании, в которой каталонские сепаратисты, вопреки мнению конституционного суда страны, собираются провести очередной консультативный референдум о независимости осенью 2017 г. В Каталонии за свою государственность ратует, в отличие от Шотландии, подавляющее большинство людей. Немного шансов на сохранение в нынешнем виде Бельгии, в которой ведущая партия Фландрии — Новый фламандский альянс — выступает как минимум за трансформацию страны в конфедерацию. По этому же пути в лучшем случае пойдут упомянутые Великобритания и Испания.

Перед лицом грозных внешних и внутренних вызовов интересы общеевропейской безопасности требуют консолидации усилий всех стран континента, ведь существующие проблемы в большинстве своём не решаются, а лишь усугубляются: рост исламистского экстремизма, усиление праворадикальных настроений, обрушившаяся периферия Европы от Магриба и Сахеля до Большого Ближнего Востока, сложная социально-экономическая ситуация, накрывающая Европу волна нелегальной и легальной иммиграции, когда Средиземное море впору переименовывать в Скорбное море, учитывая многие тысячи утонувших в нём мигрантов. Как украинский кризис стал лишь наиболее ярким выражением дисфункции общеевропейской системы безопасности, так и миграционное цунами в 2015 г. в полной мере обнажило накапливающиеся проблемы окружающих Европу регионов. Хотя для многих они были очевидны и прежде⁶.

При всём том многие европейские политики проявляют завидную восприимчивость к антироссийской риторике и практике, к воссозданию пугала «угрозы с востока» для гальванизации НАТО, к ослаблению и себя, и России санкциями⁷. ЕС проявил очевидную мягкотелость и неэффективность в способности разрешить украинский кризис, не разыгрывая антироссийскую карту (что получилось с участием Н. Саркози в августе–сентябре 2008 г.).

⁶ Hampshire J. European migration // *The World Today*. 2014. August–September. P. 13–16.

⁷ См., напр.: Niblett R. A Chance to regroup for NATO // *The World Today*. 2014. August–September. P. 30–33; Interview: Anders Fogh Rasmussen. NATO “will not hesitate” // *Prospect*. 2014. June. P. 15–16.

Кардинальным образом улучшить ситуацию с безопасностью в Евроатлантике и Евразии не получится вне треугольника Россия—ЕС—США. Москве строить расчёты по выходу из спирали противостояния, основываясь на противоречиях между своими визави, бесперспективно, так же как Вашингтону и Брюсселю пытаться решать множество проблем без России. «Новая холодная война» недопустима не только и даже не столько из соображений высокого порядка, а исходя из элементарного инстинкта самосохранения.

Нормализовать отношения и восстановить доверие с европейскими странами там, где это возможно, важно не только исходя из этических и поведенческих категорий, но ради достижения собственных национальных интересов. Доверие намного выгоднее недоверия в международных отношениях, хотя бы потому, что это безопаснее, дешевле и эффективнее.

Часть III. КонтурЫ нового мирового (БЕС)порядка

11. Вперёд в прошлое?

Украинский кризис стал наиболее веским аргументом тех, кто в последние годы по тем или иным причинам, как за рубежом, так и в самой России, приветствует или по крайней мере готов смириться со втягиванием нашей страны в новый виток противостояния с частью западных государств. По большинству параметров «новая холодная война» маловероятна, хотя оплакивающих конец её реальной предшественницы немало. Та холодная война была детищем биполярного мира, а мир XXI в. формируется и во многом уже сложился как полицентричный. И всё же в нём не исключено появление противостоящих друг другу военно-политических блоков с притянутыми к этому идеологическими разногласиями, искусственными или реальными.

Такой негативный сценарий зависит и от ответа на следующую вопрос: можно ли повернуть вспять существующую модель глобализации? Думается, что при определённых условиях — да. Это потребовало бы масштабных изменений не только в сложившейся структуре глобальной рыночной экономики, но и её фактического демонтажа. Сейчас она существует как более-менее единый организм, где все зависят от всех, даже Северная Корея. Его расчленение невозможно без настойчивых усилий сразу многих влиятельных игроков. Достаточно очевидно, что риски, связанные с такой политикой, перевешивают для

большинства ведущих европейских и иных держав вообразимые геополитические и экономические выгоды. Но и отмахиваться, пренебрегать таким сценарием нельзя, чтобы он не превратился в самосбывающееся пророчество. Имеется ряд моментов, указывающих на то, что его осуществление в какой-то мере уже началось.

Высокие риски неприемлемы для продвижения тех или иных государственных и национальных интересов в спокойные времена. Когда же в региональном и тем более глобальном масштабе баланс сил начинает существенно меняться, порог восприятия опасности рисков у ведущих центров силы повышается. Европейская история последних веков показала, что, к сожалению, масштабный передел сфер влияния и «места под солнцем» всегда сопровождался всплеском насилия, вызванным как претензиями восходящих центров силы, так и сопротивлением тех, кому брошен вызов. В этой ситуации удавалось добиться только вынужденного компромисса по итогам таких периодов.

Наглядным примером служит Вестфальский мир 1648 г. после Тридцатилетней войны, опустошившей Европу; складывание «концерта держав» по результатам Венского конгресса 1814–1815 гг. после эпохи разрушительных Наполеоновских войн; Ялтинско-Потсдамская система международных отношений как результат двух мировых войн — апофеоз тёмной стороны европейской цивилизации. Новым периодом передела мира стало время после распада постсоветского пространства, растянувшееся уже на четверть века. Для него вновь характерен всплеск насилия как на самом европейском континенте (Югославия, Грузия, Украина), так и за его пределами (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, в целом — дуга

нестабильности, охватывающая Магриб, Сахель и Большой Ближний Восток), практически по всей южной и юго-восточной периферии Европы. Рано или поздно черту под ним подведёт общее признание факта долговременного установления в международных отношениях полицентричности. Пока же иллюзии о возможности подстроить историю под себя, поставить её на паузу в фазе однополярности, точнее — промежуточного состояния мира между биполярностью и полицентричностью, сохраняются, как и иллюзии об исключительности, избранности тех или иных народов. И чем труднее под напором времени эти иллюзии будет поддерживать, тем ожесточённее будет становиться сопротивление.

Быстро формирующаяся модель международных отношений, как и предыдущие, является выражением закона «взлёта и падения великих держав», и в то же время обладает своей уникальностью. Последняя заключается в том, что впервые в условиях глобального мира на долгое время закрепятся новые правила игры не только на пространствах Старого Света, и даже не только на просторах всей Европейской цивилизации от Атлантики до Тихого океана, но с учётом интересов и ценностей большинства ведущих региональных держав. В каждом из регионов мира в недавнем или в далёком прошлом существовали свои гегемоны в виде древних цивилизаций или империй. Но никогда ещё принцип «концерта держав» не использовался для регулирования отношений между ними; мир был слишком фрагментирован, разобщён и не обладал необходимой степенью взаимозависимости. Но теперь, в XXI в., шансы установления баланса сил в глобальном, а не только в масштабе того или иного региона, реальны.

На их пути — упомянутое выше сопротивление, в рамках которого не исключена и попытка деглобализации, другими словами — искусственная маргинализация тех или иных претендентов на самостоятельную региональную, тем более глобальную роль. Причём удивительным образом внешнюю политику России на Западе сейчас часто оценивают как «восстание против глобализации», хотя на практике шаги по деглобализации осуществляют именно западные государства ради сохранения своих лидирующих позиций. Гораздо логичнее утверждать, что «восстание против глобализации» осуществляют те, кто сопротивляется появлению полицентричного мира, который, как ничто другое, является продуктом и проявлением глобализации.

Не устаёшь удивляться прозорливости победителей во Второй мировой войне, ведь зародыш первой в истории глобальной полицентричности содержался в «утробе» послевоенного мирового порядка в виде Организации Объединённых Наций и её Совета Безопасности, в который, помимо собственно европейских держав, вошли две неевропейские — США и Китай, представлявшие другие регионы планеты. Этот факт указывает на то, что модель международных отношений XXI в. строится не на руинах послевоенного мироустройства, а с использованием ряда его принципиальных атрибутов. Само же это мироустройство вобрало в себя ряд принципов предшествующей ей Вестфальской модели международных отношений, в первую очередь государственный суверенитет и баланс сил¹.

¹ См.: Kissinger H. *The World Order*. London: Allen Lane, Penguin Group, 2014.

С тех пор и по настоящее время государство остаётся ключевым субъектом международных отношений, основным строительным элементом их архитектуры. На мировом пространстве оно претерпевает существенную трансформацию лишь в рамках одного регионального интеграционного объединения — Евросоюза, члены которого добровольно передают значительную часть своего суверенитета наднациональным структурам, в результате чего образовывается своего рода «дистанционная» категория суверенитета. Однако важно отметить, что переданная «наверх» часть суверенитета никуда не исчезает. Идея состоит в том, чтобы, разделив суверенитет на национальный и наднациональный, по-прежнему пользоваться обоими его категориям для защиты всё тех же государств-членов. Более того, с точки зрения сторонников установления федеративного устройства Евросоюза, ЕС в конце концов должен превратиться в нечто очень близкое национальному государству, которое будет обладать по сути той же суверенностью, которой когда-то обладали вступающие в ЕС страны.

Геополитические ловушки «новой холодной войны»

Кому-то может показаться, что идея «новой холодной войны» — это и есть ответ на сопротивление полицентричности. На самом деле это геополитическая ловушка, попав в которую, Россию лишь подыграет тем, кто стремится с помощью деглобализации добиться маргинализации своих оппонентов и продлить время своего лидерства. Это своего рода аппарат искусственного дыхания для отживших свой век концепций мирового

развития. Вместо того чтобы попасться на наживку «новой холодной войны» России необходимо продолжать многовекторную внешнюю политику, использовать для разъяснения и продвижения своих взглядов все имеющиеся международные форматы, работать не только с союзниками, но и с трудными партнёрами, включая европейские государства, с их общественным мнением и политическими организациями. В результате можно не только избежать даже частичной изоляции, но и ослабить влияние тех стран и политических сил, которые навязывают России «новую холодную войну».

Тем не менее нельзя не отметить, что в условиях описанного выше сопротивления полицентричности по ряду направлений происходит затвердевание региональной и глобальной конкуренции с участием России. Задача состоит в том, чтобы не допустить её перехода к структурированному и длительному по историческим меркам противостоянию, к складыванию на международной арене антироссийских группировок.

Во-первых, институционализация конкуренции происходит по линии военно-политических альянсов. В Европе наследие холодной войны продолжает во многом определять логику деятельности НАТО. Эта организация давно пересмотрела границы своей ответственности, фактически распространив её потенциально на весь мир, и кроме того она намерена продолжить расширение. В то же время ясно, что ни Россия, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия, ни многие другие страны, важные для мирового развития и стабильности, его членами вряд ли когда-нибудь станут, а значит, будут укрепляться и альтернативные НАТО конфигурации. В этой ситуации важно, чтобы Россия не втянулась в новую гонку

вооружений, рационально используя как паритетные, так и особенно асимметричные ответы на угрозы своей безопасности.

Во-вторых, затвердевание конкуренции прослеживается по линии экономической и торгово-финансовой. США длительное время лоббировали создание двух трансконтинентальных зон свободной торговли — трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство с Евросоюзом (ТТИП) и транстихоокеанское партнёрство (ТТП) в АТР. Из первого проекта была исключена Россия, из второго — Китай. Если бы они оказались реализованы, оставшиеся за их бортом крупные государства получили бы дополнительную мощную мотивацию к созданию или укреплению торгово-экономических образований с их участием. Но и отказ США после избрания Д. Трампа от ратификации ТТП и замораживание переговоров о заключении ТТИП не делают менее злободневными интеграционные проекты Москвы и Пекина. Речь идёт о Евразийском экономическом союзе, зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН, о дорожной карте по созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, принятой в ноябре 2014 г. на саммите АТЭС в Пекине. На какие бы высокие позиции те или иные державы ни рассчитывали бы в XXI в., достичь или удержать их без участия в крупных интеграционных образованиях в качестве ведущих членов практически невозможно. Весь вопрос в том, выстраиваются ли интеграционные проекты с использованием внерыночных недобросовестных рычагов и методов борьбы с соперниками или же все придерживаются принципов честной конкуренции.

По пути закрепления конфронтационной модели конкуренции может пойти и банковско-финансовая архитектура мира, в том числе в виде институтов, альтернативных Мировому банку и МВФ, например в рамках БРИКС — Банк развития и пул валютных резервов, созданных на июньском саммите 2014 г. в бразильском Форталезе, а также в виде фрагментации системы межбанковских расчётов. В нынешней ситуации другого пути и не может быть, так как реформирование послевоенных международных финансовых институтов блокируется западными игроками. В России серьёзно озаботились гипотетической ситуацией отключения страны от SWIFT и от услуг таких платёжных карт, как Visa и Mastercard, и принялись за создание своей собственной платёжной системы «Мир», которая заработала в 2016 г. Другой показательный факт: с 2014 г. прямые инвестиции в Россию из других европейских стран испытали резкое падение, тогда как из Азии объём прямых инвестиций в Россию вырос во много раз.

В-третьих, оформление структурной конкуренции может происходить по линии внешнеполитического противостояния, включая выхолащивание системы международного права, продвижения концепции смены режимов и отказ от принципа презумпции невиновности в международных делах. Ряд стран грубо нарушили международное право в 1998 г., развязав войну против Югославии, затем в 2003 г. во время вторжения в Ирак, затем в 2011 г., вмешавшись во внутривнутриполитические конфликты в Ливии и Сирии с катастрофическими для этих стран последствиями. С другой стороны, часть членов международного сообщества критиковали Россию за «непропорциональное применение силы» в августе

2008 г. в Закавказье и за нарушение принципа территориальной целостности Украины в 2014 г. На фоне этих разногласий и различных трактовок тех или иных разделов международного права Совет Безопасности ООН всё больше превращался в поле противостояния, нежели играл роль платформы для поиска компромиссов. России необходимо продолжать последовательно отстаивать верховенство международного права и центральную роль ООН в обеспечении мира и безопасности в отношениях между государствами, терпеливо разъяснять свою позицию и действия по тем или иным спорным вопросам.

Концепция смены режимов наносит не меньший вред международным отношениям. Очевидно, что без внешнего воздействия развитие ситуаций в Югославии, Ираке, Грузии, Ливии, Сирии, а теперь и на Украине пошло бы по более благоприятному пути. Убийство Саддама Хусейна и Муамара Каддафи, которые западные столицы восприняли с явным удовлетворением (чего только стоит зафиксированная на плёнку радость Хилари Клинтон от новости об убийстве Каддафи), не только не помогло соответствующим странам улучшить жизнь своего населения, но отбросило их в развитии на десятилетия назад. Новые факты систематических акций США по смене режимов были обнародованы в 2014 г. благодаря истечению срока секретности ряда официальных документов². Окончательное подтверждение получили предположения о ведущей роли американских спецслужб в свержении М. Моссадыка в Иране в 1953 г., П. Лумумбы в Конго в 1961 г., С. Альенде в Чили в 1973 г.

² См. Foreign Affairs. 2014. July–August; September–October.

и т. д. Когда-нибудь мы узнаем из ныне засекреченных документов и правду о внешнем факторе в свержении В. Ф. Януковича.

Впрочем, правда может всплыть и гораздо скорее благодаря менее скрупулёзному отношению к государственной тайне современных политиков. Как это случилось, например, в декабре 2011 г., когда Дж. Пауэлл, бывший глава администрации Тони Блэра, признал в публичном интервью для документального фильма «Путин, Россия и Запад» факт провала спецоперации МИ-6 в Москве в 2006 г. (история с так называемым «шпионским камнем»)³. Ещё быстрее нашёл официальное подтверждение факт активного внешнего вмешательства во внутренние дела Сирии. Вице-президент США Дж. Байдена в выступлении перед студентами Гарвардского университета неожиданно признал, что Турция, Саудовская Аравия и Объединённые арабские эмираты предоставляли суннитским боевикам «сотни миллионов долларов и тысячи тонн вооружений» для свержения режима Башара Асада⁴. США, судя по всему, смотрели на это сквозь пальцы.

За рубежом в отношении России не раз открыто высказывалась идея смены режима. С трибуны ООН 24 сентября 2014 г. президент США назвал Россию главной угрозой миру наравне с Исламским государством и вирусом Эболы. Конечно, это был не экспромт, а демонстрация набиравшей в предыдущие годы обороты конфронтации со стороны всё большего числа

³ <http://www.theguardian.com/world/2012/jan/19/fake-rock-plot-spy-russians> (дата обращения 10.10.2017).

⁴ www.cnn.com/2014/10/05/politics/isis-biden-erdogan-apology (дата обращения 10.10.2017).

представителей американского истеблишмента, как республиканцев, так и демократов. Незадолго до того, в июле 2014 г., министр обороны Чак Хейгел на личной встрече с Б. Обамой убеждал его в том, что Москва, а не Ближний Восток, представляет собой главную и долговременную угрозу международной безопасности, а в письме бывшему президенту в сентябре того же года он призвал ужесточить политику в отношении Кремля⁵. После проигрыша большей части американского политического класса на президентских выборах в ноябре 2016 г. идея смены «политического режима» в России стала общим местом в рассуждениях как демократов, так и многих республиканцев.

Вызывает мало сомнений, что антироссийские санкции в глазах Вашингтона изначально были частью общей стратегии, направленной не столько против по сути «реактивных» действий Москвы в ходе украинского кризиса, сколько против её внешней и внутренней политики как таковой, нацеленной на полицентризм. Причём отношение к санкциям большинства европейских стран, присоединившихся к ним, сильно отличалось от американского. Для них санкции были вынужденной мерой, принятой в основном под давлением США, и, кроме того, мерой нежелательной. Тем театральнее выглядели заявления ряда европейских политиков включая немецких и чиновников ЕС, что после избрания Д. Трампа именно «Европа» должна проявить твёрдость в отношении сохранения санкций против России.

⁵ *Entous A., Barnes J. E., Lee C. E. Hagel's Resignation Capped Tense Tenure // The Wall Street Journal. 2014. 27 November. P. 2.*

Давление на Москву и не только стало оказываться и с помощью снижения мировых цен на нефть. И дело здесь не в теории заговора. В целом снижение цен было закономерным в связи с ситуацией в глобальной экономике, но глубину их падения нельзя объяснить только объективными обстоятельствами. Известный экономический комментатор газеты “Guardian” Л. Эллиот утверждал, что Вашингтон и Эр-Рияд, каждый преследуя свои цели, договорились в сентябре 2014 г. об искусственном занижении саудовцами цен на нефть⁶. Со стороны США основной мотивацией стало стремление нанести максимальный ущерб экономике России в духе холодной войны, т. е. дестабилизировать внутреннюю социально-политическую ситуацию с целью смены режима.

На закрытых международных экспертных встречах этот тезис западные аналитики проговаривали вполне открыто. «Остаётся надеяться, — говорится в докладе одного из ведущих мозговых центров США в отношении антироссийской политики сдерживания, — что перемены в Москве приведут к власти режим, более склонный следовать нормам европейской безопасности». В то же время не исключается, что результатом смены режима в России под давлением Запада может стать радикализация русского национализма и даже распад самого государства. «В обоих случаях, — следует, тем не менее, вывод, — Соединённые Штаты и Европа выиграют, если текущая политика [давления на Москву] усилит, нежели ослабит безопасность и сдерживание в Европе»⁷.

⁶ *Elliott L.* Oil at the Heart of New Cold War // The Guardian Weekly. 2014. 14–20 November. P. 1.

⁷ A Cold Peace? West-Russia Relations in Light of the Ukrainian Crisis // Transatlantic Security Symposium. 20 October 2014. Rome, 2014.

Во многих западных исследовательских структурах нынешнюю политику санкций не только рассматривают как инструмент устранения политического руководства России, но считают эту политику оправданной даже в случае такого её побочного эффекта, как прекращение существования России как таковой.

Надо отметить, что к настоящему времени в странах, введших против России санкции, утвердилось понимание того, что на быстрый эффект от них рассчитывать не приходится. В лагере сторонников «новой холодной войны» с Россией образовалось своего рода умеренное крыло, члены которого делают ставку не на военное противостояние с Москвой, а на изнуряющее сопротивление, цель которого — постепенное экономическое и финансовое «удушение медведя». Ряд видных западноевропейских экспертов считают, что на этом пути допустимо вовсе отказаться от санкций, лишив Москву повода для внутривнутриполитической консолидации, и играть «в долгую», дав возможность России ввязаться в борьбу на поле открытой экономической конкуренции. Последнюю она, согласно задумке, проиграет, как когда-то Советский Союз. Следуя той же логике, на этом пути предлагается не противостоять, а напротив, поддержать замысел Евразийского экономического союза и использовать его многостороннюю природу с наднациональными элементами для сдерживания «экспансионистских» устремлений Москвы, обернув ЕАЭС в конечном счёте против своего создателя.

От концепции «смены режима» перейдём к ещё одной теме. Казалось бы, презумпция невиновности — краеугольный камень любой судебной системы. Но в действиях многих государств на мировой арене её

полностью игнорируют. Вторжение в Ирак произошло в отсутствие доказательств связей Багдада с аль-Каидой и производства оружия массового уничтожения. На Москву Запад обрушил град критики за ввод российских войск в Южную Осетию в августе 2008 г., и потребовался целый год, чтобы в докладе международной комиссии во главе с Х. Тальявини был изобличён истинный виновник военного конфликта — режим Саакашвили. Масса прямых и косвенных фактов, да и просто здравый смысл подсказывают, что ни Россия, ни повстанцы на востоке Украины не имели отношения к крушению малазийского Боинга 17 июля 2014 г. хотя бы потому, что это им было в высшей степени невыгодно. Однако уже через несколько часов после трагедии Киев в унисон с Вашингтоном и рядом других западных столиц именно на них возложил вину в совершении этого преступления.

Показательной в этом смысле стала частная беседа в Москве с высокопоставленным западным дипломатом, в которой мы обсуждали возможные причины трагедии с самолётом. До этого в публичной части мероприятия он шаблонно выдвинул версию вины «сепаратистов, вооружённых Россией». В последующей беседе достаточно очевидная аргументация против «донецкого следа» привела к тому, что в конце концов мой собеседник не нашёл ничего иного, как предположить, что Боинг с помощью «Бука» был сбит с территории Украины диверсионной группой российских военных, которые (внимание!) целились на самом деле в другой самолёт — российский, чтобы, взвалив вину в массовой гибели российских граждан на Киев, Москва получила бы предлог для военного вторжения на Украину.

Крайнюю обеспокоенность вызывает и неразборчивость многих стран в средствах достижения своих внешнеполитических целей. Показательными являются скандалы, связанные с документами, обнародованными Викиликс, о глобальной прослушке и оппонентов, и союзников, включая промышленный шпионаж, систематическое использование американскими спецслужбами пыток при допросе подозреваемых в террористической деятельности и потворство им в этом ряда стран-союзников.

Откровением стало декабрьское интервью известной американской журналистки Л. Пойтрас, которой, помимо Г. Гринвальда, Э. Сноуден доверил секретные материалы о программе «Призм» Агентства национальной безопасности США и о программе «Темпора» британского Центра правительственной связи (радиоэлектронная разведка)⁸. Начиная с 2006 г., когда Пойтрас провела кинодокументальное расследование жизни иракцев под американской оккупацией, её под разными предлогами допрашивали порядка 40 раз в американских аэропортах. С 2012 г., устав от преследования спецслужб США, она проживает в Германии. Но страной, которую Пойтрас хотела бы посетить в последнюю очередь, является Великобритания, где, по её словам, журналист никак не защищен законом от политически мотивированного преследования.

Все описанные выше факторы указывают на то, что при определённом развитии ситуации сценарий «новой холодной войны» не исключён, тем более если Россия этому подыгрывала бы. Предотвратить его осуществление не составляет большого труда, и нет никаких

⁸ FT Weekend Magazine. Special issue: Women of 2014. 2014. 13–14 December. P. 20–22.

убедительных резонов, чтобы идти на поводу его адептов. Полицентричность мира исключает изоляцию России усилиями западных государств, а следовательно, и успех санкционной политики. О какой изоляции России может идти речь, если в последние годы уже не раз за резолюцию генеральной ассамблеи ООН о борьбе с героизацией нацизма, проект которой изначально, в 2014 г., был внесён Россией и ещё 40 государствами, голосуют почти все члены всемирной организации? В изоляции оказываются голосующие против неё, а это США, Канада и Украина. С помощью пугала российской угрозы невозможно было даже при Б. Обаме добиться былой сплочённости западных стран вокруг Вашингтона. Не оправдались оптимистические ожидания, что уже в 2015 г. ЕС, не оглядываясь на США, начнёт демонтаж политики антироссийских санкций. Однако показательно, что оправданность этой политики ставится под вопрос всё большим числом государств и политических сил. Особенно это заметно на уровне муниципальных и региональных властей — пример Италии здесь показателен, в том числе и на уровне бизнес-структур.

За свою сложную тысячелетнюю историю Россия привыкла к напряжённости, исходящей извне. В XX в. русское государство дважды терпело крушение — в 1917 и 1991 гг. Тем важнее для него роль этих уроков в XXI столетии, главный из которых — не дать втянуть себя в структурное противостояние, тем более в «новую холодную войну», не говоря уже о горячей. Внутренний залог успешного развития России — столь необходимая модернизация её индустрии и инфраструктуры, внешний — полицентричный мир, непригодный для политики исключительности и избранности.

12. «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» ИЛИ НОВОЕ «БОЛЬШОЕ СОГЛАШЕНИЕ»?

Ряд политических убийств на Украине, в том числе «Одесская бойня» в марте 2014 г. в Доме профсоюзов или показательная по своему цинизму и безнаказанности расправа в октябре 2015 г. в Киеве над писателем Олесем Бузиной, «странная» череда смертей бывших функционеров и членов Партии регионов, прокатившаяся в своё время по Украине, экономическая блокада украинскими радикалами Донбасса, которой поначалу, в декабре 2016 г., П. Порошенко сопротивлялся, а затем, в марте 2017 г., он же возглавил, постоянное нагнетание антироссийской истерии в Киеве со стороны «партии войны», к которой принадлежит большинство нынешнего политического класса страны, заставляют вновь и вновь задуматься над судьбой «Минска-2». Фактический отказ Киева от выполнения политического блока соглашений от 12 февраля 2015 г., заключённых в рамках «нормандского формата», заявление верховной рады об «отпоре вооружённой агрессии России», её обращение к Совету национальной безопасности и обороны с предложением ввести санкции против руководства России, постоянные нарушения режима прекращения огня на юго-востоке Украины, особенно «добровольческими батальонами», новая антироссийская Стратегия национальной безопасности Украины — детище

А. Турчинова, главы СНБО¹, прибытие начиная с апреля 2015 г. в западные области Украины иностранных военных инструкторов и многое другое все последние годы подтачивало хрупкую, но безальтернативную конструкцию миротворческого процесса.

Обращает на себя внимание, что украинский кризис уже не столь заметен на передовых полосах мировых СМИ по сравнению с 2014–2015 гг., он ушёл на задний план европейских и американских информационных лент. Можно было бы подумать, что гражданская война на Украине остановлена и конфликт локализован. Это обманчивое впечатление. Вооружённое противостояние может в любой момент вспыхнуть с новой силой, тем более что перестрелки и гибель людей по «линии соприкосновения» происходят ежедневно. Значительная часть новоявленного украинского политического класса заинтересована в продолжении этой вялотекущей гражданской войны. Они её развязали, многие из них в ней лично участвовали, и она — источник их легитимности. Они смыкаются со своими единомышленниками в ряде западных стран. В одной из научных дискуссий с участием Института Европы РАН депутат Европейского парламента Гельмут Шольц от немецкой партии «Ди Линке» поведал: «Некоторые мои коллеги в Европарламенте хотели бы уже сидеть в окопах под Москвой». Любопытное наблюдение.

Общим местом в западных рассуждениях о «Минске-2» стал тезис, что «санкции с Москвы будут сняты,

¹ Данилов Д. А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Аналитическая записка ИЕ РАН. 2015. № 12.

только когда соглашение будет полностью выполнено». Его абсурдность заключается в том, что помимо России сторонами договоренностей являются все другие члены Трёхсторонней контактной группы, т.е. ОБСЕ, Киев, Донецк и Луганск, а по существу главные действующие лица — последние три подписанта. Получается, что Россию делают заложником дальнейших действий всех из них. Для «ястребиной» части новоиспечённого украинского истеблишмента такой подход — полная индальгенция, освобождение от всякой ответственности за выполнение минских соглашений.

В общественный и политический дискурс внедряют различные идеи, быстро превращающиеся в стереотипы, некие представления, которые начинают считать чем-то самой собой разумеющимся. Это не только «новая холодная война», но и «новая нормальность». Последнее, как и установка на то, что в отношениях России и введших против неё санкции стран, возврата к «бизнесу как обычно» не будет, подразумевает, что текущий уровень конфронтации — не aberrация, а новая норма жизни. А если норма, то её надо воспринимать как данность и не стремиться изменить. Появился и термин «гибридный мир» как синоним «Минска-2», которым перефразируют понятие гибридной войны, якобы изобретённой Россией для «захвата» Крыма и дестабилизации юго-востока Украины. Его смысловая подкладка ущербна, так как такой мир предстаёт неполным, однобоким, неполнокровным, и, значит, его ценность не так и высока.

Тем не менее усиливается впечатление, что в Евросоюзе наступает усталость от украинского кризиса и от конфронтации с Россией. Отношение к киевской

власти становится всё более прагматичным и трезвым. Это чувствуется в Германии, Франции (особенно после избрания Э. Макрона), лидеры которых вложили большой политический капитал в миротворчество. Многочисленные визиты в Москву и Сочи представителей политического руководства Италии показали, что Рим также не хочет отставать в этом диалоге. Очевидно, что несогласны с тезисом о «новой нормальности» и посетившие в разное время Россию с официальными визитами президент Кипра Никос Анастасиадис, премьер-министр Греции Алексис Ципрас, премьер-министр Венгрии В. Орбан, президент Финляндии С. Ниинисте и др. Идя навстречу Москве, служба внешних действий ЕС во главе с Федерикой Могерини провела несколько раундов переговоров с российским и украинскими экспертами об адаптации экономической части соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Напомним, что начало её внедрения в жизнь было отложено до конца 2015 г. Хотя эти консультации тогда не привели к видимым результатам, Ж.-К. Юнкер, председатель Европейской комиссии, и до и после не раз давал понять, что настроен на поиск компромиссов.

«Дуга нестабильности» и страхи Европы

Росту скепсиса в Евросоюзе по поводу санкционной политики в отношении России способствовали собственные внутренние и разнообразные внешние проблемы. Многим понятно, что при уязвимости политики ЕС по спасению 7-миллионной Греции, страны — члена этой организации, от дефолта с помощью финансовой

помощи в размере 240 млрд евро произвести аналогичную процедуру с 45-миллионной Украиной невозможно. События «арабской весны» и украинский кризис привели к тому, что Еврокомиссия была вынуждена осуществить инвентаризацию и пересмотр «политики соседства», включая Восточное партнёрство². Причина была очевидна — в целом эта политика потерпела крах, как в Средиземном регионе, так и на востоке от ЕС. Признавались необходимость индивидуального подхода к взаимоотношениям с соседями, создание механизмов по вовлечению в структурированное сотрудничество «соседей соседей», в прошлом остался принцип «ЕС — в центре, вокруг — его соседи», приоритетом становилось обеспечение стабильности европейского региона. Эти новации позже получили развитие в Глобальной стратегии ЕС, обнародованной в июне 2016 г. В ней к странам регионов соседства применён противоречивый принцип стрессоустойчивости, обеспокоенность в отношении которого в определённой мере сбалансирована принципом обоюдной выгоды сотрудничества различных интеграционных проектов³.

Риски стабильности и безопасности Европы продолжали расти и по другим направлениям. Ситуация вдоль европейской периферии в последние годы лишь накалялась. В Ливии продолжался хаос. Разрушение государственных структур в этой стране привело к тому, о чём предупреждал Европу М. Каддафи, — исчез достаточно

² Joint communication to the European Parliament, the Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels. 2015. 18.11. JOIN(2015) 50 final.

³ См. доклад ИЕ РАН по данной теме: <http://en.instituteofeurope.ru/images/news/30/IERASReportJanuary2017.pdf> (10.10.2017).

эффективный барьер на пути теперь уже никем не контролируемых волн миграции в ЕС. Число гибнувших в водах Средиземного моря африканцев, стремящихся в Европу, оставалось пугающе высоким. Так, в апреле 2015 г. только одна трагедия с затонувшем судном, переполненным людьми, унесла жизни порядка 800 человек. При этом проникать в Евросоюз всё равно удаётся огромному числу мигрантов. После перекрытия балканских маршрутов в результате договорённостей ЕС и Турции вновь резко возросла в 2016–2017 гг. нагрузка на Италию.

«Исламское государство» в Сирии и Ираке вплоть до 2017 г. успешно удерживало большую часть захваченных ранее территорий, и это несмотря на многомесячные усилия созданной (в обход ООН) для борьбы с ними коалиции во главе с США. На Ближнем Востоке сложилась ситуация, когда все воевали со всеми, в том числе исламистские экстремисты между собой. В этих условиях Москва не только начала в сентябре 2015 г. военную операцию против террористов в Сирии, но и активизировала свои миротворческие усилия. В Москве состоялись несколько встреч между официальным Дамаском и рядом оппозиционных сил (так называемая «московская платформа»). Позже при участии Турции и Ирана был запущен переговорный процесс в Астане, в рамках которого к середине 2017 г. прошло пять раундов переговоров. Новая гражданская, а затем и региональная война вспыхнула в 2014 г. на Аравийском полуострове — в Йемене. Появилась и новая международная коалиция (вновь в обход ООН) суннитских государств, на этот раз во главе с Саудовской Аравией, для борьбы с хуситами-шиитами.

Для Европы все эти события имели огромное значение не только из-за рекордного наплыва беженцев

и трудовых мигрантов. Многие тысячи экстремистов с европейскими паспортами воевали в этих конфликтах, после чего возвращались домой. Единственным для европейцев светлом пятном в этом регионе было заключение в июле 2015 г. долгожданного соглашения по иранской ядерной программе. Однако и оно было поставлено под сомнение после прихода к власти в США Д. Трампа, который, как и его окружение, отличается сильными антииранскими настроениями. Но и соглашение с Ираном, и создание зон деэскалации в Сирии, на этот раз при поддержке Вашингтона, и вся история израильско-палестинского конфликта, и усилия Москвы по урегулированию ситуации в Ливии и на Корейском полуострове свидетельствуют, что без её участия западноевропейцы и американцы устойчивых результатов не добьются.

На фоне «большой дестабилизации», т. е. роста системных рисков как в самой Европе, так и в прилегающих к ней регионах, вновь встаёт вопрос о европейской системе безопасности. В 2015 г. отмечалось 40-летие подписания Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки. Почему тогда, в условиях холодной войны, появилась возможность достичь «разрядки», и почему этому проекту сопутствовал успех? Сравнение положения дел в 1975 г. и в наши дни достаточно поучительно.

В первой половине 1970-х гг. сам контекст международных отношений подталкивал к поиску «большого соглашения». Конечно, эта стратегическая идея советской дипломатии родилась ещё во второй половине 1950-х, но в её реализации не меньшую роль сыграли текущие обстоятельства, а именно — опять же «большая дестабилизация»: война во Вьетнаме, расшатывавшая социальный мир в Европе, очередной конфликт между

Израилем и арабскими государствами («война Судного дня»), первый мировой энергетический кризис, повсеместное нарастание внутриевропейских социально-экономических проблем, заставлявших уходить в отставку президентов и премьер-министров. Параллели с сегодняшним днём напрашиваются сами собой.

Тогда предпосылкой для успеха «хельсинкского проекта» было решение «германского вопроса». Московский договор 1970 г. открыл для этого путь. И теперь позиция Германии, как в преодолении стагнации в развитии ЕС, так и в создании более справедливой системы общеевропейской безопасности — ключевая. Тогда западноевропейские государства стремились обеспечить благоприятные внешние условия для внутренней модернизации. И теперь нарастание внешних рисков противоречит острой необходимости ЕС сосредоточиться на внутренних реформах. Тогда ведущие европейские державы пришли к пониманию того, что в интересах всех договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде СБСЕ. И теперь в том или ином виде предпринимаются попытки возродить форматы согласования позиций крупнейших держав, например немецко-франко-российские встречи «большой тройки» в 2003–2004 гг. или «нормандский формат» с 2014 г.

Заветы Ялты и Потсдама

Размышления о важности согласования интересов крупнейших стран мира и для XXI в. приводят не только к воспоминаниям о 1975 г., но и к событиям более

ранним. В сущности, Хельсинкский акт во многом был продолжением, следующим шагом в развитии принципов, зафиксированных на конференциях классической «большой тройки» в Ялте и Потсдаме в 1945 г.

Какие уроки для сегодняшнего дня можно извлечь из тех эпохальных встреч?

Во-первых, важность навыка использовать подходящий, удачный, благоприятный момент в истории для решения конкретной крупной проблемы. Если бы Ялтинская конференция была проведена чуть раньше или чуть позже, то эффект от неё по многим причинам был бы иным, не столь значимым. Успех конференции с точки зрения всех её участников был обеспечен в первую очередь ситуацией на фронтах, сложившейся к февралю 1945 г., а также личным желанием и возможностью лидеров трёх стран приехать в Ялту и провести там неделю. Жизнь Рузвельта уже клонилась к закату, и несколькими неделями позже он был бы уже не в состоянии путешествовать. 12 апреля его не стало.

Украинский кризис со всей наглядностью показал, что дальше откладывать урегулирование проблемы общеевропейской безопасности нельзя; необходимо использовать исторический момент ради безопасности всего континента.

Во-вторых, значение Ялты и Потсдама состоит в том, что для долгосрочного решения сложных международных проблем требуются институты, механизмы, структуры, разработанные и утверждённые всеми основными игроками с учётом интересов большинства других участников международного процесса. Трудно себе представить, как в иных условиях, отличных от уникального периода 1944–1945 гг., могла бы возникнуть

такая универсальная и всеохватывающая организация, как ООН. Только на основе такого рода организации могло появиться современное международное право, которое с тех пор служит фундаментом взаимодействия государств на мировой арене.

На фоне истории последних лет об этом как никогда необходимо помнить и прекратить в нарушение Устава ООН вводить санкции и создавать военные коалиции. Украинский кризис продемонстрировал востребованность и другой организации, доставшейся Европе в наследство от XX столетия, — ОБСЕ, которая обрела в своей деятельности новое дыхание, хотя из-за отсутствия устава так и не превратилась в полноценного международного субъекта.

В-третьих, Ялта стала беспрецедентным примером того, как принимаемые решения были направлены не только на изменение ситуации в масштабах текущего времени, но и на десятилетия вперёд. Фактически тогда в Ливадийском дворце зародился полицентричный мир XXI в. Долгое время его было непросто рассмотреть в условиях противостояния двух сверхдержав. Однако параметры деятельности Совета Безопасности ООН, включая право вето, и его конфигурация сложились так, что Организацию Объединённых Наций не только не постигла судьба её предшественницы — Лиги Наций; она не только пережила эпоху биполярности, но в её рамках были созданы благоприятные условия для следующего шага — складывания полицентричности. Шаблон последней был задан уже самим составом Совета Безопасности, куда вошли не только европейские державы, но и государства — лидеры других частей света — США и Китай. Причём Поднебесная тогда по своему

международному весу и геополитическому калибру не могла и близко сравниться с современным Китаем. И всё же Пекин был допущен в клуб избранных.

В наше время этот опыт бесценен. Он подтверждает необходимость и в новом столетии развивать полицентричность в международных отношениях с опорой на дух и букву Устава ООН. Причём развитие событий учит тому, что утверждение полицентричности — процесс волнообразный, со своими зигзагами и отступлениями. Однако пульсация этого процесса неизбежно разворачивается вдоль восходящей кривой. Его оптимальный формат будет выработан самой историей. Е. М. Примаков в книге «Россия. Надежды и тревоги» (М.: Центрполиграф, 2015) назвал текущую фазу полицентризма «иерархической многополярностью».

В-четвёртых, возможно, центральный урок Ялты и Потсдама — учёт интересов безопасности друг друга. После распада Советского Союза западные страны занялись реваншизмом и отказались признавать необходимость гарантий безопасности границ России. Вначале исчез «пояс добрососедства» вместе с восточноевропейскими союзниками СССР. Осуществлено продвижение НАТО вплоть до границ России. В этих условиях встал принципиальный вопрос о месте в системе европейской безопасности Белоруссии, Украины, Молдавии и государств Закавказья. В 2008 г. в Грузии красную линию неучастия в военных блоках попытались пересечь. Затем территорией геополитического противоборства стала Украина. Если красная черта здесь «падёт», исчезнет последний «буфер» между Россией и военно-политическим альянсом, куда Россия не входит и входить не будет.

На какие принципы могло бы опираться новое «большое соглашение», своего рода «Ялта-3», вслед за Ливадией / Потсдамом и Хельсинки (а до них — Вестфальским миром 1648 г. и Венским конгрессом 1814—1815 гг.)? На принцип государственного суверенитета, равенства и невмешательства в дела друг друга. На принцип согласования интересов ведущих государств мира. На принцип взаимного учёта озабоченностей и комплексного подхода к отношениям между странами в сфере международной безопасности. На принцип неделимости безопасности. Наконец, на принцип полицентризма в международных отношениях, который препятствует доминированию в мире одного государства или группы государств.

О том, зачем всё это нужно, проницательно сказал академик РАН, писатель Николай Петрович Шмелёв: «Зло всегда было в мире, и зло всегда будет в мире, причём более или менее в одном и том же соотношении независимо от исторического времени. С этим люди всегда жили, и с этим им придется жить и дальше. Весь вопрос в том, удастся ли обществу и впредь держать это зло более или менее под контролем».

13. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности¹

Знаковых работ о судьбах Европы, о мире, в котором она жила и живёт, как и международных документов на эту тему, великое множество. В той или иной степени эти проблемы волновали людей на протяжении всей новой и новейшей истории. Можно вспомнить о тексте Вестфальского мирного договора 1648 г., о Венском конгрессе 1814–1815 гг., о Версальском мире. В том же 1918 г. был издан первый том одной из самых шумевших книг о Старом Свете — «Закат Европы» Освальда Шпенглера.

В рассуждениях о судьбах Европы и мира важно помнить о решениях конференций в Ялте и Потсдаме в 1945 г., об Уставе Организации Объединённых Наций (26 июня 1945 г.). Позже Европу обустроивали в Хельсинкском заключительном акте в 1975 г. и в Парижской хартии в 1990 г.

После окончания холодной войны наибольшую известность на Западе, да и у нас в стране, получили две концепции мироустройства: «конец истории» Фрэнсиса Фукуямы и «столкновение цивилизаций» Самюэля Хантингтона. Обе в значительной степени остались умозрительными, далеко не во всём подтверждёнными жизнью.

¹ Глава подготовлена на основе доклада автора на Президиуме РАН 23 июня 2015 г.

Расцвет апологетики новой формы европоцентризма в виде Европейского союза пришёлся на начало XXI столетия. Приведём лишь два примера: книга Джереми Рифкина «Европейская мечта»² и «Европейская супердержава» Джона Маккормика³. Намного более реалистичная картина мира и места в нём Европы представлена в недавней работе Генри Киссинджера «Мировой порядок»⁴.

В России в последние годы появился целый ряд фундаментальных исследований о современном мироустройстве и позициях Европы и России. Вот лишь некоторые из них: коллективная монография под редакцией академиков А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой «Россия в полицентричном мире» — результат исследований институтов Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН⁵, а также «Глобальное управление: возможности и риски»⁶; коллективная монография ИМЭМО «Глобальная перестройка»⁷; ряд книг из многотомной серии «Старый Свет — новые времена» Института Европы РАН: «Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы», «Россия в многообра-

² *Rifkin J.* The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. Jeremy P. Tarcher, 2004.

³ *McCormick J.* The European Superpower. New York: Palgrave, 2007.

⁴ *Kissinger H.* World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History. Allen Lane, 2014.

⁵ Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.

⁶ Глобальное управление: возможности и риски / Под ред. В. Г. Барановского, Н. И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

⁷ Глобальная перестройка / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014.

зии цивилизаций», «Европейский союз в XXI веке. Время испытаний»⁸.

Большое внимание научной общественности и политического класса привлекли книги академика А. А. Кокошина⁹, посвящённые вопросам стратегической стабильности и планирования, работа академика А. О. Чубарьяна «Российский европеизм»¹⁰, совместный труд академика Н. А. Симония и академика А. В. Торкунова «Глобализация. Структурный кризис и мировое лидерство»¹¹. Концептуальные разработки содержатся в работе академика В. В. Журкина «Европейская армия: поражения и победы»¹²; в ряде исследований Российского совета по международным делам (РСМД)¹³ и МГИМО (Университет)¹⁴. Среди новей-

⁸ Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2014; Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н. П. Шмелёва, Т. Т. Тимофеева, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2011; Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О. Ю. Потёмкиной, Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012.

⁹ Кокошин А. А. 1) Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006; 2) Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. М.: Едиториал УРСС, 2011.

¹⁰ Чубарьян А. О. Российский европеизм: история, эволюция и будущее. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.

¹¹ Симония Н. А., Торкунов А. В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. М.: Международная жизнь, 2013.

¹² Журкин В. В. Европейская армия: поражения и победы. М.: Международные отношения, 2012.

¹³ Россия — Европейский союз: возможности партнёрства / Под ред. И. С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013.

¹⁴ «Концерт великих держав» XXI века / Под ред. А. И. Никитина. М.: МГИМО-Университет, 2015.

ших исследований истории России и её места в мировой системе координат — монографии д. п. н. В. А. Никонова¹⁵.

Критерии отбора

Формулировка проблематики может вызвать вопрос: «Почему в один ряд с двумя государствами ставится региональная организация?» Дело в том, что Европейский союз уже давно стремится к имитации федеративного государства во многих аспектах. А Россия и США являются примерами именно такого устройства. В начале XXI столетия Евросоюз практически превратился в региональную организацию с элементами и конфедерации, и федерации. ЕС — единственная международная организация, в которой объёмы и сферы наднационального и межгосударственного регулирования сопоставимы. Можно сказать, что ЕС — это квазигосударственная система (табл. 1). Обращает на себя внимание, что её различные компетенции не статичны, а подвижны. В основном прослеживается тенденция в пользу приращения конфедеративных и федеративных компетенций, но есть и реверсивное движение¹⁶.

Чем ещё обоснован данный подбор «игроков»? Речь идёт о взгляде на европейскую (христианскую)

¹⁵ Никонов В. А. Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015.

¹⁶ Анализ ситуации с точки зрения методов управления дан: Кавешников Н. Ю. Методы управления в европейском союзе // МЭиМО. 2015. № 8, август.

цивилизацию через призму нескольких её ветвей¹⁷. Среди них и Россия, и страны Европейского союза, и Соединённые Штаты Америки — своего рода цивилизационный треугольник («Европа от Ванкувера до Владивостока»). Все его вершины вышли из одного исторического ядра. Далее их пути во многом разошлись, но часть общего наследия сохранилась, например опыт союзничества в годы Второй мировой войны.

Немного о терминах. «Малая Европа» в данном случае обозначает сумму 28 стран, на 2017 г. входящих в состав Евросоюза. Это Европа малая, так как она представляет лишь часть Старого Света, история которого немыслима без России и ряда других стран¹⁸. Конечно, Россия больше, чем европейская страна, с географической точки зрения. Поэтому широко используется термин «Большая Европа». Он не только не нов, но насчитывает по сути больше столетия. Это и идея «Соединённых Штатов Европы» начала XX в., и идея пан-Европы в межвоенный период, и деголлевская идея общего европейского пространства, и более современные интерпретации Европы «от Лиссабона до Владивостока».

¹⁷ Договор о европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы / Под ред. М. В. Братерского, С. В. Кортунова. М.: МГУП, 2011; *Громько Ал. А.* Цивилизация как объект исследования и российская идентичность // Россия в многообразии цивилизаций. М.: Весь мир, 2011. С. 851–863; 2) Цивилизация и Россия. Споры продолжаются // Стратегия России. 2009. № 7; Концепция внешней политики РФ, утверждена 15 июля 2008 г.; Концепция внешней политики РФ, утверждена 12 февраля 2013 г.

¹⁸ В работах Института Европы РАН термин «Малая Европа» применяется уже несколько лет, напр., см.: *Максимычев И. Ф.* Есть ли будущее у Большой Европы? // Современная Европа. 2013. № 1. С. 34–44.

Таблица 1

Федерация (исключительные компетенции ЕС)	Конфедерация (смешанные компетенции)	Межгосударственное объединение (компетенции национальных правительств)
Таможенный союз (1968 г.) ЭВС — еврозона (19 из 28 стран-членов) Единый внутренний рынок Отраслевые политики Аспекты социальной политики, особенно охрана труда и здоровья Шенгенская зона Система права (примат над национальным правом, включая конституционное) Собственный бюджет 143 млрд евро (на 2015 г.). Для сравнения: бюджет ООН — 2,8 млрд долл. В то же время это лишь порядка 1 % суммы ВВП 28 стран — членов ЕС.	Внешняя политика Бюджетная политика («европейский семестр») Банковский союз Энергетический союз Законодательный процесс (acquis communautaire) Иммиграционная политика Политика занятости Пространство внутренней свободы, безопасности и правосудия Рост полномочий национальных парламентов (механизм «жёлтой карточки»)	Политика безопасности и обороны Налоговая политика Управленческие механизмы (сохранение права вето при принятии ряда решений Европейским советом — саммитом лидеров стран-членов) Часть социальной политики

Кроме того, объединяет этих трёх субъектов мировой политики — Россию, Евросоюз (точнее, ряд его членов) и США — стремление к выработке и развитию стратегического мышления. Это предполагает наличие собственной картины мироустройства, сильной науки, опытной дипломатии, больших ресурсов, длительной государственности. Мало кто будет отрицать, что Москве, Парижу, Лондону, Берлину, Вашингтону исторически присуще стремление, а подчас и способность к стратегическому мышлению. Но есть и обратная сторона этой способности, свои риски: чем мощнее

у государства ресурсы, тем к более масштабным отрицательным последствиям приводит стратегическое мышление в случае ошибок в его применении. Например, ряд военных кампаний США в начале XXI в. служат этому наглядным подтверждением.

Что касается Евросоюза, то его претензии на стратегическое мышление пока не получили существенных последствий. Однако определённый опыт и наработки имеются. Например, успешно решена стратегическая в рамках Европы задача по историческому примирению Франции и Германии. В доктринальном плане в 2003 г. появилась первая Европейская стратегия безопасности. В ней в частности сказано: «Будучи объединением 28 государств с населением более 450 млн человек и четвертью мирового ВВП, Европейский союз неизбежно является глобальным игроком... Он должен быть готов разделить ответственность за глобальную безопасность и за построение лучшего мира»¹⁹. В документе нет недостатка в амбициях: «Нам необходимо развивать стратегическую культуру, с помощью которой можно осуществлять заблаговременные быстрые и, когда необходимо, активные интервенции»²⁰.

Если в 2003 г. слова «стратегия» и «стратегический» были употреблены 13 раз, то в стратегическом обзоре 2008 г. — 18 (Report on the implementation of the EES. Dec. 2008 S407/08). Вот лишь одна цитата: «Для обеспечения нашей безопасности... мы должны быть готовы влиять на события. Это означает мыслить более

¹⁹ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels. 2003. 12 December. P. 1.

²⁰ Ibid. P. 11.

стратегически и быть более эффективными и заметными по всему миру». В Глобальной стратегии, опубликованной в июне 2016 г., ЕС также не скупится на стратегические претензии. Очевидно, что реализованы они будут лишь частично.

По традиции в документах ЕС и выступлениях его лидеров говорится о стратегическом партнёрстве с НАТО. Заявлено о создании такового с Японией, Китаем, Канадой, Индией, до 2014 г. — с Россией. Принята Анти-террористическая стратегия (2005), Стратегия внешнего измерения пространства свободы, безопасности и правосудия (2005), Стратегия информационной безопасности (2006), Африканская стратегия (2006), Центрально-азиатская стратегия (2007) и т. д.

Очевидно и то, что переплетение конкуренции и кооперации между тремя игроками усиливается, а в ЕС ещё нарастают и внутренние противоречия. Разнообразные формы конкуренции относятся ко всем вершинам треугольника, и именно на этом понятии уместно сделать акцент. Например, памятен 2003 г., когда из-за противоречий в отношении вторжения в Ирак евроатлантические структуры оказались расколоты. Российская тема остаётся, пожалуй, единственной на сегодня, в связи с которой традиционное представление о коллективном Западе сохраняет свою силу, хотя и здесь даже на фоне украинского кризиса подходы сильно разнятся. Об этом в последние годы свидетельствовали визиты в Россию многочисленных западных политиков (Ангелы Меркель, Франсуа Олланда, Маттео Ренци, Никоса Анастасиадиса, Алексиса Ципраса, Роберта Фицо, президентов Финляндии, Чехии, Турции и др.).

Кроме внутренней взаимозависимости на пространствах от Ванкувера до Владивостока, все три игрока — Россия, США и Евросоюз — испытывают возрастающее влияние и извне, в первую очередь со стороны Китая, Индии, Бразилии, других растущих центров силы. В этой динамике отношений как между собой, так и с другими игроками большое значение имеет фактор государственного суверенитета.

Речь идёт о своего рода ренессансе в начале XXI в. феномена национального государства. В отличие от ЕС ни Россия, ни США, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия не стремятся передать часть своего суверенитета в наднациональные структуры (хотя в рамках Евразийского экономического союза элементы этого заложены). Но и в самом Европейском союзе процессы по размыванию государства заметно затормозились, о чём свидетельствует, например, желание Британии вернуть себе часть ранее делегированных Брюсселю полномочий. По всему миру новые центры влияния придерживаются взгляда на необходимость сильного национального государства.

Однако в мире происходит и противоположный процесс, а именно кризисные явления в сфере функционирования национального государства. В самом ЕС эксперимент с размыванием принципа государственного суверенитета привёл к ряду непредвиденных последствий и побочных эффектов. Усилился региональный национализм и сепаратизм в Испании, Великобритании, Бельгии. Ещё хуже обстоят дела на периферии Евросоюза — на Балканах и совсем катастрофично в прилегающих к Европе регионах. Это уже целые территории несостоявшихся, рушащихся государств

в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, на Аравийском полуострове. В усугублении этих негативных процессов ряд стран — членов ЕС и США сыграли неблагоприятную роль, раскачивая извне, в том числе с помощью военной силы, и без того хрупкие государственные образования.

В течение нескольких последних десятилетий глобализация работала на «стягивание» государств, усиление их взаимопроникновения и переплетения. Яркий пример торгового бума в 1990-х — начале 2000-х гг. в отношениях России и Евросоюза.

Но в отношении и этого процесса есть свой контрфорс, сила противодействия — это региональная интеграция, которая, как сила притяжения, интенсивнее всего толкает друг к другу территориально близкие страны. Показательны примеры ЕС, АСЕАН, Меркосур, Нафта, а теперь и Евразийского экономического союза. Другими словами, даёт о себе знать извечная «тирания географии». Отсюда парадокс нашего времени: необходимо быть ядром регионального интеграционного проекта для успешного продвижения своих интересов. Это теперь невозможно делать в одиночку. Так, Германия получила несомненные преимущества от того, что де-факто стала экономическим ядром Евросоюза и еврозоны.

Новейший тренд истории — мегаинтеграционные проекты, или интеграции интеграций. В какой-то степени такие проекты создавались и раньше, например в виде НАТО, ОВД, СЭВ, Движения неприсоединения. Но в основном они были реакцией на биполярный мир и были движимы в большей степени политическими и идеологическими причинами. В последние годы

лоббировались четыре суперпроекта. Это Транстихоокеанское партнёрство 22 стран АТР во главе с США; Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство между США и ЕС; Азиатско-тихоокеанская зона свободной торговли во главе с Китаем и Экономический пояс Шёлкового пути во главе с ним же. На первых двух после прихода в Белый дом Д. Трампа пока поставлен крест. Необходимо отметить, что Россия в проекты с участием США и ЕС не включена, а в других её перспективы туманны.

Важно сказать ещё об одном факторе, оказывающем большое влияние на динамику отношений в данном треугольнике. Это «скользящий», смещающийся характер центра / центров глобализации: в течение нескольких столетий до 1945 г. мир был европоцентричен; до начала 1990-х гг. он был биполярен в пользу США и СССР; затем до 2001 г. имел место «однополярный момент» с перекосом в сторону США, и затем стал утверждаться полицентризм при сохранении иерархии (многоярусности) государств при смещении центра тяжести в АТР (а точнее, в АИТР — азиатско-индийско-тихоокеанский регион).

Что сближает и отличает трёх цивилизационных родственников? Очевидно, что их позиции в рейтингах необходимо соотносить с показателями Китая.

Приведём базовые показатели по населению и территории (табл. 2). Все «три вершины треугольника» — Россия, США и ЕС, как и Китай, — входят в разной последовательности в группу первых восьми стран мира (в строке «Евросоюз» по показателю населения дана выборка его четырёх ведущих государств-членов).

Таблица 2

Страна	Территория (млн км ²)	Население, млн чел. (в скобках — место в мировом рейтинге)
1. Россия	171,2*	148,8** (10)
2. Канада	9,98	35,3 (39)
3. США	9,8	323,9*** (4)
4. Китай	9,596	1,373,5 (1)
5. Бразилия	8,514	205,8 (6)
6. Австралия	7,741	8,7 (95)
7. Евросоюз	4,325	513,9 (3)
		80,7 (19) Германия 66,8 (22) Франция 64,4 (23) Британия 62 (24) Италия
8. Индия	3,287	1,266,8 (2)

* Данные Росстата на 1 января 2016 г.

** Данные Росстата за 2017 г.

*** Данные по населению, кроме России, указаны по CIA The World Factbook 2016.

По показателям ВВП по ППС Китай, ЕС и США образуют тройку мировых лидеров; Россия занимает седьмое место (табл. 3). ВВП по официальному валютному курсу крупнее всего у США, за которыми следуют ЕС и Китай. Россия в 2016 г. находилась на 12-м месте. ВВП на душу населения разводит Россию, ЕС и США намного дальше друг от друга (не говоря уже о Китае), но и здесь показатели сопоставимы. Обращает на себя внимание, что по этому показателю от России отстают такие страны-члены ЕС, как Латвия, Хорватия, Румыния, Болгария (в табл. 3 вынесены в отдельную колонку). Годом раньше в их число входили также Польша и Венгрия.

В целом интересно отметить, что в 2016 г. в мире 24 государства имели ВВП по ППС, превышавший 1 трлн долл. В сумме по этому показателю они обладали 94 трлн долл. Но только десять из них входили в традиционное понятие «Запад» (ЕС был представлен

Таблица 3

Страны	ВВП ППС (трлн долл. США)	ВВП по официаль- ному валютному курсу, трлн (в скоб- ках — место в ми- ровом рейтинге)	ВВП на душу, тыс. (в скоб- ках — место в мировом рейтинге)	
1. Китай	21,140	10,73 (3)	14,6 (112)	
2. ЕС	19,970	16,52 (2)	39,2 (43)	
3. США	18,560	18,56 (1)	57,3 (20)	
4. Индия	8,721	2,251 (8)	6,7 (158)	
5. Япония	4,932	4,73 (4)	38,9 (44)	
6. Германия	3,979	3,495 (5)	48,2 (30)	
7. Россия	3,745	1,268 (12)	26,1 (72)	
8. Бразилия	3,081	1,77 (10)	14,8 (111)	
9. Индонезия	3,028	0,941 (15)	11,7 (130)	Латвия (74)
10. Британия	2,788	2,65 (6)	42,5 (38)	Хорватия (81)
11. Франция	2,699	2,488 (7)	42,4 (39)	Румыния (82)
12. Мексика	2,307	1,064 (14)	18,9 (90)	Болгария (87)
13. Италия	2,221	1,852 (9)	36,3 (52)	

Источник: CIA The World Factbook 2016.

Германией, Францией, Британией, Италией, Испанией и Польшей; кроме них — США, Канада, Япония и Австралия). На остальные незападные страны, включая Россию, приходилось около 57 % ВВП (53,3 трлн долл.) указанных 24 государств.

Во внешней торговле ЕС доля России в 2014 г. составляла 8,4 %, т. е. третье место после США (15 %) и Китая (14 %). Для сравнения: доля России во внешней торговле США — 1 %, Китая — 2 %. Для России ЕС — самый крупный торговый партнёр, тогда как США находились на 20-м месте.

Украинский кризис внёс свои коррективы. В 2014 г. товарооборот России и ЕС по сравнению с 2013 г. упал на 10 % и с тех пор продолжал снижаться. Но от страны к стране картина была разная. Так, с Британией взаимная торговля в 2014 г. упала сразу на несколько десятков

процентов, а с Болгарией и Мальтой выросла на 1–2%. С неевропейскими странами товарный обмен России в основном увеличивался, например, в 2014 г.: на 30% — с Мексикой, на 86% — с Египтом, на 7% — с Китаем, на 6% — с США.

В 2015 г. доля ЕС, по данным Федеральной службы государственной статистики, во внешней торговле России составила 44,8%, или порядка 236 млрд долл., доля Китая — около 12%, или 64 млрд долл. С Соединёнными Штатами у России торговый оборот был ниже 30 млрд долл, в то время как торговый оборот между ЕС и США — 515 млрд евро, между ЕС и Китаем — 467 млрд. В 2016 г. товарооборот России с ЕС упал ещё на 15%, но и при этом он составил 42,8% (200 млрд долл.). С этой точки зрения экономическая сила притяжения, толкающая Россию к ЕС, по-прежнему действовала намного сильнее, чем в случае Китая и тем более США.

Конфигурации сил «а-ля карт»

Какие в рассматриваемом треугольнике могут быть варианты группирования сил? Всего их пять (при всей их достаточной условности):

1. Сближение России и ЕС (Большая Европа) на фоне заката «американской мечты», каким знал её мир в XX в. Главные препятствия — отсутствие полноценной политической субъектности Евросоюза и вышедшие за все мыслимые пределы антироссийские настроения в ряде стран ЕС и в его наднациональных структурах, особенно в Европарламенте. В этом отношении ставка может делаться на усиление разноскоростного движения

в развитии внешней политики Евросоюза, тем более что принцип «многоскоростной Европы» был переутверждён на саммите ЕС в марте 2017 г. Как в своём внутреннем развитии Евросоюз со временем всё больше внимания уделял «двухскоростному движению» (например созданию Шенгенской зоны, Еврозоны, Банковского союза), при котором одни страны становились «ядром» определённого процесса, а другие — его «периферией», так и во внешней политике ЕС данный принцип может сыграть позитивную роль, в том числе в отношениях с Россией. Это предположение основано на том, что «повышенную» скорость в развитии внешней политики ЕС, очевидно, готовы устанавливать те государства-члены, которые менее зависимы от провинциальности и местечковости, обладают большими навыками в стратегическом мышлении.

2. Продолжение сближения ЕС и США в случае перерастания противоречий России и части Запада в структурное противостояние. В развитии этого сценария многое зависит как от внешних факторов, так и от самой России, которой нужно продвигаться по пути модернизации и повышения по ряду параметров своей конкурентоспособности. Главные препятствия на пути указанного сближения — американский мессианиззм и одновременно достаточно сильные американоскептические, вплоть до антиамериканских, настроения в ЕС. К делам в Европе длительное время падал интерес и у Вашингтона, что только подтвердили последние президентские выборы в США. Проходившие до 2017 г. переговоры о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве и оживление деятельности НАТО в Европе на фоне украинского кризиса тормозили эту

тенденцию. Можно было бы ожидать, что дополнительный импульс к продвижению ЕС по пути автономизации своей внешней политики даст приход на пост президента США Х. Клинтон со «свитой», включавшей неоконсерваторов, которые так раздражали европейцев в начале 2000-х гг. С первого взгляда могло показаться, что победа её соперника — Д. Трампа — стала ещё более сильным раздражителем, в том числе подтолкнув ЕС к развитию собственных военных структур. Однако здесь важно учесть следующее. Во-первых, новая Глобальная стратегия ЕС и активность его наднациональных органов, как и ряда ведущих столиц государств-членов, по продвижению заложенных в стратегии идей пришлось на период, когда в победу Д. Трампа ещё мало кто верил. Следовательно, за этой активностью стоял не его фактор. Гораздо большее значение имело другое событие — исход референдума о членстве Великобритании в ЕС в июне 2016 г. А Глобальная стратегия была обнародована через несколько дней после его проведения. Брекзит, при всех его минусах для европейской интеграции, означал, что вскоре ряды ЕС покинет наиболее евроскептически настроенная страна, и следовательно, прекратит противодействие давней мечте европейских федералистов — созданию полноценной общей политики безопасности и обороны. Конечно, Глобальная стратегия готовилась задолго до референдума в Соединённом Королевстве и была бы опубликована в июне 2016 г. вне зависимости от факта его проведения. Но именно брекзит сделал заложенную в ней идею стратегической автономии достижимой. Иной вопрос — какой характер примет эта автономия. Ведь до прихода в Белый дом Д. Трампа увеличение самостоятельности

Евросоюза на мировой арене, как правило, подразумевало отказ от поддержки агрессивно-мессианской внешней политики США, от вмешательства во внутренние дела других государств, от абсолютизации идеологических и псевдоценностных внешнеполитических подходов. Проблема в том, что подобные настроения среди европейцев были характерны в года президентства Дж. Буша-младшего. Однако позже, при Б. Обаме, в Европе вновь верх взяли сторонники евроатлантической солидарности во что бы то ни стало, те, кто называет себя «либеральными ястребами». Кроме того, во всю силу заработал фактор проамериканской ориентации «младоевропейцев», вступавших в Евросоюз с 2004 г. Свою роль сыграло и то, что позиции Трампа в США крайне неустойчивы, и обойдённый им на президентских выборах неолиберальный американский истеблишмент жаждет реванша, мечтая об импичменте своего низвергателя. Соответственно европейские почитатели этого истеблишмента также надеются на то, что скоро всё вернётся на круги своя. Другими словами, складывается ситуация, когда в результате брекзита ЕС наконец сможет обрести стратегическую автономию, но увеличение его самостоятельности обернётся европейским изданием гибрида из внешнеполитических подходов администраций Буша-младшего и Б. Обамы.

3. Новая «перезагрузка», сближение США и России на фоне снижения привлекательности европейского интеграционного проекта и нарастания глобальных проблем, требующих кооперации великих держав. Главное препятствие — всё тот же американский мессианизм, глубоко укоренённые в США антироссийские настроения, низкая экономическая взаимозависимость

Москвы и Вашингтона, успехи противников Д. Трампа в навязывании ему агрессивного курса антироссийского лобби в США. Но всё же окна возможностей существуют. Так было и при Б. Обаме, включая успех переговоров «шестёрки» с Ираном; остаются шансы и при Д. Трампе, особенно на сирийском направлении в борьбе с ИГИЛ и в деле установления зон деэскалации. Переговоры президентов России и США на полях саммита «большой двадцатки» в Гамбурге продемонстрировали, что в отличие от американского конгресса хозяин Белого дома в этом вопросе способен на адекватные действия.

4. Взаимодействие всех трёх вершин треугольника на примерно паритетных началах с подключением других крупных государств, например на площадке ОБСЕ, «большой двадцатки» или Совбеза ООН. Главные препятствия описаны в вариантах 1–3. Однако и этот сценарий имеет шансы на реализацию в случае положительных сдвигов в отношениях Россия–ЕС или Россия–США. Тогда третий партнёр может поспешить адаптироваться к новой тенденции, а не сопротивляться ей. Усиливающийся фактор Китая также будет работать на выстраивание более ровных отношений между другими мировыми центрами влияния. Глобальные и поэтому общие вызовы в виде терроризма, климатических изменений, дальнейшего освоения космического пространства, неконтролируемой миграции и пр. будут подталкивать всех перечисленных субъектов международных отношений к взаимодействию.

5. Дрейф всех от всех. Как и вариант 2, он наименее выгоден России в силу её положения в международном разделении труда и нежелательности сужения

пространства для геополитического манёвра исключительно восточным направлением. Безусловно, укрепление стратегического сотрудничества с Китаем будет одной из опор стратегии России на международной арене в XXI в., но, учитывая складывающийся между этими двумя странами дисбаланс, для мировой стабильности в условиях полицентричного мира будет важно сохранить более сбалансированную систему взаимоотношений, исключающую противопоставление одной группы государств и организаций другим.

У каждого из перечисленных пяти вариантов существуют шансы на реализацию, хотя и с разной степенью вероятности. То, что сегодня кажется невозможным, завтра может стать реальностью. Как всегда, на практике будут развиваться процессы с элементами всех описанных сценариев. Главное, какие из этих элементов окажутся доминирующими, а какие второстепенными. В интересах России, чтобы те или иные варианты сближения не были эксклюзивными, а дрейф — бесповоротным. Как и в случае рыночных отношений, саморегулирование, доведённое до абсолюта, давно признано вредным мифом. Чтобы «набор ингредиентов» в международных отношениях нового столетия оказался правильным и приемлемым для всех, нельзя уповать на тактическое маневрирование и сиюминутные выгоды. Политическая воля, стратегическое видение, прагматизм, отказ от национального эгоизма будут важнейшими условиями развития всех составляющих европейской цивилизации в мире высоких рисков.

14. СТРУКТУРЫ СОПЕРНИЧЕСТВА И ОПЫТ ИСТОРИИ

Начиная с прошлого десятилетия, а затем с новой силой в связи с событиями на Украине, в российских и зарубежных СМИ, экспертных кругах, в академических исследованиях международных отношений широко обсуждается вероятность «новой холодной войны». Как никогда актуально и обращение к урокам истории классической холодной войны 1940–1980-х гг.¹ Точки зрения варьируют от отрицания того факта, что холодная война когда-либо прекращалась, до неприятия самой возможности ведения такой войны на современном историческом этапе².

¹ *Кременюк В. А.* Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015; *Громыко Ан. А.* 1) Уроки мировой политики. Порядок или хаос? М.: Нестор-История, 2016; 2) Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. № 1. С. 26–38; *Максимычев И. Ф.* Минное поле холодной войны: останется Европа «Малой» или станет «Большой»? // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: Весь Мир, 2014; *Урнов А. Ю.* Внешняя политика СССР в годы холодной войны и «нового мышления». М.: РФК имидж Лаб, 2014; *Уткин А. И.* Мировая холодная война. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2005; *Согрин В. В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36–52; 2016. № 1. С. 19–43.

² *Рогов С. М.* США и Россия: новый вариант холодной войны? // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.:

Если согласиться с тем, что мы имеем дело не с иллюзорным, а реальным феноменом под общим названием «холодная война 2.0», то тогда необходимо принять допущение, что её участники разработали (или разрабатывают) соответствующие стратегии, рассчитанные на многие годы вперёд. Если считать, что попытки повторить историю непременно заканчиваются фарсом, то и тогда стоит задуматься над тем, насколько желание перемотать плёнку холодной войны назад может привести к вредоносным последствиям.

Актуализация истории холодной войны связана не только с текущими событиями в отношениях между Россией и Западом. В истории магия чисел имеет значение. В 2016 г. исполнилось 70 лет фултоновской речи У. Черчилля. Этой дате предшествовал скорбный «юбилей» первых двух (и единственных на сегодня) примеров боевого применения атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. В 2017 г. историки вспоминают о послании Г. Трумэна конгрессу США, посвящённом противоборству с Советским Союзом в Турции и Греции. Но в центре внимания — 100-летие Русской революции, с февральского и октябрьского моментов которой многие и отсчитывают историю холодной войны. В следующем году будет много сказано об уроках Берлинского кризиса 1948 г., за которым последовало создание НАТО, ОВД и окончательная институционализация холодной войны.

Аспект-Пресс, 2016. С. 354–384; *Овчинский В., Ларина Е.* Холодная война 2.0. Доклад Изборскому клубу; *Lucas E.* The New Cold War. Putin's Russia and the Threat to the West. 3rd edition. St Martin's Press, 2014; *Monaghan A.* A “New Cold War”? Abusing History, Misunderstanding Russia // Chatham House. Research Paper. 2015. May.

Вечные друзья и вечные враги

Какие бы точки отсчёта для холодной войны ни выбирались, важно зафиксировать, что, в отличие от войн горячих, её начало не было одномоментным, как и завершение. И у обычных войн время их начала и порой даже окончания — достаточно условные единицы. Так, есть разные и аргументированные взгляды на то, в каком году началась Вторая мировая война. То, что запуск противостояния всех видов представляет собой процесс, цепочку событий, — важно для понимания происходящего сегодня. Любой процесс разворачивается во времени, у него есть свои объективные и субъективные стороны, промежуточные этапы, развязки и точки невозврата. Отсюда следует, что неизбежности в истории сложных поведенческих систем нет.

Для выстраивания в середине XX в. структур долговременного противостояния, получившего название «холодная война», потребовалось несколько лет и череда кризисов. Так и сейчас, возобновление в том или ином виде холодной войны нуждалось бы в целом комплексе причин и следствий, которые в целом представляют собой процесс, растянувшийся во времени. Это означает, что в его рамках существует множество развилок, неизвестных и переменных, которые исключают какую-либо предопределённость. Другими словами, есть шансы и у противников нового витка противостояния, и у «рыцарей» «новой холодной войны». Вероятно, что до момента, когда выяснится, кто из них взял верх, пройдёт ещё несколько лет. Это означает, что и те и другие будут действовать, чтобы склонить чашу весов истории на свою сторону.

Рассуждая об опасности повторения аналога холодной войны важно как не преувеличивать, так и не преуменьшать современные риски. Очевидно, что мир, как не раз в прошлом, объективно переживает период «большой дестабилизации», а международные отношения находятся в транзите, переходя от одной модели к другой. История движется рывками, кроме того, ей свойственна цикличность. Один из главных стимулов прогресса — соперничество, поиск и использование своих конкурентных преимуществ. Увы, бóльшую часть истории человечества наиболее частым воплощением соперничества были войны, которые одновременно служили проводником технического прогресса. Атомная энергия, ракетные технологии, позволившие освоить космос, интернет — лишь немногие примеры того, что в XX в. стали называть продукцией двойного назначения. В то же время две мировые войны показали, что вариант выяснения ведущими государствами отношений с помощью грубой силы исчерпал себя. В результате технического прогресса цена такой разновидности соперничества стала неприемлемой.

Даже до изобретения атомной бомбы становилось всё более очевидно, что третью мировую войну с применением известных на весну 1945 г. конвенциональных средств ведения военных действий человечество вряд ли выдержит. Атомная бомба стала не столько водоразделом в представлениях о недопустимости «большой войны», сколько закрепила, в первую очередь в Европе, осознание жизненной необходимости не допустить её повторения. Что касается ядерного оружия, то окончательное понимание неприемлемости цены его применения утвердилось в умах политиков и военных по обе

стороны баррикад только в результате Карибского кризиса и последующего установления стратегического паритета между СССР и США.

Тем не менее исключение ядерного оружия из арсенала нападения и его использование единственно в качестве сдерживающего фактора не отменило поступательности в смене структуры соперничества великих держав. Конкуренция как двигатель прогресса после отказа от «большой войны», а затем и идеологического биполярного противостояния, стала принимать новые формы. События конца XX в. показали, что расчёты на «законченность» истории идеалистичны и даже вредны. Ставка на полное доминирование лишь одной модели развития никогда не оправдывала себя. С этой точки зрения идея «столкновения цивилизаций», какой бы спорной она ни была, возвращала в дискурс международных отношений плодотворный тезис о неравномерности мирового развития (другими словами, о «взлётах и падениях великих держав»). Последовавшая затем дискуссия о полицентричности стала воплощением стремления описать динамику нового соотношения сил, складывающегося на мировой арене в первой трети XXI столетия.

В рассуждениях об этих процессах уроки холодной войны как специфической формы международного конфликта крайне важны³. Какая бы модель новой структурной конкуренции (по жёсткому или мягкому варианту) ни ожидала Россию и Запад, необходимо сохранить базовый принцип, выстраданный в 1940–1980-е гг., —

³ *Кременюк В.А.* Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 22.

соперничество как переплетение конкуренции и сотрудничества. Этот баланс не должен исключать даже элементы союзничества, на которое сейчас, впервые после Второй мировой войны, обе стороны толкают грандиозные опасности, в первую очередь международный терроризм.

Конфликт между Россией и Западом является частью «большой дестабилизации», которая охватила практически все регионы мира. Сохраняются фрагменты Ялтинско-Потсдамской системы, ставшие универсальными, в первую очередь ООН, и фрагменты системы однополярного мира, над которыми теперь надстраиваются этажи полицентризма. Исторически такие переходы всегда сопровождались всплесками насилия и противоборства. Однако это не означает, что продуктом такой дестабилизации должно стать закрепление стратегии враждебности и игры на подавление конкурента, рассчитанной на десятилетия вперёд. Намного рациональнее стремление к скорейшему выходу на компромиссные решения и механизмы взаимодействия, которые, не отменяя конкуренцию, даже жёсткую, не ставят бы под сомнение коренные национальные интересы сторон. Так было после Вестфальского мира, после Венского конгресса и после Карибского кризиса.

Структуры конкуренции ошибочно приравнивать к структурам конфронтации. Лукавым аргументом адептов «новой холодной войны» является отсылка к «извечным» противоречиям между великими державами, в частности между Россией в различных её исторических ипостасях и западными странами (позже — «коллективным Западом»). В такой интерпретации сложная

история межгосударственных отношений сводится к одному варианту — конфронтации, хотя последняя — лишь одна из форм соперничества, которая не исключает возможности сотрудничества, совместного кризисного регулирования и даже союзничества по отдельным направлениям⁴.

Прямолинейные рассуждения об «извечных» врагах и друзьях заводят в логические тупики и примитивизируют историю. Так, в недавнем прошлом в СССР и Китае считалось, что они — стратегические противники (бесповоротно и окончательно, как казалось после боёв из-за о. Даманский в 1969 г.). Хотя на предыдущем этапе их отношений коммунистический характер двух политических систем рассматривался как залог вечной дружбы. История показала, что подобные «аксиомы» — геополитические ловушки. Сегодня, говоря о стратегическом сотрудничестве Москвы и Пекина, необходимо помнить, каким маловероятным такой сценарий развития событий представлялся ещё 30 лет назад. Заклятыми врагами длительное время считались Франция и Германия, Германия и Польша, Япония и (Южная) Корея

⁴ Представления о том, что для России угроза с Запада (как и наоборот) принимает всё новые обличья, питая некий замкнутый круг враждебности в отношениях между ними, перешло из общественного сознания и массовой культуры советского периода в нынешнее время. Так, в кинематографе удивительно похожи по своему посылу концовки произведений, разделённых эпохами: выдающаяся работа М. Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965) и художественный фильм К. Шахназарова «Белый тигр» (2012). В первом случае звериный оскал фашизма превращается в оскал американского пехотинца; во втором — советский танкист уже после 9 мая 1945 г. более тщательно, чем прежде, готовится к бою с недобитой угрозой с Запада.

и многие другие страны. Когда-то воевали США и Великобритания.

Тезис о друзьях России имеет ещё одну расхожую интерпретацию: у России их якобы только два — армия и флот. Думается, что если у страны, кроме собственных вооружённых сил, отсутствуют союзники, постоянные партнёры или хотя бы временные попутчики, её внешняя политика должна быть признана неэффективной. И это не случай России, дипломатия которой почти всегда вела системную работу по выстраиванию в ближнем и дальнем зарубежье дружеских, партнёрских, уважительных отношений с самыми разными государствами.

В рассуждениях о детерминантах истории, безусловно, есть доля истины. В конце концов разница между переменной и детерминантой заключается в представлении о длительности отрезка времени, к которому применяются эти понятия. Действительно, могут складываться структуры противостояния, которые долгое время в том или ином виде сохраняются при переходе от одной модели международных отношений к другой. Так, соперничество довлело в отношениях между Россией и Британией и в XIX в., и в XX, и теперь в XXI. Отношения между Москвой и Вашингтоном также не смогли уйти от глубоко укоренившейся неприязни, несмотря на, казалось бы, принципиальное изменение ситуации на рубеже 1980—1990-х гг. И такие случаи далеко не единичны. Их природа как минимум двояка.

Речь идёт или о крупных субъектах мировой политики с собственными геополитическими проектами и глобальными подходами и по ряду параметров с сопоставимыми ресурсами, или, напротив, об отношениях, для которых характерна большая асимметрия, когда малые

страны опасаются доминирования «больших соседей». Государства первой категории, как правило, располагаются на удалении друг от друга, например Россия и США, Китай и США, второй категории — граничат друг с другом (Китай и Вьетнам, Россия и страны Прибалтики, США и Куба и т. д.). Фактор географической близости в большинстве случаев заставляет крупных игроков рано или поздно находить компромиссы и договариваться к взаимной выгоде. По этому пути пошли Франция и Германия, Россия и Китай. Судя по всему, склоняются к этой формуле Индия и Пакистан, Индия и Китай, тогда как Иран и Саудовская Аравия всё ещё делают ставку на конфронтацию в борьбе за региональное лидерство.

Таким образом, история показывает, насколько большой вес продолжает иметь фактор географического положения. Находясь на дальнем расстоянии друг от друга, крупные и во многом равновеликие игроки могут позволить себе длительное время находиться в состоянии жёсткого состязания, даже конфронтации, особенно если их экономические взаимоотношения слабы. Но со второй половины XX в. они больше не могут позволить себе следовать курсом полного подавления крупного противника, в первую очередь в военном смысле. По этой же причине у них нет достаточной мотивации для встраивания в фарватер своих соперников. Очевидно, что равновесие жёсткой конкуренции будет не менее характерной чертой XXI столетия, чем его предшественников.

Глобализация привнесла значительную новизну в то, как ведут себя в отношении друг друга ключевые мировые игроки. Она одновременно сузила их возможности,

но и предложила дополнительный потенциал для навязывания своих интересов. С одной стороны, благодаря глобализации возникла полицентричная среда, сопротивляемость которой устремлениям к доминированию высока как никогда, даже по сравнению с биполярным миром. Тогда можно было преуспеть в постепенном экономическом удушении противника, несмотря на то что он — сверхдержава, в том числе путём победы в гонке на эффективность модели развития (рынок против плана, коллективизм против индивидуализма). Теперь сверхдержав в прежнем смысле слова нет. Ушло в прошлое идеологизированное противостояние, искусственно снижавшее набор инструментов внутреннего развития. Теперь любая страна за редким исключением (Северная Корея, несостоявшиеся государства) вольна экспериментировать с той или иной комбинацией рыночных, государственных, смешанных форм собственности и социально-экономических моделей, управленческих механизмов для максимизации своих конкурентных преимуществ. В то же время исчезновение мира сверхдержав и полицентричная среда не отменяют сохранения категории ключевых государств с тем или иным набором глобальной атрибутики (члены ядерного клуба, постоянные члены Совета Безопасности ООН и др.), которые составляют первый эшелон субъектов международных отношений XXI в.

С другой стороны, глобализация сопровождается появлением новейших технологий, в том числе кибернетических, возможностей глобальных коммуникаций, изошрённых способов моделирования поведенческих ситуаций с помощью социальных сетей. Эти невиданные ранее инструменты продолжают питать надежды

тех, кто считает, что полицентризм можно поставить в определённые управляемые рамки, сохранив в международных отношениях феномен сверхдержавности и единоличного лидерства. Но, надо полагать, эти надежды призрачны. Динамичность мировой системы не снижается, а растёт. В её основе — всё та же неравномерность развития, которая с новой силой проявляется уже не столько в межстрановых сравнениях (в этом полицентризм обнаруживает выравнивание уровней развития богатых и бедных стран), сколько в росте диспаритетов внутри как государств, так и их региональных объединений. Пример Евросоюза показателен.

Отношения Вашингтона и Пекина в большой степени представляют собой новацию — государства с резко отличающимися социальными системами, но глубоко взаимосвязанные друг с другом в экономической сфере. В какой-то мере они являются противоположностью формулы взаимодействия Москвы и Пекина, где доминируют общие геополитические, но не экономические интересы, по крайней мере на сегодня. Текущие события демонстрируют, что доминанта геополитики оказывается явно сильнее, чем общие экономические выгоды. Это наглядно показал режим санкций, введённых против России, в том числе во вред их западным инициаторам.

Можно спрогнозировать, что отношения Москвы и Пекина будут укрепляться по мере усиления экономической взаимозависимости в дополнение к ключевому фактору — во многом совпадающим стратегическим интересам в глобальной политике. Напротив, экономическая взаимосвязь Китая и США на фоне растущих геополитических противоречий может оказаться

недостаточной, чтобы предотвратить дальнейшее усложнение их отношений. В этом же, очевидно, кроется и антипатия США к идее трансформации экономической мощи Евросоюза в политическую субъектность. Если ЕС превратится в автономного игрока на международной арене, обретёт собственное геополитическое видение и стратегию, то по крайней мере для его ведущих стран-членов фактор теснейшего переплетения экономик в североатлантическом регионе перестанет быть достаточным для безграничной унификации внешней политики западноевропейских столиц и Вашингтона.

Принятая в июне 2016 г. Глобальная стратегия ЕС и результаты саммита НАТО в Варшаве не проясняют неопределённости по поводу того, будет ли способна внешняя политика Евросоюза освободиться в обозримом будущем от удушающих объятий заокеанского «старшего брата». Стратегия Брюсселя продолжает сочетать два взаимоисключающих элемента, которые с помощью софистики постоянно представляются как якобы взаимодополняемые: стратегическая автономия Евросоюза и сближение военно-промышленных комплексов НАТО и ЕС.

Заливочные формы соперничества

В чём сущностная причина того, что смена одной модели международных отношений другой не разрушает заливочную форму открытого или подспудного соперничества между отдельными субъектами мировой политики, например между Россией и США или Британией, Китаем и США? Тезис о «взлёте и падении великих держав»

в данном случае не работает, так как речь идёт о государствах, чья значительная роль в международных делах остаётся константой на протяжении нескольких эпох.

Иное объяснение этого явления могло бы заключаться в том, что по мере перехода того или иного государства на глобальный уровень его экономические интересы приходят в столкновение с интересами другого глобального игрока, и этой ситуацией нельзя управлять иначе, как с помощью модели переменного соперничества—сотрудничества. Но тогда это не объясняет причин конфронтации между Россией и США, экономические интересы которых пересекаются слабо, как не объясняет и в целом ровные и достаточно уважительные отношения между Вашингтоном и Пекином, огромные экономики которых, несмотря на значительное переплетение, всё больше конкурируют друг с другом.

Объяснять существование длительных структур противоборства идеологическими факторами, разницей политических систем и ценностей также неубедительно. Так, Россия за относительно короткий отрезок времени после распада Советского Союза прошла впечатляющий путь в своём политическом и социально-экономическом развитии. Но принципиально это не снизило глубокой неприязни и недоверия к ней со стороны США и их ближайших союзников. Напротив, сохранение в Китае монополии на власть одной партии и коммунистическая идеология не помешали взаимовыгодному развитию отношений между Пекином и Вашингтоном, Пекином и ЕС. Недостаточно объяснить ценностными различиями противоречия между Индией и Китаем или Индией и Пакистаном. Напротив, Евросоюз (и даже шире — большинство стран

Совета Европы) и США рассматривают друг друга как ближайших союзников, несмотря на расхождение по ряду фундаментальных ценностных параметров, например: применение смертной казни, допустимый уровень насилия в обществе, в том числе приемлемость применения пыток государственным аппаратом, допустимый уровень социального неравенства и расовых противоречий и др.

Что же тогда лучше объясняет длительное существование заливочных форм соперничества? Думается, что это наличие отличающегося от других глобального видения и стратегии, определённого геополитического проекта, подкреплённого имеющимися или расчётными ресурсами. Одним из источников таких проектов могут служить «большие идеи», общенациональные концепции развития, вдохновлявшие народы в те или иные периоды истории, например: «американская мечта», «американская исключительность», «Москва — Третий Рим», «бремя белого человека», «свобода, равенство, братство», «американский фронт», «православие, самодержавие, народность», «жизненное пространство», «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «шёлковый путь». Крупные стратегии воплощались в экономическом чуде «азиатских драконов», а затем Китая, частично — в понятии «евросфера» и др. Далеко не все из «больших идей» входят в противоречие друг с другом. Но когда тому или иному государству, руководствующемуся ими, сопутствует успех, и ему становятся тесны субрегиональные, а затем региональные рамки, то, выходя на глобальный уровень политики, они входят во взаимодействие с похожими на себя. А дальше возможны варианты в зависимости

от истории, культуры, ресурсов и территориального расположения⁵.

Часто можно услышать, что «большие идеи» изжили себя в XX в., что главной национальной идеей должно стать повышение благосостояния населения и его безопасность, а не региональные или глобальные амбиции. Но представляется, что для подавляющего большинства национальных проектов это само собой разумеется. Речь идёт не о целях, а об инструментах их достижения. А для этого необходимо принять принципиальное решение — встраиваться в чужие геополитические проекты или создавать свои. Заблуждение делать вид, что ведущие мировые игроки не стремятся максимизировать свои конкурентные преимущества даже за счёт ближайших союзников. Так, промышленный шпионаж — распространённое явление в истории отношений не только США и Китая, но Японии и США, западноевропейских стран и США.

После Второй мировой войны Япония, Германия, Франция, Британия и многие другие государства встроились или были встроены в западный глобальный проект во главе с Вашингтоном. На сегодня практически все, кто пошёл по этому пути, — развитые и относительно благополучные государства, которые, бесспорно, материально от этого как минимум не проиграли. Но не надо забывать, что во всех случаях без исключения это был для них выбор не добровольный, а навязанный. Кто-то был повержен в войне, другие уже после её окончания потеряли свои империи и объективно не могли дальше конкурировать с новыми центрами силы. Управленческие

⁵ См. также: *Кременюк В. А.* Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 63–64.

классы бывших европейских и азиатских империй делали всё возможное, чтобы сохранить свои лидирующие позиции и никогда не отказались бы от них, имей они хоть какой-то шанс.

Ряд других стран, например Россия, Китай, Индия, по тем или иным причинам не потеряли возможности для сохранения и продвижения собственных геополитических проектов. Можно задать вопрос: почему им не пойти вслед за другими государствами — союзниками Вашингтона и не признать его первенство? Дело в упрямстве их политических элит, питающих себя иллюзиями былого или грядущего величия, или всё же речь идёт о защите национальных интересов?

Представим чрезвычайно упрощённую ситуацию, когда Россия или Китай решают принять правила игры, скажем, Соединённых Штатов и «коллективного Запада». Чтобы быть признанными своими, Москве (или Пекину) надо вступить в НАТО и (в случае России) по возможности в ЕС. Но даже если произвести тотальную люстрацию их политических классов или добровольную смену политических режимов, их заявки на вступление в течение многих лет, если не вечно, не будут удовлетворены. Даже будучи одним из старейших членов НАТО, Турция десятилетиями не может войти в ЕС и, похоже, ей это не удастся. Не все союзники США входят в НАТО, например Япония. Но ситуация с последней заключается в том, чтобы иметь ограниченные вооружённые силы, быть неядерным государством и разместить у себя на территории иностранные военные базы. Если даже закрыть глаза на все эти и массу других объективных препятствий и каким-то чудесным образом выполнить все условия для того, чтобы стать частью коллективного Запада, то

встанет вопрос о функции России в дальнейшем геополитическом расширении и продвижении экономических интересов первого. Так, стань Россия союзником Запада, она окажется на «передовой» в его растущем противостоянии с Китаем; то же самое относится к Китаю в отношении России, стань он союзником Запада.

Напрашивается вывод, что ряд крупных международных игроков не имеют иной альтернативы, кроме как укреплять свои собственные позиции в качестве автономных центров силы и влияния. И дело не во враждебности к кому-то, а в слишком больших рисках при ответе на вопросы: какую цену придётся заплатить за встраивание в чужой геополитический проект и какую роль придётся играть в чужой шахматной партии?

Конечно, обладание стратегическим мышлением ещё не является гарантией успеха. Помимо умения генерировать идеи, необходимо располагать не менее важной способностью — их реализовывать. Кроме того, реализация того или иного стратегического проекта может либо не удалась, либо оказаться ошибочной или тупиковой. Поэтому необходимым ингредиентом стратегии является способность к адаптации, приспособлению к меняющимся условиям, в том числе умение признавать свои ошибки и корректировать свои действия. Для России на ближайшие годы и десятилетия большими национальными проектами будут освоение Арктики, евразийская интеграция, продолжение космических исследований и программ, участие в международных мега научных проектах, «разворот на Восток». Успешная реализация последнего неизбежно требует решения грандиозной задачи по развитию Сибири и Дальнего Востока, по созданию условий для направления вспять

миграционных потоков из восточных регионов России в западные. В эту же парадигму укладывается идея переноса российской столицы в Сибирь (если не в полном смысле этого слова, то в виде передачи ряда столичных функций, например Новосибирску). Хочется надеяться, что в число таких проектов войдёт возрождение авторитета и активная государственная поддержка фундаментальной академической науки.

США, Россия и Китай составляют ведущую тройку государств с глобальными амбициями и стремлением их реализовывать. Ресурсы, которыми они располагают, сильно различаются, но по своему потенциалу эти игроки если не равновелики, то по сумме находятся в сопоставимых категориях. Например, именно эти три страны — мировые лидеры в сфере кибернетических технологий, единственные полноценные космические державы, обладатели наиболее передовых ВПК (здесь Пекин пока уступает Москве и Вашингтону), они занимают лидерские позиции в мировом спорте, обладают богатым культурным наследием. Они располагают сильной фундаментальной наукой, имеют в своём распоряжении одни из самых опытных в мире дипломатические и разведывательные службы. Эти государства, несмотря на различия в их политических системах, способны быстро концентрировать ресурсы для решения поставленных задач.

Ускользящая стратегия Евросоюза

Потенциал глобального игрока, которому ещё предстоит раскрыться в следующие десятилетия, есть у Индии. По ряду параметров к этой категории принадлежит

и Европейский союз. Но, если дальнейшее увеличение политического веса Дели в мировых делах вопрос времени, то однозначно прогнозировать то же самое в отношении ЕС не приходится. Как принято говорить уже не одно десятилетие, этот экономический гигант пока так и не превратился в политического тяжеловеса. Неясно, сможет ли ему помочь обрести свою внешнеполитическую сущность новая Глобальная стратегия⁶. К сожалению, во многом она напоминает руководство по тактике. Например, по инерции последних лет стратегия продолжает продвигать недальновидную политику сдерживания России с вкраплением возможностей выборочного взаимодействия.

До сих пор в истории склонность к региональным или глобальным стратегиям проявляли империи и позже (или параллельно с ними) национальные государства. Но успешность проекта «Европейский союз» всегда зависела от поддержания баланса между его наднациональной и межгосударственной опорами. Цель построения Соединённых Штатов Европы в качестве многонационального государства, федерации никогда не была бесспорным приоритетом национальных элит стран — членов ЕС, особенно после волн расширения в 1970–2000-х гг. Его дальнейшее развитие по пути многоскоростной интеграции исходя из опыта последних лет очевидно, но создание классической федерации вряд ли возможно, что убедительно продемонстрировал брекзит.

Другой вариант обретения политической субъектности ЕС — имперский. К настоящему времени сложился

⁶ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016

большой массив политологической литературы, посвящённой ЕС как империи⁷. В основном она принадлежит к апологетическому направлению в отношении ЕС. Но и в этом случае не избежать решения следующей проблемы. Исходя из опыта истории, империи по своей природе должны были постоянно расширяться — и вглубь и вширь. Когда они теряли способность к этому или когда расширение приводило к перенапряжению их сил, начинался процесс (само)разрушения. Не является ли в таком случае феномен «усталости от расширения» ЕС и провал «политики соседства» началом его конца как империи, пусть даже и «неосредневековой»? И не проявление ли это исчерпанности его неоимперской стратегии?

Крушение проекта «Евросоюз» маловероятно хотя бы потому, что в его основе — не только идейная подоплёка декларации Р. Шумана и императив преамбулы Римского договора 1957 г. о «всё более тесном союзе европейских народов», но прагматичная заинтересованность в едином рынке и в эффекте мультипликатора, который получают от интеграции малые и большие государства ЕС. Также играют роль опасения стран-членов по поводу внешних вызовов и угроз, масштаб которых для каждой из них в отдельности только вырастет, окажись они за бортом объединения. Наивность сторонников выхода Британии из ЕС ещё дорого обойдётся

⁷ См., напр.: *Zielonka J.* Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union. Oxford: Oxford University Press, 2006; *Cianciara A. K.* Withering Empire: European Union, the Crisis and the Eastern Peripheries // 8th Pan-European Conference on International Relations. One International Relations or Many? Multiple Worlds, Multiple Crises. Warsaw, 18–21 September 2013.

этому государству. В то же время можно прогнозировать, что брекзит приведёт скорее к усилению консолидации оставшихся 27 стран, чем к раскручиванию маховика центробежных сил. Однако и этот благоприятный для Брюсселя сценарий никак не продвигает идею о превращении ЕС в автономного геополитического игрока. Более того, доминирование в нём представлений о соподчинённости внешней политики европейских столиц интересам Вашингтона, отвлечение львиной доли их политических и материальных ресурсов на решение грозных внутренних проблем оставляет мало шансов на то, что в скором будущем ЕС окажется способен на реализацию новых «больших идей». Но это не означает, что этого не случится никогда⁸.

Многое будет зависеть от политической воли лидеров и от эволюции партийно-политических систем стран-членов, в первую очередь в Париже, Берлине и Риме, в столицах Вишеградской четвёрки. Если рано или поздно будет всё же признано, что для ЕС идти по пути создания многонационального государства или расширения своей «неоимперии» бесперспективно, то тогда может обрести второе дыхание идея «Большой Европы»⁹. Именно она предстаёт альтернативой неразрешимым проблемам «ЕС-империи» или «ЕС-государства».

⁸ Среди последних исследований внешней политики ЕС: Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. М.: Весь Мир, 2015.

⁹ Шмелёв Н. П., Громыко Ал. А. Большая Европа — грядущая реальность или утопия? // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: Весь Мир, 2014.

В данном случае приращение геополитической мощи Евросоюза произошло бы за счёт обоюдывыгодного стратегического партнёрства с Россией. Определённые шаги на этом пути в прошлом уже были совершены. Один из необходимых компонентов этого проекта — формирование общеевропейской системы безопасности. Покуда этого не происходит, политика ЕС продолжает оставаться фактором в потенциале раскручивания конфронтации с Россией вплоть до попыток развернуть «новую холодную войну».

Факторы сдерживания и новые угрозы

Вернёмся к аргументу о том, что России «уготовано» перманентное противостояние с «коллективным Западом». Необходимо подчеркнуть, что этот тезис вреден не потому, что он вполне справедливо указывает на известные случаи длительного структурного противостояния, сохраняющегося при переходе от одной эпохи к другой, и не потому, что он акцентирует внимание на соперничестве между Россией и США, Британией или какими-то другими отдельно взятыми странами. Логическая ущербность в том, что предполагается блоковая конфронтация с опорой на жёсткую силу и фактически гибридную войну. Такая парадигма мышления, закрепившись она вновь, до минимума сузит возможности взаимодействия и партнёрства, не говоря уже о ситуационном союзничестве.

Умозрительно уменьшение зоны сотрудничества России и Запада по различным международным проблемам необязательно должно быть признано

неприемлемым, ведь «чужие проблемы — не мои проблемы». Но дело в том, что большинство региональных и тем более глобальных рисков и вызовов — для них общие и без совместных усилий они с ними не справятся. Поэтому, надевая шоры конфронтации, соперники в конечном счёте ослабляют не только своих конкурентов, но и себя. Убедительное тому доказательство — многократное увеличение масштабов международного терроризма с начала 2000-х гг. на фоне соперничества региональных и глобальных игроков.

Парадоксально, но аргументом в пользу «новой холодной войны» может быть то, что она представляет собой механизм управления противостоянием, без которого конфронтация могла бы достичь уровня третьей мировой войны (оставим здесь в стороне публицистические рассуждения о том, что мир уже вступил на её путь). Но не холодная война предотвратила новую мировую, а создание атомного оружия в 1945 г., т. е. это произошло, когда холодная война ещё не началась. Именно оно делает невозможным такой способ урегулирования конфликта в отношениях ядерных держав, как война. Другими словами, не столько холодная война помогла предотвратить применение ядерного оружия, сколько последнее, среди прочего, не позволило ей перерасти в горячую. Так как ничто в обозримом будущем не предвещает отказ от «большой бомбы», «новая холодная война» лишь усугубила бы проблематику контроля оружия массового уничтожения (ОМУ) и режима нераспространения.

Благодаря опыту Первой и Второй мировых войн Франция и Германия смогли вырваться из порочного круга насилия, сделав возможным успех западноевропейской интеграции. Со своей стороны, атомная бомба

(и стратегический паритет) впервые в истории сделали бессмысленной войну между её обладателями. И холодная война здесь ни при чём. Напротив, её допущение по новому кругу пробивает брешь в иррациональности третьей мировой войны, так как увеличивает опасность локального, но резонансного столкновения, способного привести к неконтролируемой эскалации. Опасность последней хорошо известна по цепочке событий, положивших начало Первой мировой войне после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. Позже опасными эпизодами в истории, при всех их различиях, стали Кубинский кризис, «бросок» российских войск в Приштину, уничтожение российского бомбардировщика турецким истребителем. Профессиональным моделированием не столь фантастической возможности перерастания «новой холодной войны» в ядерную стал фильм, фактически ситуационный анализ, снятый Би-би-си-2 под названием «Третья мировая война. В командном пункте»¹⁰.

Помимо раздувания, а не снижения опасности военной эскалации, вызванной неконтролируемой цепочкой событий, техническим сбоем или человеческим фактором, «новая холодная война», в которой вновь противостояли бы друг другу большинство официальных членов ядерного клуба, только затруднит удержание ядерного оружия исключительно в парадигме орудия сдерживания¹¹. Так, по мере прогресса в миниатюризации

¹⁰ BBC Two. World War Three. Inside the War Room.

¹¹ О современном положении в области ядерного сдерживания и о кризисе контроля над ядерным оружием см.: Савельев А. Ядерное сдерживание в период конфронтации // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 30–39; Арбатов А.

военных технологий и роста угроз международного терроризма увеличивается опасность доступа к ОМУ негосударственных структур и безответственных государств. Трудно просчитываемые риски связаны с кибернетическими технологиями, которые, оказавшись они в преступных руках, могут умножить шансы ядерной войны, не говоря уже об эскалации с помощью конвенционального оружия. Для решения этих проблем члены ядерного клуба должны находиться не в состоянии «новой холодной войны», а активным образом сотрудничать. Однако пока они не только этого не делают, но сами нередко ведут себя безответственно. В отношении ОМУ это касается попыток ослабить принцип стратегического паритета, в первую очередь односторонними действиями в сфере ПРО. Что касается кибероружия, то на сегодня единственным известным случаем его применения в качестве акта необъявленной войны стала кибератака спецслужб США на Иран для выведения из строя центрифуг по обогащению урана¹².

* * *

Таким образом, у России и Запада есть все резоны, чтобы помочь миру покинуть зону «большой дестабилизации» на условиях конструктивного полицентризма,

Контроль над ядерным оружием: конец истории? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 5. С. 5–18.

¹² *Bemford J.* Commentary: the world's best cyber army does not belong to Russia // Reuters. 2016. 4 August (<http://www.reuters.com/article/us-election-intelligence-commentary-idUSKCN10F1H5> (дата обращения 10.10.2017)). См. также: *Васильев В. С., Rogovskiy E. A.* Главный парадокс рыночной экономики, или Финансовая война как новая «холодная война» // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2015. № 3 (543), март.

вместо того чтобы увеличивать её площадь с помощью опасного фарса «новой холодной войны». Важнейшая задача ведущих мировых центров влияния — найти адекватный глобальным вызовам модус операнди, а затем модус вивенди. Закрепление структурной конкуренции в виде «холодной войны 2.0» стало бы попыткой повторного использования уже отыгранного способа мышления.

Особые опасности миру несло бы такое закрепление на условиях враждебности, т. е. на условиях наихудшего варианта холодной войны — сдерживания угрозами, жёсткой силой и фрагментарным сотрудничеством. Другими словами — структурная конкуренция как вариация на тему холодной войны в период до Карибского кризиса и до установления стратегического баланса в 1960—1970-х гг. Такой тип холодной войны, назовём его «жёсткий», представляет собой не столько замороженный, сколько отложенный «горячий» конфликт. Его отложенность в противостоянии СССР и США зиждилась на плохо просчитываемых рисках обмена ядерными ударами даже при асимметричности стратегических арсеналов и в отсутствии военного паритета противников. Эта отложенность была почти «преодоле-на» в октябре 1962 г. Предотвратить катастрофу удалось благодаря здравомыслию двух конкретных людей — Н. С. Хрущёва и Дж. Кеннеди. Если будут воссозданы условия «жёсткой» холодной войны, т. е. когда соотношение стратегических сил станет восприниматься одной из сторон как явно асимметричное, а значит, возникнет иллюзия возможности победить, кто может гарантировать, что здравый смысл в критический момент вновь возьмёт верх?

Что касается «мягкого» типа холодной войны по аналогии с детантом 1970-х гг., то он был возможен в уникальных условиях паритетного биполярного мира, который ушёл в прошлое с развалом Советского Союза и социалистического лагеря. Теоретически биполярность в первой половине XXI в. имеет шансы вернуться, если помимо США второй стороной в её двухъядерной сердцевине сможет стать Китай во главе определённой группы стран-сателлитов. Сегодня мало что свидетельствует о том, что история пойдёт по этому пути. И одно из главных препятствий — отсутствие принципиально разных и мало зависящих друг от друга «миров», наподобие социалистического и капиталистического в прошлом. Появление в последние годы элементов деглобализации, в случае закрепления этой тенденции, может перерасти в раскол мира по тем или иным признакам. Но пока экономики США и Китая представляют собой во многом тесно переплетённый механизм.

Крайне важно подчеркнуть, что, в конце концов, суть проблемы «новой холодной войны» глубже, чем неприемлемость возрождения любого из её известных типов. Ведь оправдывая допустимость перезапуска холодной войны в её «жёстком» или «мягком» варианте, можно просто сослаться на историю, указав, что прецедента перерастания её в большую горячую войну не было. Сослаться на то, что и сегодня существует стратегический паритет и две ведущие ядерные державы продолжают придерживаться доктрины гарантированного взаимного уничтожения. А значит не столь опасно снова поиграть в холодную войну.

Помимо всех иных контраргументов, порочность таких рассуждений состоит в том, что «большая бомба»,

в отличие от 1940—1980-х гг., уже не гарантирует мир от большой, и тем более от малых войн. Опасность сценариев неконтролируемой эскалации возрастает. В условиях ослабления режима нераспространения, появления атомного оружия у плохо контролируемых государств, разработки новых высокоточных видов вооружений, разрушения согласованного в 1970-х гг. режима ПРО, усиления международного терроризма, в том числе на территории ядерных государств (в первую очередь Пакистана), быстрого развития кибернетических технологий и их милитаризации риски опасных конфликтов между великими державами — прямых или через втягивание в конфликты на мировой периферии — приобретают новое качество.

В этой ситуации структурная конкуренция в виде «новой холодной войны» только потворствовала бы деструктивным процессам в международных отношениях. Структурная конкуренция на условиях конструктивного полицентризма, напротив, дала бы России и Западу возможность сообща снижать риски региональных и глобальных конфликтов, развивать в рамках допустимых и общепринятых правил свои конкурентные преимущества с упором на взаимодействие там, где это возможно, рационально и желательно, признавая при этом стратегические интересы друг друга там, где это очевидно.

15. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Казалось бы, о брекзите (выходе Великобритании из Евросоюза) сказано всё или почти всё. Брексит превратился из экзотического термина в притчу во языцах. К его появлению в определённой степени европейцы были подготовлены другим явлением — грекзитом — едва не состоявшимся в 2015 г. выходом Греции из еврозоны.

Первая волна шока в Евросоюзе после британского референдума в июне 2016 г. прошла; началась вязкая позиционная борьба между Брюсселем и Лондоном с целью занять максимально выгодные переговорные позиции. Лишь в конце марта 2016 г. за подписью Т. Мэй в Брюссель поступило официальное письмо о намерении Соединённого Королевства выйти из состава ЕС. Но сами переговоры начались намного позже из-за неожиданного и плохо просчитанного решения Мэй провести досрочные выборы в июне того же года.

В чём-то трагедия брекзита для ЕС превращается в трагикомедию с учётом всей растерянности и неопределённости, которыми окружена эта тема, неуклюжими заявлениями членов британского правительства, в первую очередь Бориса Джонсона, министра иностранных дел. Но вряд ли кто-то будет смеяться последним. В проигрыше окажутся, и уже находятся, обе стороны — и Лондон, и Брюссель.

«Новый популизм» — протест среднего класса

Если уменьшить степень приближения воображаемого объектива фотокамеры и посмотреть на брекзит шире, то это явление становится частью более широкой картины событий. Во второй половине XX в. рыночное общество в развитых странах в значительной степени ушло от классовой политики и представлявших её массовых политических партий. В странах развитой индустриальной, а затем постиндустриальной экономики сложился партийно-политический консенсус, который в Западной Европе принял форму государства благосостояния. Соответственно менялись и партийно-политические системы, в которых центральное место заняли «универсальные партии» как лево-, так и правоцентристской природы. Универсальные партии, в отличие от своих предшественников, делавших ставку на определённый класс, стали бороться фактически за один и тот же электорат — средний класс, т.е. за самую большую категорию избирателей.

Социализация капитализма в XX в., в том числе благодаря конкуренции мира социализма и капитализма, принесла большие блага западным обществам. Однако после распада Советского Союза и биполярного мира стимул держать социальные диспаритеты под контролем ослаб. Образно говоря, капитализм стал подпиливать сук, на котором он сидел — благополучие среднего класса. Теперь в основном именно рассерженный средний класс, а не антиглобалисты, радикальные левые или правые, стал выступать против господствующей в последние 30 лет неолиберальной модели глобализации. Популизм в Европе, брекзит, феномен Трампа

и т. п. — проявление именно этой тенденции, хотя, конечно, существует масса местных особенностей.

Глобализация — объективный процесс, но модели глобализации — продукт системы глобального регулирования, которая рукотворна. Любая система устойчива, покуда выгоды, которые она приносит, превышают издержки её функционирования. Кризис 2008 г. и последующие события, ряд провальных военных авантур обозначили достижение неолиберальной системой глобального регулирования, в центре которой находится Евроатлантический регион, своих пределов. Входящие в него ведущие игроки начали борьбу за удержание своих позиций, занимаясь внешнеполитическим авантюризмом и обостряя отношения с геополитическими конкурентами.

Система устойчива, если способна к адаптации, приспособлению. В этом смысле рыночные отношения в своём неокейнсианском, точнее посткейнсианском воплощении, продолжают демонстрировать способность к регенерации. Однако неолиберальная модель глобализации, судя по всему, потеряла её. В результате мирового кризиса принятые решения и меры, в том числе в рамках «большой двадцатки», не смогли привести к снижению политических, социальных, экономических диспаритетов. Последние лишь выросли, а финансовая составляющая ещё больше оторвалась от реальной экономики.

Послевоенная финансовая архитектура мира остаётся в целом недостаточно реформированной, несмотря на происходящие принципиальные изменения в расстановке глобальных экономических и политических сил. Пока речь идёт не более чем о её косметическом

ремонте. «Секулярная стагнация» стала новой реальностью. В Западной Европе она приняла формы дефляции, политики жёсткой экономии, крайне низкого роста, масштабной структурной безработицы, суверенных долгов.

Столь популярный несколько десятилетий аутсорсинг промышленности был частью превращения развитых экономик в постиндустриальные, т. е. в экономики услуг. Одновременно была решена проблема назойливого для работодателя профсоюзного движения — одного из воплощений экономики спроса. Средний класс стал олицетворением зажиточного общества, общества потребления. Но тот же аутсорсинг и снятие барьеров на пути демонтажа механизмов защиты интересов работника обернулись в результате феноменами брекзита и трампизма — если упрощать — восстанием беднеющего среднего класса против политического истэблишмента, взращённого в эпоху «неолиберальной волны» в 1980–90-х гг. Её наиболее ярким воплощением стала идеология тэтчеризма. О растущих социальных диспаритетах в западном обществе, о вымывании покупательной способности среднего класса было известно уже давно; многие специалисты постоянно указывали на это со всё большей обеспокоенностью. Среди них — Джон Грей, Уилл Хаттон, Роберт Райх. Последний всесторонне анализировал эту ситуацию в книге 2010 г. «После шока», и затем в работе 2015 г. «Спасая капитализм»¹.

¹ Reich R. 1) Aftershock. The Next Economy and America's Future. New York: Knopf, 2010; 2) Saving Capitalism. For the Many, Not the Few. New York: Knopf, 2015.

Мир-системный анализ с его ядром — тезисом о центр-периферийных отношениях — всё меньше соответствует реальности на фоне развития полицентризма не только в сфере мировой политики, но и в сфере мировой экономики. Вероятно, если не путём рациональных умозаключений и очевидных выводов, то под нажимом вышедшей из-под контроля социальной и политической реальности, олицетворениями которой служат евроскептицизм и брекзит, популизм и трампизм, политическому истеблишменту в странах постиндустриальной экономики придётся меняться или уступать место новым политическим силам. Эти изменения, судя по всему, будут сопровождаться новой индустриальной политикой, частичным возвратом к классовому характеру партийно-политических систем, отказом от мегаинтеграционных проектов, восстановлением ряда элементов экономики спроса и усилением не декларативного, а реального внимания к социальному капиталу. Возможно, что одним из последствий данных процессов станет отход Запада от конфронтационной модели отношений с Россией. Но на это уйдёт в лучшем случае несколько лет.

Пока же положение дел в этом вопросе, включая сферу европейской безопасности, представляет собой удручающую картину. Система мер доверия, контроля, предотвращения дальнейшей милитаризации региона находится в дисфункциональном состоянии. Механизмы Совета России—НАТО пока так и не возобновили работу.

Повсеместно растут военные расходы. В Европе размещаются дополнительные военные подразделения, оснащённые тяжёлой боевой техникой. В первую

очередь новой милитаризацией затронута территория Прибалтики, Польши и Румынии. В воронку военной эскалации втягиваются всё новые страны. Новые иностранные (американские) базы создаются в Норвегии². Всё настойчивее звучат голоса тех, кто призывает пересмотреть нейтральный статус Финляндии и Швеции³. Кроме того, рыцари «новой холодной войны» продолжают призывать к расширению НАТО, как это, например, в очередной раз сделал в ноябре 2016 г. Дональд Рамсфельд⁴.

Растёт противостояние по линии противоракетной обороны, строится и вводится в эксплуатацию инфраструктура европейского компонента глобальной системы ПРО США. Стороны обвиняют друг друга в скрытом или явном нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Откуда исходит реальная угроза

Покуда ностальгирующие по холодной войне с Россией политики и военные разворачивают на восточном фланге НАТО новые танковые бригады, европейцев на улицах их городов продолжают убивать десятками и сотнями. На территории ЕС после недавних беспрецедентных актов террора в Париже, Брюсселе, Ницце,

² <http://tass.ru/politika/3746316> (дата обращения 12.08.2017).

³ Громько Ал. А., Плевако Н. С. О возможности вступления Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2. С. 13–16.

⁴ *Ramsfeld D. America's Vital Interests Are at Stake in Georgia // Financial Times. 2016. 22 November.*

Берлине, Манчестере, Лондоне и других городах Европы, очередной удар был нанесён по Испании; в городах Барселона и Камбрильс 17 августа 2017 г. от рук сторонников ИГИЛ погибли 14 человек.

Делают это не русские, а те, против кого русские борются с оружием в руках, в том числе с сентября 2015 г. в Сирии, — боевики сетевого трансрегионального движения под названием «международный терроризм». В целом же масштабную войну с международным терроризмом Россия ведёт с середины 1990-х гг., когда боевики стали совершать набеги на российские города за пределами Чечни в качестве актов устрашения. Запад же обратил внимание на это явление как на угрозу для себя лишь в 2001 г.

Терроризму в широком смысле этого слова столько же лет, сколько и истории человеческой цивилизации. Раньше в основном говорили о различных проявлениях внутригосударственного терроризма, как, например, в Испании или Великобритании, на Корсике или в Южном Тироле, но не о международном терроризме. Это достаточно новое явление, которому не более 25 лет. Это тип терроризма не связан ни с внутригосударственной борьбой, ни с национально-освободительной. У него иная природа — террор осуществляется не государством против отдельных личностей, их категорий или других государств, и не террористическими организациями против конкретных стран. Борьба идёт против определенной системы ценностей, образа жизни, идентификации, наконец, против определённой цивилизации. Ситуация усугубляется и тем, что международный терроризм нередко используют отдельные государства для выяснения отношений со своими конкурентами

и противниками; хрестоматийные примеры — связи иностранных спецслужб с боевиками на Северном Кавказе в 1990-х гг., использование аль-Каиды начиная с 1980-х гг. или так называемого «исламского государства» в последние несколько лет.

Для международного терроризма неважно, населению какой страны наносить ущерб, главное, чтобы мир воспринимался в чёрно-белом цвете. Для международного терроризма 99 % мира окрашено черной краской. Международный терроризм ещё в большей степени, чем деятельность, например, баскской ЭТА или Ирландской республиканской армии, нельзя победить исключительно военным путём. Главная опасность заключается в том, что идеология международного терроризма сидит глубоко в головах десятков, возможно, сотен тысяч человек по всему миру. Это можно называть доктринёрством или варварством, но многие верят в то, что делают, и стреляют в людей далеко не только за деньги, как не за деньги (по крайней мере, для себя лично) превращаются в живые бомбы.

В чём корни такой разновидности терроризма? Дело здесь далеко не в том, что кто-то беден, а кто-то богат. В данном явлении смешались причины внутренние и внешние. Международный терроризм неизбежен при сохранении нынешней модели глобализации, которая ведёт к усилению различного рода диспаритетов. Там, где социальное неравенство превышает определённые пределы, всегда найдутся люди, готовые вести борьбу нелегитимными средствами, в том числе террористическими. Но в международном терроризме виноваты примерно в равной пропорции как внешние причины, как и внутренние. Во многом то, что сейчас происходит

в мире, — это рукотворное явление, а не объективный процесс. В английском языке распространён термин «отрицание очевидного» (state of denial). На Западе мало кто признаёт, что внешняя политика ряда государств послужила одной из причин того, почему международный терроризм принял невиданные масштабы и формы.

Справиться с этой угрозой ни одна страна мира в одиночку не может. И даже в случае сплочения всего мирового сообщества против неё в ближайшее время решить проблему не получилось бы; на это потребуются годы. А ожидать такого сплочения, к сожалению, пока не приходится. Во-первых, потому что для многих ведущих государств мира международный терроризм ещё не превратился в экзистенциальную угрозу. Даже для тех европейских стран, где от рук террористов в последние годы гибнут люди. Если бы это было не так, то Берлин, Париж и другие столицы стран — членов НАТО прекратили бы продвигать или потворствовать мифу об угрозе с Востока. Значит, там считают, что в их системе приоритетов и рисков международный терроризм стоит на высоком месте в шкале наиболее опасных вызовов, но не является главным. В риторике Д. Трампа, казалось бы, необходимость совместных с Россией усилий по борьбе с терроризмом была признана. Однако на практике американский политический истеблишмент продолжает рассматривать Россию — объективного союзника США в этой борьбе — как своего главного геополитического соперника. Во-вторых, очаги международного терроризма расположены на большом удалении от стран «ядра» неолиберальной модели глобализации. Костяк международного терроризма составляют несколько десятков тысяч человек, которые

сконцентрированы в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, Йемене. Для США в этом смысле международный терроризм — крайне опасное явление, но всё же сосредоточенное на другом конце земного шара.

Навязанное России противостояние на основе идеи «новой холодной войны» продолжает нагнетаться. Но происходит это не только в реальном, но и в воображаемом измерении. Политический истеблишмент Прибалтики упорно настаивает на своей версии, что Россия со дня на день вторгнется в расположенные здесь страны. В Литве в октябре 2016 г. была распространена инструкция по диверсионной работе на случай новой «оккупации». На этом фоне продолжалась дискриминация русскоязычного населения. В Латвии сейм принял поправки к закону об образовании, вводящие понятие лояльности педагогов государству⁵. Теперь любое образовательное и культурное сотрудничество с Россией становилось поводом для подозрения в антигосударственной деятельности.

Ментальная эскалация подстёгивалась и на наднациональном уровне. Резолюция Европарламента по «противодействию пропаганде третьей стороны» стала одним из выдающихся примеров всякого отсутствия правил приличия⁶. Фактически вражескими объявлены Россотрудничество, фонд «Русский мир», телеканал “Russia Today”, агентство «Спутник». С таким же успехом в России могли бы обвинить в подрывной

⁵ <https://ria.ru/world/20161123/1482015150.html> (дата обращения 10.10.2017).

⁶ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P8-TA-2016-0441+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения 10.10.2017).

деятельности Институт Гёте и немецкие политические фонды, испанский Институт Сервантеса, итальянский Институт Данте и т. д. И точно так же эти обвинения были бы абсурдными. К сожалению, такого рода документы появляются не только во властных структурах ЕС, но и в серьёзных национальных исследовательских центрах. (Таким, например, стал материал «Агенты русского мира», изданный лондонским Королевским институтом международных отношений (Чатэм хаус) в апреле 2016 г.⁷) Надо отметить, что за вышеуказанную резолюцию, которая не носила обязывающего характера, проголосовало меньше половины членов Европарламента — 304, 179 депутатов высказалось против и 208 воздержались. Эти цифры свидетельствуют, что масштаб антироссийских настроений имеет свои пределы даже в их эпицентре.

Глобальная стратегия ЕС

Большое значение для понимания дальнейших путей движения Евросоюза имеет Глобальная стратегия, обнародованная Ф. Могерини в июне 2016 г.⁸ Это амбициозный документ, предусматривающий превращение ЕС в полноценного глобального игрока в сфере политики и безопасности. В чём-то, однако, он устарел, едва появившись на свет. Так, очевидно, что тема «брекзи-

⁷ *Lutsevych O.* Agents of the Russia World. Proxy Groups in the Contested Neighborhood. Chatham House Research Paper. 2016. April.

⁸ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe // A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. June. <http://europa.eu/globalstrategy/en> (дата обращения 10.10.2017).

та» была инкорпорирована в текст в последний момент, но без проработки того, как это скажется на будущем организации. Коренное изменение ситуации с Трансатлантическим торговым и инвестиционным соглашением после избрания Д. Трампа вовсе не нашло отражения в документе.

Ряд тезисов Стратегии, безусловно, представляют интерес. Впервые в официальном документе ЕС заявлено, что система глобального управления требует не ремонта, а трансформации. Неожиданно от Брюсселя услышать и о том, что «европейская модель» необязательно пригодна для экспорта, и что взаимодействие с другими проектами региональной интеграции может принести обоюдную пользу. Глобальная стратегия менее идеологизирована, чем другие установочные документы ЕС; введено понятие «принципиального прагматизма». Один из её рефренов — тезис о «стратегической автономии», подразумевающий большую внешнеполитическую самостоятельность ЕС от Вашингтона. Поддержки заслуживает последовательный акцент на центральной роли ООН в системе глобального управления.

Вместе с тем, Глобальная стратегия в ряде своих пунктов не может не вызывать беспокойства у внешних игроков. Стремление ЕС к наращиванию собственной военной идентичности, за скобки которой выносятся геополитические интересы США, а теперь и Британии, должно принести ему в будущем дивиденды. Но появление дополнительного военного потенциала в Западной и Центральной Европе, помимо НАТО, безусловно, будет учитываться в военном планировании РФ. Установка Стратегии на то, что «мягкой силы не достаточно», может иметь последствия и для репутации всего

интеграционного проекта. Долгие годы евростроители использовали тезис о первенстве «мягкой силы» в отношениях ЕС с внешним миром для обоснования привлекательности и уникальности этой организации. Теперь же оказалось, что то ли внешний мир слишком опасен, чтобы для его трансформации Евросоюзу было достаточно «мягкой силы», то ли сам ЕС в своё время преувеличил свою способность решать внешние проблемы с помощью пряника.

Наиболее проблемная сторона Глобальной стратегии заключается в том, что Россия объявлена в ней «ключевым стратегическим вызовом», а «европейский порядок безопасности» приравнен к порядку безопасности исключительно Евросоюза. Раздел документа об отношениях с Москвой наименее стратегический из всех других. Помимо прочего, в нём пространно изложена идея «стрессоустойчивости» регионов соседства ЕС. Конечно, и для Москвы важно, чтобы окружающие её государства были дружественными и стабильными. Но, с точки зрения Брюсселя, «стрессоустойчивость» соседей означает, среди прочего, поддержку гражданских обществ в странах с проблемными, по его мнению, политическими режимами. Заявлено, что цель такой поддержки — обеспечить «подотчётность власти». Не надо обладать богатым воображением, чтобы без труда рассмотреть в концепции стрессоустойчивости соседей ЕС «старого знакомого» — перелицованное Восточное партнёрство с его стремлением оказывать влияние на общественное мнение определённой страны извне для изменения её политики. Можно себе представить, какой критике подверглась бы Россия, если, например, в её концепции внешней политики записали бы что-то

похожее в отношении влияния на общественное мнение стран — членов ЕС.

Уход из жизни в ноябре 2016 г. легендарного Фиделя Кастро стал ещё одним символом превращения XX в. в историю. Новая политическая реальность в Европе и США продолжает формироваться. Брекзит и победа Д. Трампа — её проявления. Не менее популярный, чем нынешние лозунги популистов, термин «постправда» подходит к описанию растерянности старого политического истеблишмента в отношении его ближайшего будущего, в отношении воззрений, которые ещё недавно казались незыблемыми. Идущее переформатирование коллективного Запада предоставляет его влиятельным игрокам возможность пересмотреть установку на конфронтацию с Россией.

16. «Новый популизм» и становление ПОСТБИПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В памяти живущих поколений 2016 г. останется как один из наиболее трудных в современной истории Европы. В этом несомненна драматичная преемственность с его предшественниками. Во всей полноте это относится к странам Европейского союза, количество которых ещё более двух лет будет оставаться прежним — 28. Несмотря на исход британского референдума о брекзите, на практике и почти во всём формально ЕС продолжает функционировать по устоявшимся лекалам. Это не отменяет того факта, что ребром поставлен вопрос о будущем регионального объединения. В чём-то решение накопившихся проблем продвинулось вперёд (например, создано Европейское агентство пограничной и береговой охраны). Однако во многом стратегическое и тактическое «оцепенение» проекта продолжилось, несмотря на широко растиражированную Глобальную стратегию ЕС¹. Что бы ни принёс новый год и последующий период, Европа оказалась перед лицом грозных вызовов. И политический далеко не центральный среди них в долгосрочной перспективе, в отличие, например, от демографического. В начале XX в. европейцы

¹ The EU Global Strategy. A View from Russia. Report of IE RAS. January 2017. <http://instituteofeurope.ru/images/news/30/IERASReportJanuary2017.pdf> (дата обращения 10.10.2017).

составляли четверть населения Земли; сегодня доля жителей ЕС — 8% при прогнозе дальнейшего её снижения до 5% к 2050 г.²

Закат «либерального мирового порядка»

Надежды на то, что всё вернётся на круги своя, т. е. к докризисной ситуации, и возобновится «бизнес как обычно», не оправдались. За кулисами Евросоюза обостряется столкновение интересов, множатся подходы к его дальнейшему развитию. Брекзит и победа Д. Трампа запускают процесс изменений в раскладе политических сил внутри интеграционного объединения. Оба события — не одномоментные и не изолированные. Тот же брекзит — не просто островное явление, а проявление общих внутренних диспаритетов в развитии ЕС. Выход из его состава Соединённого Королевства, как открыто говорится в исследовании, проведенном по заказу комитета Европейского парламента по конституционным вопросам, может стать болезненным шоком для европейского интеграционного проекта. Причины брекзита не ограничиваются особенностями Британии, распространяясь на другие государства-члены³.

Перечень рисков, угрожающих Евросоюзу, остаётся длинным: загнанный вглубь кризис суверенного долга

² *Juncker J. C.* 2017 — A make or break year for Europe / Europe is an anchor of stability in a changing world. www.politico.eu/wp-content/uploads/2017/01/Juncker2017oped.pdf (дата обращения 31.01.2017).

³ *Cremades M. T., Novak P.* Brexit and the European Union: General Institutional and Legal Considerations. Study for the AFCO committee, European Parliament. PE 571.404. 2017. January. P. 45.

Греции, шаткое экономическое положение стран европейской «периферии», но не только (например Франции), остаточные элементы рецессии и в целом депрессивные темпы экономического роста («секулярная стагнация»), неконтролируемая миграция и поддержанное Польшей обращение Венгрии и Словакии в Суд ЕС о законности решения по распределению миграционных квот, дальнейшее усиление популистских и евроскептических настроений, резкое ухудшение ситуации в сфере внутренней безопасности ЕС, антироссийский курс и др.

Всё более явные очертания обретает проблема внутриевропейского сепаратизма. В свете программного выступления премьер-министра Британии Т. Мэй, заявившей о намерении покинуть ЕС по жёсткому сценарию (выход из единого рынка и таможенного союза), она получает особую актуальность⁴. Несмотря на неблагоприятные для шотландских националистов результаты внеочередных всеобщих выборов в Великобритании в июне 2017 г., сохраняется возможность повторного референдума о независимости Шотландии. Парламент испанской Каталонии продолжает повышать ставки в конституционном противостоянии с Мадридом, поручив региональному правительству провести референдум о независимости осенью 2017 г. Жёсткие действия испанской полиции в октябре по пресечению сомнительных с точки зрения Мадрида акций сторонников независимости Каталонии только подлили масла в огонь.

⁴ The government's negotiating objectives for exiting the EU: PM speech. 2017. 17 January. Lancaster House, London.

Избрание нового президента США поставило перед государствами и организациями Старого Света острые вопросы. Д. Трамп, с точки зрения брюссельского лексикона, относится к категории евроскептиков и более того — к критикам неолиберальной модели глобализации, царившей в мире после окончания холодной войны. В этом он пошёл, благодаря поддержке половины жителей своей страны, против того, что оставалось от межпартийного консенсуса демократов и республиканцев. Политическая поляризация в США достигла новых высот ещё при Б. Обаме, однако была не столь ярко выраженной во внешнеполитической сфере. Шаблон последней, по мнению Бена Родса, заместителя советника президента по национальной безопасности, сложился в 1990—2002 гг.: «Мы могли провести через Совет Безопасности ООН всё, что хотели, за небольшим исключением. Откровенно говоря, мы могли вмешиваться во внутренние дела других государств разными способами. Мы могли полагаться на то, что Россия не будет противиться расширению НАТО. У нас было в запасе время, прежде чем Китай начнёт оказывать влияние на ситуацию вдоль своих границ»⁵.

Трамп не проявляет желания автоматически поддерживать сложившуюся идеологию и практику отношений ни с Евросоюзом, ни в рамках НАТО. Он отказался от абсолютизации идеи о свободной торговле и вывел свою страну из соглашения о Транстихоокеанском торговом партнёрстве (ТТП). Практически нет шансов на возобновление в обозримом будущем и переговоров

⁵ *Rhodes B.* A dust-up with the Iranians or the Chinese could get out of hand very fast // Politico. 2017. January 19. P. 16.

по заключению трансатлантического инвестиционно-го и торгового партнёрства (ТТИП). Критики Трампа, правда, забывают, что с надеждами на ратификацию ТТП расстался ещё Б. Обама, а переговоры по ТТИП увязли в противоречиях задолго до прихода нового президента к власти. Во многом он обнажил и озвучил те разногласия, которые накапливались в евроатлантическом регионе при его предшественниках.

Коллективный Запад: изменения в расстановке сил

События 2016 г., увенчанные исходом президентских выборов за океаном, вновь стимулировали дискуссию о будущем мирового порядка и соответственно места Европы, точнее различных её частей, в нём. Визит в январе 2017 г. Т. Мэй в США по приглашению Д. Трампа, её выступление на республиканской партийной конференции в Филадельфии показательны в этом отношении. Британский премьер сделала всё возможное, по крайней мере с помощью ораторских приёмов, чтобы вдохнуть новую жизнь в концепцию «особых отношений» Великобритании и Соединённых Штатов. Более того, она заявила, что союз этих двух государств должен взять на себя лидерство в современном мире. О Евро-союзе в этом контексте не было сказано ни слова⁶.

Ось Вашингтон—Лондон, делающая ставку на руководство глобальным управлением, — не завуалированный вызов амбициям других претендентов на эту роль,

⁶ Prime Minister's speech to the Republican Party conference 2017. 26 January 2017, Philadelphia.

в том числе Брюсселя. Последнему остаётся успокаивать себя тем, что многое в последних выступлениях Т. Мэй следует признать чистой риторикой. Так, вряд ли можно серьёзно относиться к изобретённой на Даунинг-стрит концепции «глобальной Британии», которая, сбросив оковы ЕС, якобы устремляется к высотам мирового лидерства. Лондону также не следует забывать о том, что именно Д. Трамп поставил под вопрос востребованность идеологии глобального лидерства Америки. На деле действия этих двух стран ведут к дальнейшему нарастанию центробежных процессов внутри коллективного Запада, что, надо отметить, больше соответствует объективному положению дел в мире, чем неолиберальная идеология старых политических элит США и Западной Европы.

В этой ситуации Евросоюзу не остаётся ничего иного, как найти в себе силы, чтобы на деле предпринять попытку стать самостоятельным субъектом международных отношений с автономной политикой в области безопасности и обороны. В этом смысле Глобальная стратегия Могерини падает на благодатную почву. Парадоксально, но политическое взросление ЕС теперь может получить стимул в ситуации, во многом противоположной обстоятельствам первой половины прошлого десятилетия. В 2003 г. Париж и Берлин пошли наперекор Вашингтону в иракском вопросе, но в последующие годы и уже при новых лидерах вновь встроились в традиционный формат «ведущего и ведомого» во взаимодействиях с США. В полной мере это отразилось на ситуации вокруг Украины и в антироссийских санкциях. Теперь же сам Вашингтон заявлениями Трампа отталкивает от себя континентальных союзников в Европе. С одной стороны, это приводит традиционные

политические элиты Старого Света в смятение, но, с другой, подталкивает их к тому, чтобы брать на себя ответственность за часть мирового пространства.

Неизбежность переформатирования мирового порядка предрешена; оно активно происходит на наших глазах. Всё труднее отрицать факт утраты монополии коллективного Запада на глобальное управление, в частности из-за нарастания его внутренней неоднородности и структурных проблем. Эта ситуация только усугубляет дезориентацию в ЕС. Брекзит, разномастные популистские движения, замешанные на евроскептицизме, тянут Союз в направлении укрепления межгосударственного начала интеграционного проекта. В то же время брюссельская бюрократия и наднациональные структуры организации делают всё возможное, чтобы противопоставить этой тенденции дальнейшие федеративные, коммунитарные инициативы. Их наиболее ярким проявлением стала Глобальная стратегия и постепенный, но поступательный перевод её в практическую плоскость на саммитах Европейского совета. Так, главы государств и правительств стран — членов ЕС в декабре 2016 г. дали ход разработке плана действий в области европейской обороны и созданию фонда европейской обороны⁷. В этой связи дальнейшее развитие получает принцип «постоянного структурированного сотрудничества» в рамках Европейской политики безопасности и обороны — иными словами, узаконенная возможность для стран — членов ЕС следовать по пути «много-скоростной интеграции».

⁷ European Council meeting (15 December 2016) — Conclusions. Brussels, 15 December 2016. EUCO 34/16. CO EUR 10 CONCL 5.

Что больше всего волновало граждан Евросоюза в 2016 г.? Согласно исследованию работающего при Европейской комиссии Центра политической стратегии, наибольшее беспокойство европейцев второй год подряд вызывает проблема иммиграции (в 2012 г. в «перечне страхов» она находилась на пятом месте)⁸. За ней следует терроризм (в 2012 г. — лишь на седьмом месте), затем ситуация в экономике, состояние государственных бюджетов, безработица и т. д. К последним трём проблемам европейцы, в отличие от взрывного роста озабоченности по поводу иммиграции и терроризма, стали относиться спокойнее. Во-первых, это отражение того, что экономическая рецессия осталась позади и ВВП ЕС три последних года медленно, но увеличивался (расчёты на 2016 г. — 1,8%, прогноз на 2017 г. — 1,9%). Во-вторых, безработица, опять же медленно, но идёт на спад, хотя для возрастной группы до 25 лет составляет неприемлемые 18,8%.

Однако ряд фундаментальных показателей не дают оснований для оптимизма. Так, инвестиции в ЕС до сих пор находятся на уровне значительно ниже предкризисного. «Плохие» (невозвратные) кредиты, например в государствах — членах европейской периферии⁹, в три раза превышают уровень 2008 г. Спасение государствами своих финансовых институтов привело к резкому росту суверенных долгов (порядка 85% в целом по ЕС).

⁸ EU 2016. From Trends to Politics. European Commission. European Political Strategy Centre (EPSC).

⁹ Италия, Мальта, Греция, Португалия, Испания, Кипр.

* * *

И всё же над всеми перечисленными неурядицами возвышается проблема популизма как новой нормальности в развитии партийно-политических систем. Речь идёт о разновидности нового популизма, во многом отражающего настроения опорного электората общества благосостояния, сложившегося во второй половине XX в. в развитых индустриальных, а затем и постиндустриальных государствах. Прогрессировавшая все последние годы дифференциация в доходах западного среднего класса, расслоение, обеднение его нижних слоёв находит теперь выражение в грозных для традиционных моделей развития феноменах брекзита, трампизма, в разрушении «заливочных форм» политического процесса в европейских странах и США.

С этими явлениями тесно связаны события на мировой арене. Мир после окончания эпохи биполярности долгое время находился в состоянии транзита от одной модели международных отношений к другой. Похоже, что этот транзит подходит к концу, и мы наблюдаем переход мировой политики в новое качество. С ускорением центростремительных процессов внутри коллективного Запада полицентризм продолжает укреплять свои позиции. Такое развитие событий не означает автоматической стабилизации расшатанной системы международного права и глобального регулирования. Однако появляется больше потенциальных возможностей, используя взаимодействие ведущих региональных и глобальных центров силы и влияния, найти ответы на наиболее острые вопросы, поставленные историей после окончания холодной войны.

Эпилог. Дилеммы универсальности и уникальности

Кризис Евросоюза: внутренние и внешние факторы

Теория и практика региональной интеграции во второй половине XX в. превратилась в специализированную междисциплинарную область исследований. По меркам истории науки, включая европеистику, эта отрасль знания молода. Процесс генезиса, становления и развития Европейского экономического сообщества / Европейского союза во многом стал её стержнем. Конечно, изучение региональной интеграции не сводится только к этим объектам исследований. Однако длительное время именно они играли роль локомотива научных изысканий в этой области.

Ни один регион мира не миновали интеграционные процессы. Некоторые из региональных моделей в той или иной степени обзавелись наднациональными элементами, в том числе Евразийский экономический союз. Очевидно, что далеко не каждую межгосударственную организацию можно рассматривать в качестве примера региональной интеграции. Многие из них носят международный характер, а небольшая часть — практически универсальный, в первую очередь Организация Объединённых Наций. Причём и такие объединения могут иметь элементы наднациональности. Так, в ООН ими обладает Совет Безопасности.

Почти все примеры региональных интеграций представляют собой объединения, в которых принцип межгосударственных отношений доминирует. Существует лишь

одно исключение — Европейский союз, в котором наднациональные элементы в ряде сфер стали преобладающими. Встаёт вопрос: если это исключение, то обоснованно ли утверждение о том, что ЕЭС / ЕС в качестве объекта научных изысканий играет роль локомотива в исследованиях региональных интеграций? Ответ может заключаться в том, что до недавнего времени ЕЭС / ЕС, по крайней мере, в европеистике как части региональных исследований, воспринимался скорее как образец, а не исключение.

Только в последнее десятилетие западноевропейская модель интеграции стала рассматриваться в терминах уникальности и неповторимости. Именно западноевропейская, несмотря на её последующее распространение на другие субрегионы Европы. Во многом этот тезис можно обосновать тем, что те принципы и критерии, на основе которых в 1957 г. был запущен интеграционный процесс в Риме с последующими волнами расширения в период с 1973 по 1995 г., в полной мере были применимы для государств Западной Европы (с определёнными допущениями — для Испании, Португалии и Греции). Один из центральных принципов, помимо сравнимого уровня политического и социально-экономического развития — вступление в евроинтеграционный процесс с полноценным осознанием императива «всё более тесного союза», заложенного в договоре о создании ЕЭС (амбициозность декларации Шумана 1950 г. с идеей «европейской федерации» была ещё выше)¹. Исключением, пожалуй, оказалась лишь Великобритания,

¹ Среди исследований данного императива см.: *Dinan D. Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. 3rd edition. Lynne Rienner, 2005.*

которая никогда всерьёз этот императив не воспринимала. Помимо существенных социально-экономических, политических и исторических отличий целеполагание многих государств, вступивших в ЕС в 2004 г. и позже, было также иным, как, впрочем, и отношение к новичкам со стороны старожилов.

Уникальность западноевропейской модели интеграции проявилась в целом ряде обстоятельств. Во-первых, это среда политического мышления и политической философии, созданная исторической атмосферой двух мировых войн, эпицентром которых была Европа. Другими словами, наличие наряду с меркантильными соображениями миссии, которая позже получила воплощение в концепции «европейской мечты». Во-вторых, условия холодной войны и биполярного мира, которые играли роль катализатора интеграционных процессов на западе континента. В-третьих, наличие полицентричного и достаточно равновесного ядра интеграции в лице шести государств — основателей ЕЭС. В-четвёртых, возможности для расширения, которое до начала XXI в. носило в целом органический характер, но затем натолкнулось на «естественные границы» — фактор, хорошо известный по истории империй (перенапряжение сил), как и в теории, так и на практике систем управления. Территориальное исчерпание миссии получило в Европейском союзе название «усталость от расширения».

Очевидная невоспроизводимость обстоятельств зарождения и развития западноевропейской интеграции в других регионах мира, а также каскад кризисных явлений в ЕС, обрушившийся на него со времени конституционного кризиса 2005 г., снизили статус

западноевропейской модели до одной из многих. Осознание этого произошло и в умах самих евростроителей. Не случайно в Глобальной стратегии ЕС, обнародованной в июне 2016 г., признаны пределы воспроизводства этой модели и содержится тезис о взаимном обогащении различных региональных моделей². Это означает, что Евросоюз перестаёт быть примером для подражания, трафаретом для создания своих репликантов в других частях мира.

Невоспроизводимость модели не означает, что она не может обладать привлекательностью. Многое из накопленного опыта тех или иных интеграционных проектов, как положительного, так и отрицательного, служит для выстраивания и развития других объединений. Концептуальная и законодательная база Евразийского экономического союза, почерпнувшая многое из наследия ЕЭС/ЕС, — один из таких примеров. Но формат взаимодействия преобразуется в пользу выборочного, точечного использования его отдельных элементов.

Можно возразить, что трудности, с которыми столкнулся Евросоюз, — текущие и преходящие, что после того, как они будут преодолены, он вновь выйдет на устойчивую кривую роста. А значит, вновь утвердится как образец. На той же чаше весов — представление об истории европейской интеграции как о череде кризисов, которые в итоге приводили к её продвижению вперёд. Такие рассуждения сродни дискурсу о природе мирового экономического кризиса, начавшемуся в 2007 г. в США. Глобальная экономика до сих пор живёт в тени воспоминаний о нём, а его отзвуки

² Англ. — reciprocal aspiration.

могут оказаться не затухающим процессом, а предтечей новой волны экономических бед. Ряд экономистов изначально посчитали, что, если мировой кризис и не циклический, то не более чем структурный. Другие заявили о его системной природе, следовательно, о необходимости капитального, а не косметического ремонта мировой экономической и финансовой архитектуры. Многие говорят в пользу последней точки зрения. В частности, несистемность кризиса предполагает, что система сохраняет и демонстрирует способность к самообновлению, регенерации, адаптации. Неспособность существующей системы решить даже такой частный вопрос, как перераспределение национальных квот в Международном валютном фонде, говорит об обратном.

Симптомами системности кризиса ЕС служат и его многослойность, брекзит и в целом явление «нового популизма» в Европе, провал политики соседства как на южных, так и на его восточных рубежах, заявленный концептуальный отказ от опоры в общей внешней политике на принцип «мягкой силы», очевидные пределы территориального расширения организации вкупе с обострением разногласий относительно методов углубления интеграции и др. Особняком стоит проблема источника кризисных явлений. Если их природа периферийна, то риски для системы невелики. Другое дело, если речь идёт о сбоях в ядре системы. Именно это произошло в ЕС в 2005 г., когда две страны — основательницы ЕЭС (Франция и Нидерланды) торпедировали проект Европейской конституции. После 2008 г. вновь некоторые составляющие ядра, как и первых «напластований» на нём в лице участников расширений

1970—1990-х гг., оказались эпицентром экономического кризиса (Британия) или в категории «европейской периферии», другими словами — слабых звеньев еврозоны (Италия, Испания, Греция и даже Франция).

Конечно, дело не только во внутренних проблемах ЕС. Не менее негативное значение имеют и внешние факторы. Евросоюз до сих пор был встроен в модель глобализации, которую в западной политической науке принято называть «либеральным международным порядком». В действительности речь идёт о смешении двух понятий — системы глобального регулирования и новейшей финансово-экономической стадии глобализации (гиперглобализации). Первое понятие относится к тем из институтов глобального управления и регулирования, выстроенных в первые десятилетия после Второй мировой войны, которые обслуживали главным образом интересы США и их союзников. Второе — к явлению, формирование которого приняло форму «неолиберальной волны» только в 1980—1990-х гг.

Долгое время государства ЕЭС / ЕС, как и организация в целом, выигрывали от того, что в обоих случаях принимали самое активное участие в этих процессах. Однако тон в них задавали не Берлин, Париж или Рим, а Соединённые Штаты и Британия. Например, олицетворением «неолиберальной волны» стали рейганомика и тэтчеризм. Но по мере того, как эти в целом внешние для ЕС факторы вырабатывали свой ресурс, они превращались из стимулов в обузу. Надо отметить, что ЕС не был исключительно пассивным наблюдателем такого положения вещей — например, была создана евровалюта как конкурент доллара. Другие события, такие как брекзит, не были делом рук ЕС, но фактически служили

ему на пользу, предоставляя бóльшую свободу действий в области федерализации.

Источником системности кризиса в ЕС стал и ренессанс концепции национального государства в начале XXI в. Политическая философия западноевропейской интеграции до недавнего времени предполагала постепенное отмирание функций государства-нации в пользу федеративного измерения интеграции и её наднациональных структур. Однако череда событий в виде конституционного кризиса, брексита, нового популизма в Европе и США демонстрирует, что этот процесс прерван. «Развод» с Британией вряд ли вернёт в повестку дня идею размыывания государства-нации, хотя и даст ЕС возможность достроить ряд таких наднациональных элементов в его архитектуре, как фискальный, банковский союзы, даже, возможно, создать элементы оборонного союза.

Если модель Евросоюза невозможно репродуцировать в других регионах мира, то трудно ожидать, что изучение ЕЭС / ЕС будет и дальше служить локомотивом в исследованиях региональной интеграции. Переставая быть трафаретом и образцом для подражания, эта модель, вероятно, сохранит своё значение в первую очередь для Европы и шире — для интеграционных проектов в Евразии.

Трудный путь к Римской декларации

2017 г. вновь поставил вопрос о будущем Европейского союза. В Риме 25 марта главы государств и правительств его 27 стран-членов собрались на празднование 60-летия европейской интеграции и подписания

Римских договоров. 60 лет это большая часть человеческой жизни. Жизнь каждого наполнена многочисленными событиями, которые окрашены в разные цвета. У европейской интеграции история не менее многогранна.

В России многие памятные события в 2017 г. находятся в тени 100-летия Русской революции. Не случись она, Россия была бы другой, какой — неизвестно, но другой. Во многом другими были бы Европа и мир. Декларация Р. Шумана 1950 г., последующее создание Европейского объединения угля и стали, Римские договоры, дальнейшие стадии развития ЕЭС, а затем ЕС, также во многом до неузнаваемости изменили Западную и Центральную Европу.

Русская революционная тематика перекликается с историей европейской интеграции последних 60 лет. Если не революционным, то как ещё можно назвать кардинальное изменение положения дел, например в отношениях между Францией и Германией, которые после 1945 г. пережили историческое примирение. Оно стало возможным из-за ужасов Первой и Второй мировых войн, очагом которых оба раза была Европа. Но то был фактор страха и его вряд ли оказалось бы достаточно, чтобы коренным образом переломить ситуацию в отношениях между ведущими западноевропейскими государствами. Вторым фактором стало создание механизмов и институтов, способствовавших и цементирувавших примирение: вначале ЕОУС, затем, в 1957 г. — ЕЭС и Евратом и, наконец, с 1992 г. — Евросоюза. Нельзя не отметить, что по иронии судьбы именно г. Маастрихт в Нидерландах стал одним из электоральных оплотов Герта Вильдерса, лидера крайне правой партии Свободы, жёсткого евроскептика.

Последнее десятилетие в очередной раз подтвердило, что история Евросоюза — это история кризисов. Но есть и существенное отличие. Раньше кризисы западноевропейской интеграции рассматривали через призму «созидательного разрушения», а не как угрозу всему проекту. Но каскад кризисов, обрушившихся на Евросоюз с 2005 г., т. е. начиная с кризиса конституционного, поставил вопрос о будущем объединения, о том, выживет ли оно в таком виде, в котором мы его знаем и к которому привыкли как к объекту исследований.

Одни скажут, что 60-летие ЕС — это больше, чем юбилей; что он подводит черту под всей его предыдущей историей. И аргумент здесь ясен — брекзит, беспрецедентное событие — выход страны-члена из состава организации. Причём это не рядовой член: вторая по величине экономика, ведущая военная сила, член СБ ООН и ядерная держава. Действительно, крайне неудачное совпадение — в год празднования 60-летия началась процедура «развода» с Великобританией. И интрига здесь уже почти исчерпана, но всё же далеко не до конца. Брексит преподнесёт ещё немало сюрпризов.

В марте 2017 г. палата общин и палата лордов британского парламента завершили законодательный «пинг-понг»: билль о брекзите был утверждён в первоначальном виде, т. е. в редакции правительства. После этого законопроект поступил на ратификацию британскому монарху. Затем подписанное Терезой Мэй уведомление о выходе из ЕС поступило в Брюссель. Сделанная пауза была вызвана двумя причинами: нужно было дать состояться парламентским выборам в Нидерландах, которые прошли 15 марта, и дожидаться завершения юбилейного саммита в Риме 25 марта.

Всё внимание общественности было сосредоточено на ст. 50 Лиссабонского договора, которая определяет общие контуры выхода страны-члена из состава ЕС. Но не меньшее, а по сути большее значение имеет другая статья — 218, которая регулирует заключение соглашений между ЕС и третьими сторонами. Эти две статьи основываются на разном процедурном фундаменте, что сильно осложняет стремление Лондона вести переговоры с Брюсселем одновременно и о «разводе», и о будущем формате двусторонних отношений.

Мишелю Барнье, главному переговорщику ЕС по брекзиту, был выдан мандат на ведение переговоров от имени Брюсселя на основании ст. 50 с возможностью затрагивать вопросы будущих контуров отношений. Важно и то, что для утверждения соглашения о «разводе» предусмотрено квалифицированное большинство голосов стран-членов, а соглашение с третьими странами (каковой Британия станет после брекзита) нуждается в консенсусе 27. С другой стороны, одобрение Европарламента соглашения о выходе государства-члена необходимо, тогда как модальности отношений с третьими странами согласно ст. 218 этого в ряде случаев не требуют.

Однако другие скажут, что 60-летие ЕС в такой обстановке — не причина для паники, что спешить с оценками рано, и по-своему они будут правы. ЕС и в составе 27 членов по-прежнему представляет собой самый большой, наравне с США, единый рынок на планете. ЕС остаётся региональным тяжеловесом и выборочно — глобальным игроком.

Весь вопрос в том, остановятся ли центробежные силы на Соединённом Королевстве, или увлекут в свой

водоворот другие страны, а вместе с ними и саму организацию? Сама Британия может не избежать этой участи, ведь её действия приводят не только к частичной дезинтеграции ЕС, но могут разрушить и её собственное единство. В марте 2017 г. шотландский парламент перешёл от слов к делу и проголосовал за проведение второго референдума о независимости в период с осени 2017 до весны 2018 г.

Крайности в оценке ситуации не на пользу взвешенному анализу. Апологеты Евросоюза ошиблись, когда в первой половине прошлого десятилетия пели ему панегирики, пророчествуя мировое лидерство в XXI в. Они сослужили ему плохую службу, оказали медвежью услугу своими чрезмерно оптимистическим прогнозами. Ведь политический истеблишмент ЕС искренне поверил в неизбежность такого лидерства. Ошибаются и те, кто произносит Евросоюзу одни филиппики. Безусловно, эта организация ещё обладает запасом прочности, и большинство стран, в неё входящих, знают, что потеряют от её распада больше, чем приобретут.

Даже если пессимистические прогнозы о последствиях брекзита для Британии не сбудутся или сбудутся частично, другой Британии в ЕС нет, и повторить эту мёртвую петлю Нестерова вряд ли ещё кому-то под силу без «риска для жизни». Таким образом, ничего не предопределено ни для еврооптимистов, ни для евроскептиков. Дальнейший ход событий будет зависеть от правильности или ошибочности принятия решений и качества регионального и государственного управления. Шансы есть и у противников, и у сторонников ЕС. И не потому что оба лагеря имеют возможности манипулировать электоратом, дело в другом: по обе стороны

баррикад политики опираются на поддержку многочисленных категорий населения. Там же, где действует закон больших чисел, случайностей не бывает.

Иными словами, своя правда есть и у почитателей ЕС, и у его хулителей. В этой сложной ситуации многое зависит от того, будут ли правящие политические силы усугублять дальнейшую поляризацию населения, обвиняя своих оппонентов во всех смертных грехах. Иной путь — понять сущность евроскептицизма, адаптироваться самим и адаптировать национальные партийно-политические системы к новым социальным ожиданиям и требованиям, модернизировать политический процесс.

Неформальный саммит в Риме 25 марта 2017 г. в формате ЕС-27, т. е. без Британии, был проведён далеко не впервые. Такой формат использовали в сентябре 2016 г. в Братиславе, затем в феврале 2017 г. на Мальте. Его применили 29 апреля на чрезвычайном заседании, состоявшемся ровно месяц спустя после официального уведомления Терезы Мэй в адрес Д. Туска о задействовании ст. 50 Лиссабонского договора. Параллельно Британия продолжает, до момента своего выхода из ЕС, оставаться полноправным участником официальных саммитов ЕС-28 — заседаний Европейского совета как высшего органа управления Евросоюзом.

Механизм управления ЕС на уровне его высшего эшелона этим не ограничивается. Существует традиция мини-саммитов с участием грандов организации. Например, встреча подобного рода прошла 6 марта 2017 г. в составе новой «большой четвёрки» в свете «развода» с Британией: в Версаль съехались лидеры Германии, Франции, Италии и Испании. Регулярно на высшем уровне встречаются

страны Бенилюкса, прибалтийские государства, Вишеградская четвёрка в составе Польши, Венгрии, Словакии и Чехии. Все перечисленные встречи создают плотную «ткань» принятия решений в ЕС, делают его достаточно устойчивым к внешним и внутренним шокам.

Но у такой практики есть и оборотная сторона, когда выработка мнения большинства, тем более консенсуса, превращается в слишком медленный процесс, а то и вовсе неосуществимый. «Пористость» управленческой сферы ЕС становится всё более очевидной. Особенно это заметно в периоды, когда от государств или наднациональных структур требуются быстрая реакция на опасные вызовы. Миграционный кризис продемонстрировал это со всей наглядностью.

Дорога к юбилейному саммиту в Риме оказалась трудной и исполненной препятствиями. Ещё в сентябре 2016 г. была принята «дорожная карта», целью которой стала выработка юбилейной римской декларации, составляющей приоритеты развития ЕС на ближайшее десятилетие. Финишную прямую к ней прокладывало заседание Европейского совета, прошедшее 9–10 марта 2017 г. в Брюсселе. Первый день работы прошёл в полном составе 28 членов; во второй день дискуссии продолжились без Великобритании. В результате мандат Д. Туска как председателя Европейского совета был продлён ещё на 2,5 года. Голосование по такому вопросу проводится квалифицированным большинством голосов. Если бы требовался консенсус, то Туска бы не избрали: против него проголосовала его собственная страна Польша в лице премьер-министра Беаты Шидло. В знак протеста против того, что позиция Варшавы по кандидатуре Туска была проигнорирована, она

заявила, что ЕС находится в глубоком кризисе и заблокировала принятие итогового документа. Его заменило заявление председателя Европейского совета.

Подноготная саммита в Брюсселе состояла и в том, что 1 марта 2017 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, в которой изложено пять сценариев развития ЕС³. Первый — «продолжение курса», второй — «только Единый рынок», третий — «кто хочет больше, делает больше», четвёртый — «делать меньше более эффективно», и наконец, пятый — «делать больше вместе». Фаворитом Брюсселя является сценарий номер три — «кто хочет больше, делает больше». Это хороший знакомый — концепция «Европы разных скоростей», которая заложена в Лиссабонском договоре, в том числе в виде «постоянного структурированного сотрудничества» в сфере безопасности и обороны. Конечно, на деле речь идёт о комбинации сценариев для развития ЕС в ближайшем будущем. Так, считается, что А. Меркель симпатизирует комбинации из 3-го и 4-го сценариев: «кто хочет больше, делает больше» и «делать меньше более эффективно», а Ж.-К. Юнкер предпочитает комбинацию из 3-го и 5-го сценариев, т. е. «Европа разных скоростей» и «делать больше вместе».

«Разноскоростная Европа» — идея достаточно старая и испытанная на практике. Так, только 19 членов ЕС из 28 входят в Еврозону, а среди них только 10 выступают за налог на финансовые транзакции. Другой пример — 22 страны из 28 входят в Шенгенскую зону. Однако в условиях кризисов последних лет вопрос о новых формах закрепления практики разнородности в развитии организации

³ White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. European Commission, 1 March 2017.

стал особенно остро и болезненно восприниматься рядом центрально- и восточноевропейских стран. Категорически против высказалась Польша и с разной степенью критичности — другие члены Вишеградской четвёрки. Открыто неудовольствие выразил президент Румынии Клаус Йоханнис. Эти государства опасаются, что более развитые, богатые и влиятельные страны пойдут по пути дальнейшей интеграции без них, выталкивая их в категорию государств-членов второго сорта.

В юбилейной римской декларации акцент сделан на четырёх приоритетах: защита европейских граждан и миграция; экономический рост, занятость и развитие; социальная Европа и, наконец, укрепление геополитической роли ЕС⁴. Все эти тематические блоки хорошо известны и во многом повторяют многократно заявленные постулаты. Каждый из них — вызов для этого регионального объединения, причём соизмеримой интенсивности. Другими словами, трудно расставить их иерархию и решать проблемы последовательно; странам-членам и Брюсселю приходится заниматься всем сразу. В результате его управленческий и финансовый потенциал истончается, теряется целеполагание.

Проблемы политического лидерства

Отдельно стоит вопрос о политическом лидерстве в ЕС. Современное драматическое состояние дел в Европейском союзе, в том числе брекзит — следствие

⁴ http://www.consilium.europa.eu/press-releases-pdf/2017/3/47244656633_en.pdf (дата обращения 10.10.2017).

усиления различных диспропорций, диспаритетов в нём. Для Германии это оборачивается необходимостью определяться со своей тактикой и стратегией внутри объединения и на международной арене. Брекзит резко меняет традиционную конфигурацию сил в ЕС. Распад «большой тройки» (Британия, Франция, Германия), какой бы неустойчивой она ни была, подталкивает к возрождению франко-германской оси. Но автоматически это не произойдёт; по сравнению с первыми десятилетиями функционирования ЕЭС сильно изменились и Франция, и Германия. Относительный вес первой снизился, а второй — вырос.

Вероятно, для решения этой проблемы неформальные согласования наиболее важных решений для ЕС будут проводиться силами видоизменённой «тройки» в составе Берлина, Парижа и Рима с регулярным подключением Мадрида (на примере состоявшегося в Версале в марте 2017 г. мини-саммита). Адаптация Германии к новой ситуации будет трудной: из этой четвёрки лишь Берлин продолжает настаивать на политике жёсткой экономии, сопротивляется превращению Европейского центрального банка в «кредитора последней инстанции». Кроме того, в ближайшем будущем у А. Меркель может не оказаться надёжных политических визави в трёх других столицах: амбиции Э. Макрона ещё должны доказать свою состоятельность, а партийно-политические системы Италии и Испании в отсутствие сильного политического лидерства находятся в состоянии, далёком от равновесности.

Экономика Франции находится в сложном положении, регулярно давая основания рассуждать о том, что эта страна может стать следующим слабым звеном

еврозоны. Во главе государства последние годы стоял крайне непопулярный президент-социалист, в то время как правый фланг партийно-политической системы раздроблен. На фоне дезориентации в кругах политического истеблишмента очки набирал Национальный фронт во главе с Марин Ле Пен. В результате её неизбежного поражения во втором туре президентских выборов 7 мая 2017 г. высший пост в стране занял Эммануэль Макрон — политик яркий, но пришедший к власти в результате стечения обстоятельств и не имеющий за собой собственной влиятельной политической организации. Это обстоятельство ставит его в сильную зависимость от внутривнутриполитической конъюнктуры. В Испании у власти правительство меньшинства во главе с М. Рахоем, и внеочередные выборы могут состояться как в этом, так и в следующем году. Зыбок демократический мандат и премьер-министра Италии П. Джентилони, оказавшегося на этом посту после вынужденной отставки М. Ренци в декабре 2016 г. Судя по всему, парламентские выборы в стране состоятся только весной 2018 г.

Во многом противоположные процессы долгое время происходили в Германии. Её экономика достаточно уверенно преодолела первую фазу кризиса в 2008—2009 гг., подтвердив репутацию экономического мотора европейской интеграции; под контролем остались показатели по безработице и инфляции. А. Меркель добилась для своей страны повсеместного признания в качестве тяжеловеса ЕС. В обиход вошла фраза (скорее лестная, чем критическая), что Германия теперь слишком велика для Европы, но ещё мала для мира. С уходом в начале XXI в. в прошлое деголлевской Франции и с новой волной евроскептических настроений на Берлин,

а не только на Брюссель, стали возлагать всё больше надежд как на центр интеграционного объединения.

В отличие от традиционных амбиций Лондона и Парижа, Германия до недавнего времени не претендовала на существенную автономию своей политики в рамках Евросоюза, а тем более за его пределами. Суверенитет Германии оставался и остаётся под «двумя замками» — «пула суверенитетов» ЕС и рудиментов внешнего управления как наследия 1945 г. Громкой заявкой на самостоятельность в принятии решений по крупным проблемам стала оппозиция Берлина Соединённым Штатам по вопросу о вторжении в Ирак в 2003 г. Позже Германия проявила очевидные лидерские качества в условиях бюджетного и долгового кризиса в ЕС в еврозоне, а затем в начальной фазе миграционного кризиса.

Асимметрия между экономической мощью ЕС и незрелостью его внешней политики в последние десятилетия постепенно уступала место более сбалансированному соотношению этих двух элементов. Однако их паритет — дело неблизкого будущего. В этой сфере последствия брекзита могут быть противоречивыми. Ключевые страны ЕС, освободившись от британского евроскептицизма, могут энергичней продвигать общую внешнюю политику и политику безопасности и обороны.

После британского референдума эти устремления быстро напомнили о себе, например на неформальной встрече Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини и министров обороны ЕС в Братиславе в сентябре 2016 г.⁵, в совмест-

⁵ ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?ref=I126719 (дата обращения 10.10.2017).

ном документе «Сильная Европа в мире неопределённости» Ф.-В. Штайнмайера, теперь уже президента ФРГ, и Ж.-М. Эйро, министра иностранных дел Франции⁶. В нём содержится предложение о заключении государствами — членами ЕС Европейского пакта безопасности.

Большим испытанием для политических амбиций Германии стали кризис долговых обязательств Греции, Испании, Португалии, Ирландии, а затем миграционный кризис. В первом случае репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию, во втором — в глазах Центральной Европы (Вишеградской четвёрки — Венгрии, Словакии, Чехии и Польши).

Всё больше стран — членов ЕС недовольны тем, что Германия действует исходя не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, а это лишь стимулирует дискурс о «национальных эгоизмах» крупных игроков. Кроме того, Германия как внутри ЕС, так и со стороны США подвергается критике за выдвижение неподъёмных требований жёсткой экономии своим партнёрам одновременно со ставкой на агрессивную экспортную ориентацию своей экономики.

В результате политические активы Берлина, накопленные в годы «тучных коров» и в начальный период финансово-экономического кризиса, сильно растрачены. Но светлая сторона брекзита для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о неизбежном лидерстве Берлина. Хотя здесь есть много

⁶ <http://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/european-union/events/article/a-strong-europe-in-a-world-of-uncertainties-28-06-16> (дата обращения 10.10.2017).

«но». Например, аспект «жёсткой силы»: численность бундесвера составляет 185 тыс. чел., а до объединения была 600 тыс. Расходы на оборону в ВВП страны с 2009 по 2014 г. снизились с 1,44 до 1,29 %⁷.

Показательна и дискуссия о «двух процентах», разгоревшаяся в Германии в ответ на требование новой американской администрации к союзникам по НАТО увеличить свой вклад в бюджет альянса⁸. З. Габриэль, сменивший в январе 2017 г. Ф.-В. Штайнмайера на посту министра иностранных дел, не раз заявлял, что ФРГ не собирается этого делать и что необходимо толковать понятие «оборонные расходы» как расходы на безопасность в широком смысле этого слова. Председатель Мюнхенской конференции по безопасности В. Ишингер в развитие этой идеи предложил индикатор «три процента», которые бы включали помимо военного бюджета траты на предотвращение кризисов и их урегулирование, на содействие развитию и т. п.⁹ Однако эти предложения противоречат постепенному развороту ЕС в сторону «жёсткой силы». В новой Глобальной стратегии ЕС записано, что «в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно»¹⁰. О росте значения «жест-

⁷ *Фёдоров В. П.* Существует ли германский вопрос? Гл. 1 // Германия. 2015. Ч. I. Доклад Института Европы № 327. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 16, 18.

⁸ На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. государства-члены декларировали необходимость увеличения военного бюджета каждого из них до 2 % национальных ВВП.

⁹ *Ischinger W.* Big League — More Europe, Not Less // *Monthly Mind*. 2017. March.

¹⁰ *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy.* June 2016. P. 47.

кой силы» говорится и в упомянутом выше совместном заявлении Штайнмайера и Эйро.

В отношении Германии речь продолжает идти о феномене «сомневающегося лидера», который во многом тяготеет выпавшей на его долю ответственностью. Действительность, однако, заставляет его играть эту роль всё активнее. Важен и тот факт, что на сегодня Германия остаётся в категории оптимистически настроенных к ЕС стран-членов. Опрос, проведённый 23 марта 2017 г., показал: 45 % немцев считают, что членство в ЕС их стране выгодно, а 75 % проголосовали бы за сохранение Германии в составе интеграционного объединения¹¹.

Но лидерство Германии вызывает в Евросоюзе не только оптимизм, но и обеспокоенность. И яблок раздора здесь сразу несколько. Помимо политики жёсткой экономии, либерального отношения к миграции и «Европы разных скоростей», это проект «Северный поток — 2». Берлин рассматривает его как вклад в энергетическую безопасность ЕС, а Польша, Словакия, Литва и ряд других стран — как невыгодный для них либо исходя из экономических соображений, либо геополитических. Ситуация здесь накалилась ещё больше после того, как Д. Трамп был вынужден в июле 2017 г. утвердить законопроект о новых санкциях против России, Ирана и КНДР. Среди прочего новый закон открыто ставит задачу по противодействию реализации проекта «Северный поток — 2».

Очевидно, что политический курс Германии и после выборов сохранит центристский характер, так как

¹¹ Поддержка ЕС со стороны немцев достигла 25-летнего максимума // Пульс Планеты. Европа. ИТАР-ТАСС. 2017. 23 марта.

ХДС / ХСС (традиционный альянс Христианско-демократического союза и баварского Христианско-социального союза) при любом коалиционном раскладе останется главной правящей силой. Во внешней политике это продолжит служить благоприятным фактором для возрождения франко-германского тандема. На это же рассчитывают и центристы во Франции. Ещё 16 марта 2017 г., на встрече с А. Меркель в Берлине, Э. Макрон в качестве кандидата в президенты заявил о том, что Германия в последние два года изменила стратегию: ранее она делала ставку на Россию и Китай, а теперь «возвращается» к Франции.

* * *

Многогранный кризис Евросоюза, развивавшийся с середины 2000-х гг., меняет отношение к «объединённой Европе» как к трафарету региональной интеграции с универсальными характеристиками. Несомненно, сложности функционирования этой модели являются вызовом для отечественной европеистики. Слабые стороны этой модели, недочёты и ошибки в евростроительстве заслуживают пристального внимания исследователей, особенно в приложении к развитию Евразийского экономического союза. Большое значение имеет учёт внешних негативных факторов для будущего ЕС, представляющих собой не меньший вызов, чем внутренние проблемы. Недостатки в сфере политического лидерства, феномен «нового популизма», социальная поляризация европейских обществ, трансформация партийно-политических систем, попытки развить стратегическую автономию организации, пути восстановления взаимовыгодных отношений с Россией — эти и другие темы ждут своего дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатов А. Г.* Контроль над ядерным оружием: конец истории? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2015. № 5. С. 5–18.
- Безопасность Европы* / Под ред. В. В. Журкина. М.: Весь мир, 2011.
- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2014.
- Борко Ю. А.* Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа.* 2015. № 3. С. 7–16.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие* / Под ред. В. М. Давыдова. М., 2014.
- Васильев В. С., Роговский Е. А.* Главный парадокс рыночной экономики, или Финансовая война как новая «холодная война» // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2015. № 3 (543), март. С. 47–62.
- Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2014 г. Обзор МИД России.* М., 2015. С. 3.
- Воспоминания о Николае Шмелёве* / Сост. Ал. А. Громыко. М.: Ин-т Европы РАН; СПб: Нестор-История, 2015.
- Глобальная перестройка* / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014.
- Глобальное управление: возможности и риски* / Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. (Сер. «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»).
- Год планеты: экономика, политика, безопасность* / Под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс, 2016.
- Громыко Ал. А.* Непрерывный диалог: опыт Дартмута // *Современная Европа.* 2003. № 3.

- Громыко Ал. А., Плевако Н. С.* О возможности вступления Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2. С. 13–16.
- Громыко Ал. А.* Цивилизация и Россия. Споры продолжаются // Стратегия России. 2009. № 7.
- Громыко Ал. А.* Цивилизация как объект исследования и российская идентичность // Россия в многообразии цивилизаций. М.: Весь мир, 2011. С. 861–866.
- Громыко Ан. А.* Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. № 1. С. 26–38.
- Громыко Ан. А.* Уроки мировой политики. Порядок или хаос? М.: Нестор-История, 2016.
- Данилов Д. А.* Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Аналитическая записка ИЕ РАН. 2015. № 12.
- Договор о европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы / Под ред. М. В. Братерского, С. В. Кортунова. М.: МГУП, 2011.
- Доклад Института Европы № 287. М.: Русский сувенир, 2013.
- Доклад Института Европы № 292. М.: Русский сувенир, 2013.
- Европа XXI века. Новые вызовы и риски / Под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
- Европейская аналитика 2017 / Отв. ред. К. Н. Гусев. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
- Европейские исследования в России (1992–2017) / Под общ. ред. О. В. Буториной. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2017.
- Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О. Ю. Потёмкиной, Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012.
- Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. М.: Весь мир, 2015.
- Журкин В. В.* Европейская армия: поражения и победы. М.: Международные отношения, 2012.
- Иванов И. С.* Европейский вектор внешней политики современной России. М.: НП РСМД, 2017.

- Кандель П. Е.* Региональные конфликты в Европе и их урегулирование. Гл. 9 // Безопасность Европы / Под ред. В. В. Журкина. М.: Весь мир, 2011. С. 178–212.
- Кокошин А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006.
- Кокошин А. А.* Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. М.: Едиториал УРСС, 2011.
- Концепция внешней политики РФ, утверждена 15 июля 2008 г.
- Концепция внешней политики РФ, утверждена 12 февраля 2013 г.
- «Концерт великих держав» XXI века / Под ред. А. И. Никитина. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Кувалдин В. Б.* Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир, 2017.
- Кременюк В. А.* Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Лавров С. В.* Сделать мир стабильным и безопасным // Международная жизнь. 2015. Октябрь.
- Максимычев И. Ф.* Минное поле холодной войны: останется Европа «Малой» или станет «Большой»? // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2014.
- Международная аналитика. Научный журнал / Ред.: П. Б. Паршин, А. Л. Чечевишников. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016.
- Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
- Никитин А. И.* Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2017.
- Никонов В. А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Э, 2015.
- Никонов В. А.* Российская матрица. М.: Русское слово, 2014.
- Никонов В. А.* Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015.
- Овчинский В., Ларина Е.* Холодная война 2.0. Доклад Изборскому клубу (<http://izborsk-club.ru/content/articles/4224> (дата обращения 10.10.2017)).
- Портанский А. П.* Многосторонняя торговая система и перспективы её реформирования. М.: Библиотека ИМЭМО, 2015.

- Предотвращение кризиса в контроле над ядерными вооружениями и катастрофический терроризм. М., 2016.
- Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.
- Рогов С. М.* США и Россия: новый вариант холодной войны? // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2016. С. 354–384.
- Россия — Европейский союз: возможности партнёрства / Под ред. И. С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013.
- Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н. П. Шмелёва, Т. Т. Тимофеева, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2011.
- Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.
- Россия и современный мир / Отв. ред. М. А. Неймарк. М.: Канон+; Реабилитация, 2016.
- Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: В 2 т. / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Савельев А.* Ядерное сдерживание в период конфронтации // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 30–39.
- Симония Н. А., Торкунов А. В.* Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. М.: Международная жизнь, 2013.
- Современная Германия. Экономика и политика / Под ред. В. Б. Белова. М.: Весь мир, 2015.
- Согрин В. В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36–52; 2016. № 1. С. 19–43.
- Титаренко М. Л., Трифонов В. И., Уянаев С. В.* Отношения РФ и КНР в контексте внешней политики нынешнего китайского руководства // Китайская Народная Республика. Политика. Экономика. Культура: К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С. 30–40.
- Урнов А. Ю.* Внешняя политика СССР в годы холодной войны и «нового мышления». М.: РФК Имидж-Лаб, 2014.
- Уткин А. И.* Мировая холодная война. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2005.
- Чубарьян А. О.* Российский европеизм: история, эволюция и будущее. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.

- Фёдоров В. П.* Существует ли германский вопрос? Гл. 1 // Германия. 2015. Ч. I. Доклад Института Европы № 327. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 16, 18.
- Шмелёв Н. П., Громыко Ал. А.* Большая Европа — грядущая реальность или утопия? // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: Весь мир, 2014.
- Язык как экономический и политический фактор международных отношений. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2015.
- A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003.
- A Twenty-First Century Concert of Powers — Promoting Great Power Multilateralism for the Post-Transatlantic Era. Frankfurt: Peace Research Institute, 2014.
- Blagden D.* Global multipolarity, European security and implications for UK grand strategy: back to the future, once again // International Affairs. 2015. March. P. 333–350.
- Christopher C.* The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. New York: HarperCollins Publishes, 2013.
- Cremades M. T., Novak P.* Brexit and the European Union: General Institutional and Legal Considerations // Study for the AFCO committee, European Parliament. PE 571.404, 2017. January. P. 45.
- Dinan D.* Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. 3rd ed. Boulder: Lynne Rienner, 2005.
- Elliott L.* Oil at the Heart of New Cold War // The Guardian Weekly. 2014. 14–20 November. P. 1.
- Elliott L.* RIP the free market new world order // The Guardian Weekly. 2014. 05.09. P. 19.
- Entous A., Barnes J. E., Lee C. E.* Hagel's Resignation Capped Tense Tenure // The Wall Street Journal. 2014. 27 November. P. 2.
- European Council meeting (15 December 2016) — Conclusions. Brussels, 15 December 2016. EUCO 34/16. CO EUR 10 CONCL 5.
- EU 2016. From Trends to Politics. European Commission. European Political Strategy Centre (EPSC).
- Foreign Affairs. 2014. July–October.
- Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. Sakwa R. I. B. Tauris & Co Ltd, 2015.

- FT Weekend Magazine. Special issue: Women of 2014. 2014. 13–14 December. P. 20–22.
- Hampshire J.* European migration // *The World Today*. 2014. August–September. P. 13–16.
- Interview: Anders Fogh Rasmussen. NATO “will not hesitate” // *Prospect*. 2014. June. P. 15–16.
- Ischinger W.* Big League — More Europe, Not Less // *Monthly Mind*. 2017. March.
- Is the EU Doomed? / J. Zielonka. Cambridge: Polity Press, 2014.
- Juncker J.-C.* 2017 — A make or break year for Europe / Europe is an anchor of stability in a changing world. www.politico.eu/wp-content/uploads/2017/01/Juncker2017oped.pdf (дата обращения 31.01.2017).
- Joint communication to the European Parliament, the Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 18.11.2015 JOIN(2015) 50 final.
- Kissinger H.* *The World Order*. London: Allen Lane, Penguin Group, 2014.
- Lucas E.* *The New Cold War. Putin’s Russia and the Threat to the West*. 3rd edition. New York: St Martin’s Press, 2014.
- Lutsevych O.* Agents of the Russia World. Proxy Groups in the Contested Neighborhood // *Chatham House Research Paper*. 2016. April.
- Mark L.* *Why Europe will run the 21st century*. London; New York: Public Affairs, 2005.
- MacMillan M.* *The war that ended peace: the road to 1914*. New York: Random House, 2013.
- McCormick J.* *The European Superpower*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Miller D. T.* Defense 2045. Assessing the Future Security Environment and Implications for Defense Policymakers // A report of the CSIS International Security Program. 2015. November. P. 41–50.
- Monaghan A.* A “New Cold War”? Abusing History, Misunderstanding Russia // *Chatham House. Research Paper*. 2015. May.
- Niblett R.* A Chance to regroup for NATO // *The World Today*. 2014. August–September. P. 30–33.
- No one’s World: the West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn / C. A. Kupchan. Oxford: Oxford University Press, 2012.

- Prime Minister's speech to the Republican Party conference 2017. 26 January 2017, Philadelphia.
- Ramsfeld D.* America's Vital Interests Are at Stake in Georgia // Financial Times. 2016. 22 November.
- Rifkin J.* The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. Cambridge, UK: Polity, 2004.
- Reich R.* Aftershock. The Next Economy and America's Future. New York: Knopf, 2010.
- Reich R.* Saving Capitalism. For the Many, Not the Few. New York: Knopf, 2015.
- Rhodes B.* A dust-up with the Iranians or the Chinese could get out of hand very fast // Politico. 2017. 19 January. P. 16.
- Russia in a Polycentric World / Eds. A. A. Dynkin, N. I. Ivanova. Moscow: Ves Mir Publ., 2012.
- Standard Eurobarometer 80, Autumn 2013.
- The EU Global Strategy. A View from Russia. Report of IE RAS. January 2017. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/news/30/IERASReportJanuary2017.pdf> (дата обращения 10.10.2017).
- The EU Global Strategy: Implications for Russia / Ed. O. Yu. Potemkina. M., Maska, 2017.
- The government's negotiating objectives for exiting the EU: PM speech. 17 January 2017. London: Lancaster House, 2017.
- Transatlantic Security Symposium 2014. A Cold Peace? West-Russia Relations in Light of the Ukrainian Crisis. Rome, 20 October 2014.
- Vision S.* Common Action: A Stronger Europe // A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. June. P. 47.
- White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025 // European Commission. 2017. 1 March.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулла А. 95
Альенде С. 111
Анастасиадис Н. 122, 138
Асад Б. 112
Байден Дж. 112
Барнье М. 210
Блэр Э. 60, 62, 96, 112
Брандт В. 58
Бузина О.А. 119
Буш-младший Дж. 58, 59, 147
Вильдерс Г. 208
Габриэль З. 220
Гани А. 95
Гизи Г. 72
Грей Дж. 181
Гринвальд Г. 117
Гринспен А. 7
де Голль Ш. 58
Джентилони П. 217
Джонсон Б. 178
Дынкин А.А. 132
Журкин В.В. 90, 133
Земан М. 55
Иванова Н.И. 13, 132
Ишингер В. 220
Йоханнис К. 215
Кадафи М. 111, 123
Кастро Ф. 191
Кеннеди Дж. 175
Киссинджер Г. 72, 132
Кларк К. 84
Клинтон Х. 111, 146
Кокошин А.А. 133
Купер Р. 32
Кэмерон Д. 58–62, 64
Ле Пен М. 97, 217
Лумумба П. 111
Маккормик Дж. 132
Макмиллан М. 84
Макрон Э. 97, 122, 216, 217, 222
Меркель А. 46, 72, 138, 214, 216, 217, 222
Могерини Ф. 49, 122, 188, 197, 218
Моннэ Ж. 57
Монтебур А. 97
Моссадык М. 111
Мэй Т. 178, 194, 196, 197, 209, 212
Ниинисте С. 122
Никонов В.А. 36, 134, 225
Обама Б. 95, 113, 118, 147, 148, 195, 196
Олланд Ф. 46, 55, 97, 138
Орбан В. 55, 122
Ортега-и-Гассет Х. 88
Пауэлл Дж. 112
Пойтрас Л. 117
Помпиду Ж. 58
Порошенко П.А. 119

- Примаков Е. М. 129
Путин В. В. 98, 112
Райх Р. 181
Рамсфельд Д. 183
Рассел Б. 14
Рахой М. 217
Ренци М. 67, 96, 138, 217
Рифкин Д. 132
Родс Б. 195
Рузвельт Ф. 127
Саакашвили М. Н. 8, 70, 73, 116
Саркози Н. 46, 101
Симония Н. А. 133
Сноуден Э. 117
Тальявини Х. 116
Торкунов А. В. 133
Трамп Д. 37, 42, 68, 99, 109, 113,
125, 141, 146–148, 179, 186,
189, 191, 193, 195–197, 221
Трумэн Г. 151
Турчинов А. 120
Туск Д. 212, 213
Фердинанд Ф. 173
Фицо Р. 55, 138
Фукуяма Ф. 131
Хайек Ф. 23
Ханн Й. 49
Хантингтон С. 32, 131
Хаттон У. 181
Хейгел Ч. 113
Хит Э. 58
Хрущёв Н. С. 175
Хусейн С. 59, 111
Ципрас А. 122, 138
Черчилль У. 60, 87, 151
Чубарьян А. О. 133
Шидло Б. 213
Шмелёв Н. П. 10, 130, 133, 170
Шольц Г. 120
Шпенглер О. 88, 131
Штайнмайер Ф.-В. 219, 220,
221
Шуман Р. 57, 169, 202, 208
Эйро Ж.-М. 219, 221
Эллиот Л. 99, 114
Эрдоган Р. Т. 53
Юнкер Ж.-К. 122, 214
Янукович В. Ф. 72, 92, 96, 112

Научное издание

Алексей Анатольевич Громыко

**О НАСУЩНОМ
Европа и современный мир**

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 23.10.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 14,5. Заказ №1063
Тираж 1000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86